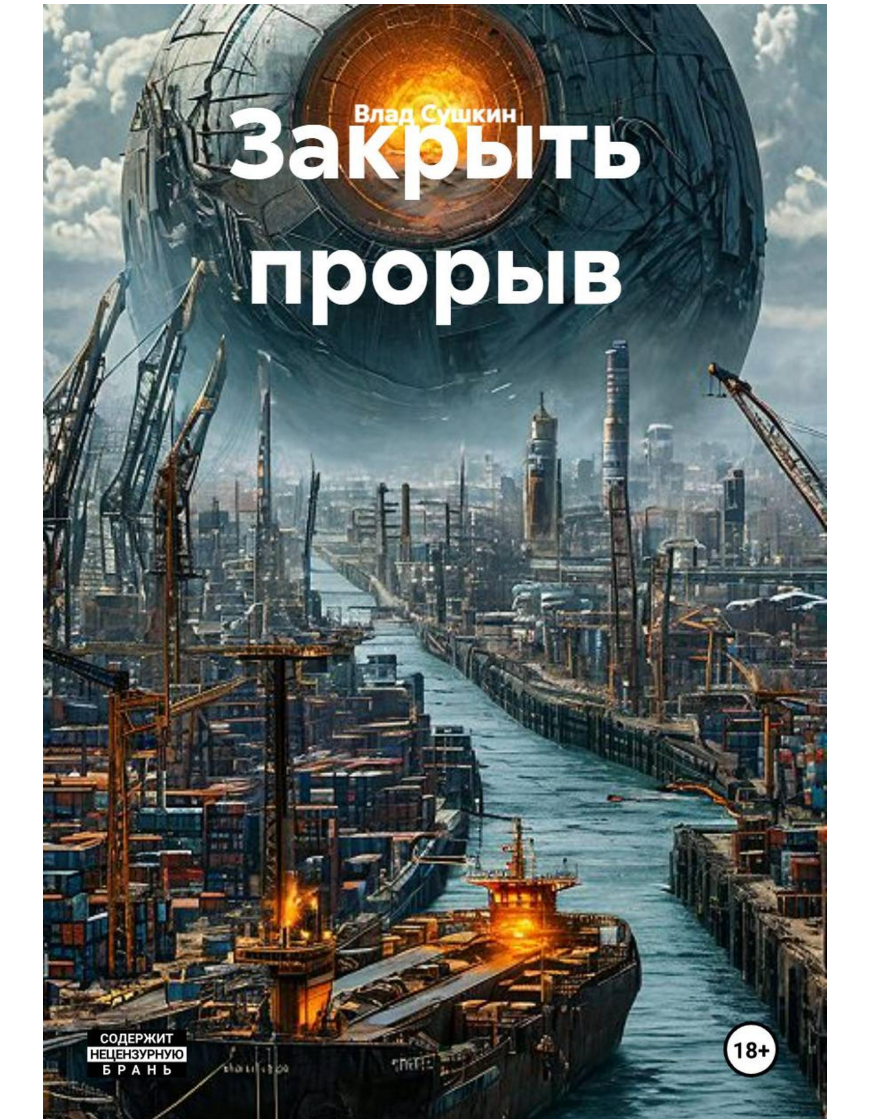

Влад Сушкин

Закрывать прорыв

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Влад Сушкин

Закреть прорыв

<https://litres.ru/74256657>

SelfPub; 2026

Аннотация

В результате кровавого ритуала на контейнеровозе в морском порту появляется портал, из которого лезут неандертальцы со своими животными и похищают жителей города. Военные сами не справляются и подключают добровольцев, хватит ли у среднестатистического гражданина смелости вступить в бой и закрыть прорыв?

Содержание

Пролог.	4
Глава 1.	9
Глава 2.	49
Глава 3.	61
Глава 4.	85
Глава 5.	101
Глава 6.	128
Глава 7.	141
Глава 8.	160
Глава 9.	176
Глава 10.	189
Конец ознакомительного фрагмента.	205

Влад Сушкин

Закреть прорыв

Пролог.

Ночь. Теплая июльская ночь на южном побережье огромной страны. Очередной огромный сухогруз входил в бухту, направляясь к порту для разгрузки. Светила полная луна. Дул легкий бриз, неся с берега жар и запах человеческой жизнедеятельности: выхлопные газы, дым от мангалов, смесь парфюма и гниения водорослей. Весь берег бухты светился разноцветными огнями и переливался в отблесках на поверхности моря.

Вдруг на самом верху стеллажа из контейнеров раздался скрежет и тот, что был на вершине пирамиды открылся. Из темного проема выглянул один тип в капюшоне, а затем вышли двое, привязали веревочную лестницу к штанге дверной ручки и сбросили ее вниз. Дополнительно к лестнице привязали еще и веревку с навязанными заранее узлами. Потом двое спустились вниз, а на крышу контейнера выбрался третий в таком же балахоне с закрытой капюшоном голове. Спустя минут пятнадцать двое вернулись, принеся бесчувственное тело матроса, привязали его к спущенной веревке и выглянувший на окрик третьего четвертый помог коллеге

втянуть тело на самый верх. Там они отвязали веревку и кинули ее вниз, где уже никого не было, так как первые двое сразу же отправились за новой добычей.

Третий с четвертым заволокли тело внутрь контейнера, там разожгли жаровни по углам. Разгорающийся огонь осветил внутреннее убранство: в центре стоял каменный четырехгранный алтарь, старый, потрескавшийся, в темных потеках высохшей крови, по краям от него были четыре лежака, а в дальнем углу, на матрасе, укрытом шкурами, сидел старый шаман. Он не скрывал своего сморщенного лица, седых волос на голове и такой же седой длинной бороды. В узловатых пальцах он сжимал четки, сделанные из чьих-то позвоночных костей, перебирал их и хрипло шептал какое-то заклятие.

Помощники, не суетясь, сняли с матроса майку и положили грудью на алтарь лицом вверх. Шаман неспешно поднялся и достал из-под полы своего старого балахона изогнутый кривой кинжал. Подошел к распростертому телу, не прекращая проговаривать какой-то речитатив, поднял оружие и вперив бельма пустых глаз в крышку контейнера, резко опустил клинок на грудь жертвы. От боли матрос попытался дернуться, но прислужники держали его крепко, а шаман, повысив свой голос, резкими уверенными росчерками разрезал грудь бедолаги, запустив вторую руку в грудную клетку приговоренной жертвы, извлек еще трепещущее сердце умирающего человека. Прислужники сразу же откинули труп в

сторону и поспешили наружу, где первые двое уже привязали к веревке следующего агнца для заклания.

Продолжая напевать свои мантры, шаман поместил сердце в нишу внутри алтаря и позволил помощникам возложить вторую жертву, а потом повторил процедуру. Всего за десятков минут шаман поместил четыре сердца, по одному в каждую нишу на гранях алтаря, а пятое положил сверху. Затем он поднял руки вверх и заголосил, уже не скрываясь, в полную силу. Что он там кричал, разобрать было невозможно, да и язык был явно нерусский. В какой-то момент он дернулся, опустил руки над алтарем, полоснул кинжалом себя по руке и пролил уже теперь свою кровь прямо на сердце, лежащее сверху.

Луч кроваво-красного света стал прорываться из центра алтаря, ударил сначала в сердце, потом в кинжал, от него срикошетил в старого шамана, попав в висящие у него на груди амулеты, а уже от них, оттолкнувшись направился на выход из контейнера, где метрах в пятнадцати уперся в крышу другого контейнера. Толщина луча стала увеличиваться, в месте соприкосновения с поверхностью он стал стелиться по крыше, закручиваясь в водоворот против часовой стрелки. Сердца на алтаре и в нишах стали уменьшаться в размерах иссыхая на глазах, а луч все набирал силу. Над крышей контейнера уже крутился красный смерч, постепенно набирая высоту, освещая все вокруг и привлекая внимание команды корабля. Люди забегали вниз, зазвучала сирена.

Неугомонные приспешники тащили еще одно бесчувственное тело к веревке.

Достигнув высоты метра в три, смерч замер, шаман дернулся, сухие сердца рассыпались пылью. Тогда он что-то гневно прорычал и двое его помощников, ни секунды не колеблясь, подскочили к алтарю и провели по лезвию кинжала своими ладонями, обагрывая теперь и своей кровью ненасытный алтарь. Смерч не стал больше кружиться, он запульсировал, толщина луча стала набухать, а потом кроваво-красная спираль взорвалась ярким светом, осветив всю бухту и прибрежную часть южного портового русского города, ошутимая воздушная волна отправилась следом за потоком света. Световая сфера пролетела километров пять и ее силы истощились, от очерченной границы круга поднялся купол, изолирующий выделенную область от остального мира. Когда свет поднялся от поверхности земли и соединился в верхней точке снова блеснула вспышка и вниз потек уже холод. Температура резко опустилась ниже нуля и даже морская вода вокруг остановившего движение корабля стала замерзать, превращаясь в лед.

На месте смерча открылся портал, из которого потоки ветра вынесли снежные вихри, а вместе с ними на крышу обледелого контейнера шагнул двухметровый гигант, облаченный в звериные шкуры с черепом рогатого животного на голове вместо шлема. Он ощерился в оскале сквозь длинную курчавую бороду, помахал старому шаману двуручной секи-

рой и ни капли не смутившись месту, в котором оказался, начал спрыгивать по контейнерам вниз. Следом за ним из портала выскочила черная мохнатая кошка с теленка ростом и заспешила за хозяином. А потом стали выходить другие охотники и воины, кто-то нес копье, кто-то лук, были и мечи со щитами, через плечо были перекинuty мешки и ловчие сети, некоторых сопровождали лохматые псы, доходившие ростом до середины груди своим хозяевам. Глядя на эту процессию, помолодевший шаман улыбался, его послушные последователи обильно лили кровь уже шестой жертвы на алтарь, а лучик силы теперь тянулся непосредственно к шаману. Тот отвлекся на дискомфорт в беззубом рту, поводил языком по деснам, убедился, что они разбухают, так как наружу лезут молодые зубы и засмеялся, дико, необузданно, удовлетворенно, как человек, который получил то, к чему стремился не один десяток лет.

Глава 1.

Я проснулся от какого-то толчка и открывая глаза заметил вспышку света за окном. Блик резанул по глазам, и я поморщился, «да что там за хрень опять?» Повернулся на другой бок и попытался уснуть, пытаюсь вспомнить, что же мне снилось, но вдруг снова вспышка и я расслышал возбужденные голоса соседей по общежитию, покряхтел и все-таки через силу поднялся. Ленно было вставать, но я понимал, что при таком бубнеже я уже не смогу обратно уснуть

- Какого хера вы тут шумите? – Я вывалился на общий балкон, где уже столпилось человек семь в трусах. Кто-то даже успел закурить.

- Дык сам посмотри! – Юрка монтажник ткнул рукой в сторону. – Снег мля идет, натуральный!

- Да ну нах!.. – Попытался я возмутиться и повернул голову в сторону улицы.

Действительно, в середине июля шел самый настоящий снег. Снежинки еще пока таяли, падая на металлические перила, но вот в воздухе уже отчетливо ощущался холод.

- Мля, даже пар со рта... - Проговорил Серега сварщик и демонстративно медленно выдохнул, изо рта действительно пошел водяной пар.

Я растер лицо, пытаюсь проснуться. Такое ощущение, будто с бодуна: вроде вокруг все реально, но сам, как в вакууме,

смотришь через стекло и слышишь через бируши.

- А что там вспыхнуло? – Уточнил подошедший Василий, уже пенсионер, но все еще крепкий мужик. – Да и бахнуло вроде тоже не хило так.

- Да хрен знает, я сам услышал и вскочил, думал, уже на часть воинскую напали ну или рвануло там что-то, а оно вроде бы и тишина. – Вмешался Саня изолировщик.

- В порту, там, смотрите, е-мое, это че за херня такая! – Привлек общее внимание Юрка.

Я вместе с остальными посмотрел в сторону моря и офигел, собственно, также, как и остальные: на корабле, везущем контейнеры, засветилось натуральное солнце, потом правда яркость притихла, да и началось какое-то блыманье, как будто лампочка люминесцентная перегорает, но сам факт света остался. На пожар не похоже, так, скорее светомузыка какая-то. Какое-то время еще постоял с мужиками, потрындел обо всем и ни о чем, потом поежился, а ведь действительно, холодно стало, потер руками озябшие плечи, плюнул и пошел досыпать. Правда окно все-таки закрыл, с улицы шла уже не прохлада, а вполне себе ощутимый дубняк.

Когда открыл глаза, в окне уже было светло, посмотрел на будильник в смартфоне, еще только пять тридцать, так и какого я так рано проснулся? А потом понял, что в комнате холодно. Причем проснулся я именно из-за того, что замерз. Во сне простыню на себя натянул, но она не справилась. Поднялся и стал искать одеяло в шкафу, а потом все-

таким бросил взгляд в окно и обалдел. Дерево, что стояло рядом, было покрыто снегом, на зеленых листьях была нехилая такая шапка, на стекле, по краю рамы, начал образовываться узор инея, даже пол стал холодным. Я бросился ближе к окну и опять не смог скрыть удивления: все на улице было покрыто снегом, слой насыпало сантиметров сорок уже, и он продолжал падать.

Все еще офигевая стал одеваться: носки, трико, майка, надел и свитер в шкаф, брюки, ватная рабочая куртка, даже перчатки и шапку одел, вместо ботинок обул теплые сапоги. Вышел в коридор и с трудом смог открыть входную дверь на этаж – слой плотного снега был очень большим. Сообщение между этажами поддерживалось двумя лестницами – внутренней и внешней, пожарной, вот ее я и открыл.

- Песец, мля, зима пришла! – Выругался я в голос, все еще не веря своим глазам, спустился по хрустящему насту вниз с третьего этажа на первый и прошелся немного, прокладывая колею в снегу. Потом пошел в свой вагончик, где попытался включить чайник, но электричества не было. Пришлось возвращаться в комнату общежития, но и там со светом был голяк. Видимо снег оборвал провода, бывает. Вот только что же теперь делать? Все запитано на электричестве: чайники, микроволновки, плита и холодильник. Полез в смартфон узнать последние новости, но сети нет. Две симки разных операторов, но обе без покрытия. Разве так бывает, чтобы ни одна сотовая вышка не могла работать? В расстроенных

чувствах я снова пошел на улицу. Спустился вниз и пошлепал к дороге, протаптывая дорожку в снегу.

На трассе неожиданно оказалась пробка, причем на выезд из города в сторону Кабардинки. В город въезжала от силы одна машина в пару минут. Дошел до обочины и осмотрелся: дорогу от снега никто не чистил, только то, что сам автотранспорт растаскивал, да и глупо было ждать от коммунальщиков какой-то оперативности – у них даже снег первого декабря неожиданно идет, в разрез с планами и графиками, а тут середина июля. Люди, сидя в машинах, крутили в руках свои телефоны в тщетной попытке найти сеть и позвонить, трепали нервы друг другу, если было кому, кто-то вышел из машины и нервно курил. Одна из легковых машин, въехавшая в город, остановилась рядом со стоящей в пробке, оттуда выскочил мужик и подошел к ней со стороны водителя. Сидящий узнал подошедшего, вылез к нему навстречу, и они стали что-то оживленно обсуждать. Я был рядом, поэтому решил подойти ближе и послушать, что там происходит.

- Короче говоря, там какая-то прозрачная стена, мягкая, но упругая. – Нервно затягиваясь сигаретой, вещал подъехавший мужик. – Тип на машине влетел в нее на скорости, его самого об лобовое размазало, а бампер и капот у машины целые, ее обратно вернуло, прикинь?

- Че за херню ты несешь? Как так размазало, а капот целый? – Не поверил его приятель.

- Да я сам остановился и попробовал эту стену, она плот-

ная, но под пальцами слегка прогибается, как какой-то энергетический барьер, е-мое. – Мужик снова затянулся сигаретой.

- Чета мне с трудом вериться, Петруха, ты не с бодуна, не? – Ухмыльнулся пробочник.

- Мля, да ты сам езжай и посмотри! – Вспылил первый. – Ты же видишь, что многие возвращаются обратно? – Он указал рукой на проезжающие машины в город.

- А может эти с Кабардинки прут или с Геленджика?

- Нет, епт. – Тот даже рукой махнул.

- А какого тогда остальные стоят? Чего ждут?

- А может они транзитом? Сквозняком через Новоросс перли, а теперь встали и без понятия, что дальше делать. – Решил я вкинуть и свои пять копеек.

- Во-от, видишь? – Оживился первый. – Главное, что стена эта прозрачная не только на дороге, она сплошняком прет и с той стороны снега нет вообще!

- Блин, да вы на море гляньте, оно же замерзло нахрен! – Я не верил своим глазам, да, зимой брызги морской воды замерзали на морозе, но сама поверхность никогда, а тут сплошняком покрылось льдом.

- Дык температура упала уже до минус двадцати пяти градусов! – Присвистнул второй, заглянув в машину. – Ты куда теперь, Петь?

- Домой конечно! А кули тут делать? Проехать варианта нет, связи нет, буду дома ждать новостей.

- Так и связи нет и интернет сдох! – Добавил и я.
 - Тем более, какие варианты?
 - Да, собственно, никаких. Ладно, давай, держитесь там...
- Второй мужик пожал приятелю руку, махнул мне и полез в машину.

Первый уже запрыгнул к себе и стартанул по заносимой снегом дороге. Я отошел с проезжей части, проводив взглядом разворачивающегося собеседника, сам побрел обратно в общагу, переваривая новость о стене, невидимой и мягкой стене...ну надо же.

В общаге уже почти все поднялись, большинство как раз и вставало начало седьмого. Начальник участка спустился в подвал и запустил дизельный генератор, в общежитии появился свет, и жильцы отправились на общую кухню завтракать. Я поднялся к себе в комнату, разделся и пошел ко всем на прием пищи и обсуждение новостей. Обрадовались моим новостям все, без исключения. Правда тут у каждого нашлись собственные мысли и предположения, хотя сам факт невидимой преграды на дороге никто оспаривать не стал.

- Температура все еще продолжает падать. – Отпив горячего кофе проговорил прораб Дмитрич. – Ситуация, конечно же, не стандартная, но, видимо, о работе сегодня речи не идет. Тут надо разобраться во всем. Солярки у нас хватит на несколько дней, а там посмотрим, как оно пойдет.

- Так может эта, может прогуляемся до той стены, посмотрим. – Предложил монтажник Пашка. – Интересно же, прав-

да или брешут.

- А я бы, пожалуй, до магазина прогулялся, хавчика набрал бы разного, пока еще есть такая возможность. – Проговорил старый сварщик Михалыч.

- Значит так и поступим, доедайте, собираемся и пробежимся-осмотримся. Пашка отправится к стене, мы с Михалычем до магазину. Как раз по пути может чего нового и узнаем. Так, только лишний раз электроприборы не включайте, а то правда, хрен его знает, насколько эта канитель затянется.

Я хоть и проработал в конторе уже больше трех лет, но все равно, в общем составе считался самым молодым и зеленым. Придя с армии отучился в технаре и устроился по специальности. Других вариантов не представилось, поэтому и работал монтажником. Ну, работа не то чтобы сверх тяжелая, но бывало всякое, а так, платили хорошо и вовремя, а о чем еще мечтать холостому парню, собирающему себе на собственное жилье и автомобиль. Поэтому чаще всего собственных решений не принимал, всегда следовал в фарватере старших коллег. Вот и сейчас, когда мужики собрались и вышли из общаги, пристроился за прорабом. Рассудил, что о стене я уже слышал, а что там у магазина происходит еще не знаю, поэтому туда и отправлюсь.

Магазин был круглосуточный, стоял в трех кварталах, предоставлял на выбор основные категории продовольственных товаров и конечно же спиртосодержащие в том числе.

Мы шли по тротуару, протапывая в снегу колею, на дороге машины так и стояли в пробке. В обратную сторону уже никто не ехал, видимо, те, кто был местный уже закончились, а остались транзитники. Некоторые открывали окна и спрашивали, что происходит, как им быть: абсолютное большинство сейчас были одеты в шорты-шлепки-майки, поэтому единственный вариант выжить – топить нещадно печку.

- А ведь замерзнут нахрен люди-то! – Проговорил, отдуваясь от натуги прораб. – Где же помощь, где сраные коммунальщики?

- Че теперь, к себе, в общагу их поволокём? – Михалыч ткнул пальцем в ближайшую легковушку. – Там же детёнки вон сидят. Этож бздыхи, на юга приехали, видать, нихрена теплого с собой не взяли.

- Так-то детишек можно было бы и отволочь в общагу, только вот без мамки и папки они не пойдут, да и пока ты их доведешь они околеют нахрен! – Стал рассуждать Дмитрич. – А еще не забывай, что соляры у нас не так чтобы много, пару дней продержимся, а дальше все в ледышки превратимся!

- Мля, да как же так, тут их оставим и смотреть будем, как замерзают? – Опешил старик.

- Нет. Наверное. Короче, посмотрим. – Прораб отмахнулся. – Давай сначала разберемся с магазином, узнаем, что да как, а потом обмозгуем.

- Можно буржуйки склепать, покудова дизель шпарит, сварить с листа хоть какие-нибудь мангалы-жаровни там, да

и пропан же еще есть, в конце то концов! – Шел и сыпал идеями сварщик.

У магазина была натуральная толчея, народу набилось много, кто-то орал, кто-то переругивался, кто-то спорил. Как тут же повели неравнодушные люди вновь прибывшим продавщица сначала не хотела без работающей кассы отпустить за наличку, но после угрозы обнести магазин не расплачиваясь, стала записывать что у нее покупают и складывать банкноты в кассовый аппарат. А потом началась проблема у тех, кто не имел наличности, как расплатиться, если ни карту не читает терминал, ни в телефоне не запускается без интернета приложение онлайн банка. Дошло до того, что предлагали купить за наличку часы, серьги, кольца, разную мелочевку лишь бы получить возможность приобрести продукты.

- А у нас наличные есть? – Обратился прораб ко всем нам, его сопровождающим. Вот тут как раз и выяснилось, что кроме старого сварщика, остальные без копейки, даже я привык расплачиваться везде телефоном. – Мля, ну вы красавчики, че! Накуя тогда поперлись за нами? Давай Михалыч, пошли к кассе!

Они стали протискиваться вперед, а я с остальными остался. Огляделся на колонну машин, сжигающих остатки топлива в бензобаках в отчаянной попытке согреться, ведь и на заправке без электричества не смогут ни принять оплату, ни заправить автомобиль. Так-то конечно жаль всех этих незнакомых мне людей, но как-то личный комфорт и теп-

ло собственного тела гораздо важнее. От таких мыслей даже дрожь по телу прошла, и я запахнулся в рабочий ватник потуже.

Тут из старенького потрепанного ГАЗа выскочил водитель, закутанный в какое-то покрывало и в шлепках побежал к нам, стараясь делать шаги как можно дальше.

- Муж-жи-ки! Спа-сай-т-те! – Замерзшие губы еле могли выговорить слова по слогам. Мужичка уже колотило со страшной силой. – За-мерззз на-хре-ен!

Один из сочувствующих протянул ему бутылку водки, тот трясущимися руками вцепился в нее и жадно присосался к горлышку. Не смотря на спазмы гортани, он все-таки смог сделать несколько больших глотков. Другой сочувствующий молча протянул кусочек колбасы с хлебом.

- Спа-с-си-бо! – Проговорил замерзший, икнул и вцепился зубами в предложенную закуску.

Тут из магазина вышел прораб со сварщиком, подошли к нам.

- Нужно спасать мужика! – Сказал Коля монтажник Дмитричу и кивнул на дрожащего от холода человека. – Он на ГАЗоне ехал. – И показал на стоящий в пробке грузовик с будкой.

- Он у тебя на соляре? – Спросил водителя прораб.

- Да-а. – Закивал жующий.

- А сколько там в баке той солярки?

- Пполный был. Ссс веч-чера ззап-равил.

- Семен, - Дмитрич повернулся ко мне, - отгонишь на участок?

- Хорошо. – Коротко ответил я и подхватив водителя под локоть пошел с ним к машине. – Давай, шустрее шагай. Быстрее приедем, быстрее в тепло попадешь.

Не знаю, что на меня нашло, да, права у меня были «В-С», но почему-то трясущийся от холода человек, выпивший водки для сугреву, вызывал подсознательное омерзение. Или это я на себя злился, а скорее даже на прораба. Ведь он, словоч хитрожопая, про детишек тут заливал, а оно вон как: стоило типку левому попроситься, так первый вопрос – «а ты нам что за это?» «О, у тебя есть полный бак горючки, так милости просим!» Говеное чувство, так-то и сам я буду от той солярки греться, как и остальные, да, но вот лезть в говно за ней пришлось только мне. Странное чувство, отвлечься надо.

- Давай, запрыгивай! – Я с какой-то уже даже злостью, за толкал бедолагу в кабину на пассажирское сиденье и захлопнул за ним дверь, пошел к водительской, а тут ко мне подскочила девушка из Оки, что стояла перед ГАЗоном.

- А вы ведь его в тепло повезете, правда, же? Вы извините, но мы тоже уже совсем замерзли в машине, печка не справляется. – Девушка была молоденькая, лет двадцать пять, правда сейчас вся обмотанная разными тряпками: на голове кепка, под футболку на торс замотала полотенце, ноги поверх шорт обмотаны парео, на руках намотаны трусики,

на ногах несколько слоев носков. – Можно мы тоже с вами поедem, мы не стесним, нам бы только согреться и помощи дожидаться.

- Много вас? – Сам спросил, но уже решил, что согласен, из-за инея на стеклах я не видел кто там в машине, но даже если в Оке сидит ее муж качек и трое детей сопливых, вредная теща и старый занудный тесть, пофиг. В конце концов, мне нужна реабилитация перед собственной совестью.

- Четверо, мы на море ехали, отпуск у нас. – Девушка начинала дрожать, та одежда, что на нее была напялена, в машине еще как-то спасала, а на улице уже нет.

- Хорошо, следом езжайте. – Буркнул и полез в кабину ГАЗа.

Сто лет не сидел за рулем грузовика, да я и на легковушке-то ездил последний раз, когда друзья бухали, а я нет и потом их домой отвозил. Мля, в тот раз я потом сам на маршрутке к себе домой добирался. Все меня вечно используют в своих целях, а я когда так буду, а? Завел машину, погазовал чутка и покрутив руля туда-сюда, смог выехать на встречную полосу. Тут уже дал жару и попер уверенно. В зеркало заметил, что Ока выскочила из пробки и едет следом. На повороте к участку опять посмотрел в зеркало: помимо Оки за нами увязался еще и форд, какие-то ушлые смекнули и решили проскочить под шум волны.

К участку дорогу никто не чистил, но ГАЗон прошел легко, а вот Ока скорее всего забуксует, но это потом, сначала

водитель. Уж если я пообещал что-то кому-то, то обязательно сделаю! Подрулил почти к порогу общаги, но припарковался так, чтобы не мешать особо. Заглушил двигатель, кинув ключи в карман, выскочил сам и выволок водителя, тот был уже почти в беспамятстве, еле двигался и не дрожал. Пришлось его укутать в покрывало и почти на руках нести внутрь. Хорошо, что оставшиеся в общаге мужики слышали, как я подъехал и выскочили на улицу. Передал им замерзшего водителя, попросил отогреть и накормить, а сам поспешил на выход.

Как я и думал, Ока осилила лишь треть пути. Девушка усердно гарцевала на брюхе, вращающиеся из стороны в сторону колеса только разбрасывали брызги снега, но машина не двигалась с места. Никто, естественно, изнутри не вылез, чтобы попробовать вытолкнуть ее из сугроба. За Окой стоял фورد и также наблюдал, не предпринимая никаких действий, номер его был московский. Я подошел к Оке и показал девушке водителю, чтобы приспустила окно со своей стороны.

- Я помогу оттолкнуть машину в сторону, дальше все равно не проедешь. – Показал куда. – Здесь ее оставите, а сами со мной пойдете.

Поднапрягшись, смог дать необходимый импульс и Ока с рывка перескочила колею ГАЗона и погрузилась в сугроб на обочине, теперь она не станет препятствием, если вдруг решим на ГАЗоне прошвырнуться за покупками.

- Вылезайте, пошли со мной. Вещи все забирайте! – Я по-

мог открыть двери увязнувшей в снегу машине и выбраться из нее всем четверым... девушкам! Вот это сюрприз, приятный и неожиданный. Подхватил их баулы и повел за собой к общежитию. Сразу же решил их отвести к себе. Таким богатством не буду добровольно ни с кем делиться. По пожарной лестнице поднялись ко мне на третий этаж, там провел их к себе в комнату. Жил я один, но кровати были две, обе застелены, вещей разных тоже скопилось порядочно. За три года работы, проводя здесь большую часть времени как-то оно само так получилось. Оставленный включенным электрический обогреватель прогрел комнату градусов до двадцати пяти, еще не сауна, но с мороза прям парилка.

Скинул ватник и сапоги. Предложил девушкам размещаться на кроватях и побежал на кухню ставить чайник. Потом вернулся в комнату, порхая, как бабочка, выдвинул на середину тумбочку, будет вместо стола, сгреб с нее весь мелкий хлам в верхнюю полку и поставил пару кружек. Тут конечно засада, моих кружек всего две, а чужие кланчить только провоцировать.

- У нас есть посуда. – Встрепенулась одна из девчонок. Они потихоньку избавлялись от своих обмоток, я мельком бросал оценивающие взгляды на фигуру и пропорции, а ничего так, есть из кого выбрать! – Там в вещах, я сейчас достану.

- Хорошо. Пить что будете, чай или кофе? – Мнения разделились, я улыбнулся и помчал на кухню за чайником и

остальными вещами. Сердце почему-то пело. Откуда-то нахлынула такая радость, сам не мог себе объяснить причину, но понимал, что веду себя по-идиотски.

Когда принес кипяток и заварку с кофе, девушки уже привели себя в относительный порядок. В тумбочке нашел еще и пачку печенья, а еще с кухни принес банку с вареньем. Разлил по кружкам кипяток и застыл у импровизированного стола. Они расселись по двое на каждой постели, стулья у меня были, как раз по одному у изголовья каждой кровати, но вариант присесть на стул показался мне почему-то унижительным что ли. Психанул и потащил пустой чайник на кухню. Как-то быстро запад пропал. У меня нормально отношения с девчонками не складывались с самой школы. Попытки «дружить» заканчивались достаточно быстро – нищий парень не привлекал внимание сам по себе. Больше двух-трех встреч никогда не было, а уж о том, чтобы зашло дальше и речи не велось. Первую женщину я познал уже после армии, и та знала, что она от меня хочет, а не наоборот. Тогда завалились в ночной клуб с приятелями студентами и как-то неожиданно танцуя оказался в центре внимания уже достаточно взрослой дамы, а потом туда-сюда и поехал с ней к ней же. Но после она сама выставила за дверь и сказала забудь. Попытки познакомиться с ровесницами ожидаемо приводили к закономерному финалу: «квартира есть? Нет! Машина есть? Нет! Ну и нах ты мне нужен такой, нищий?» Так-то может они и правы, но от этого не легче.

Поставил чайник и выглянул в окно, там из припаркованного форда мужик с бабой таскали вещи в общагу, видать кто-то из мужиков пустил, ну и хрен с ними. Сделал несколько вдохов-выдохов, собрался с силами и пошел, в конце концов это моя комната и мои вещи, кто в доме хозяин?

Зашел, а они уже щебечут о чем-то, остановился на мгновение и протянул руку к стулу.

- Иди сюда садись. – Сказала девушка с черной карэшечкой сидящая слева ближе к окну и подтолкнула попой подругу, той пришлось отодвигать подушку и двигаться самой. Я не стал больше тупить, обошел тумбочку и сел рядом. – Меня Юля зовут, это Оля. – Показала она на водителя Оки, блондинку со вторым размером груди, сидящую напротив и жующую печенье. – Это Галя. – Взмах руки в право, на ту, что подвинули, и ей это явно не понравилось. – А это Надя. – Сидящая рядом с Олей девушка с вьющимися длинными рыжими волосами и выдающимися формами зарделась, хотя куда уже дальше, и так с мороза у всех были красные лица. – А тебя как зовут, наш спаситель?

- Семен я. – Блин, приплела этого спасителя, сижу и не знаю, куда глаза деть. – Ничего тут нет такого сверхъестественного.

- А мы вот на море ехали, в Геленджик, хотели там в частном секторе комнаты снять. Говорят, что на Тонком мысу неплохо все обустроено и опять же к центру облагороженная набережная идет. – Юля заливалась соловьем, успевая пить

свой чай. – А вы Семен были в Геленджике?

- Да что вы меня на «вы», что я, пенсионер какой, что ли? – Мне было то двадцать три, а вот судя по Оле, так той под тридцатку, Надя чуть моложе выглядит, Юля, скорее всего, ровесница, а вот с Галей не все так однозначно, да и плевать на нее, высокомерная дрянь.

- Согласна, давай на «ты»! – Легко согласилась черноволосая Юля. – Ну так что насчет Геленджика? Ты был там?

- Нормально там все, в Геленджике этом. Был и не один раз. Всего там полно, есть где и погулять, и позагорать. – Начал я, а потом вспомнил за причину пробки и продолжил. – Вот только вы туда не сможете в ближайшее время попасть.

- Это почему это? – Удивилась Оля, даже чашку отставила. – Ты на снег намекаешь? Циклон этот надолго?

- Не знаю я в чем причина снега, но вот дорога перекрыта невидимым барьером, а за ним лето продолжается, снег только с нашей стороны идет.

- Какой еще невидимый барьер? – Фыркнула мерзкая Галья. – Мультиков пересмотрел?

- Мужик оттуда вернулся и своему приятелю объяснил, как там и что. – Решил проигнорировать выпад этой суки. – Говорит, что тот, кто первым ехал, упоролся в этот барьер, машина целая, а его по лобовому размазало.

- Господи, страсти-то какие. – Всплеснула руками Надя и груди ее так миленько колыхнулись. Блин, не пялся ты так. Пришлось ноги сильнее сжать, а то в паху аж запекло.

– Насмерть убился?

- Не знаю, сам-то я туда еще не ходил, но прораб наш отправил на разведку пацанов, вернуться и все расскажут, может догадаются видео снять. – Я попытался не смотреть на формы девушки, прикрытые лишь тонкой маечкой.

- Кстати, - встрепенулась Оля, - а телефон так ни у кого и не заработал? Связь не появилась?

Все тут же проверили свои гаджеты и уныло покивали утвердительно. Тут я почему-то вспомнил, что у меня в холодильнике пол кастрюли супа, пачка сосисок и треть булки хлеба. Где-то в полке кухонного шкафа еще валяется пара бичпакетов и пара банок рыбных консервов. Кормить еще четверых подобным и мало, и стыдно. Нужно было срочно что-то решать.

- Девушки, а у вас наличные деньги есть? – Спросил я и столкнулся с волной возмущения.

- А, вот тебе и благородный герой! – Русоволосая Галя повернулась в мою сторону и даже свесилась чтобы разглядеть мое лицо и показать мне все свое презрение в мимике и взгляде. – И во сколько же вы оцениваете вашу помощь?

- Да я не по этому поводу! – Вот же тупая стерва.

- А по какому поводу? – Тут даже Оля бровь изогнула.

- Терминалы не работают, онлайн банк тоже не работает. – Начал я объяснять.

- А! Ты предлагаешь альтернативный метод оплаты? – Еще более презрительно и высокомерно проговорила тупая

Галя.

- Да нет же. – Я психанул и даже вскочил на ноги. – У меня жрать нечего, кормить вас нечем, а деньги все на карточке, а терминал не работает в магазине, она только за наличные продукты продает.

- Успокойся, Семен. – Юля поднялась и положила руку мне на плечо. – Галя не то имела ввиду. Правда Галя? – Она повернулась к подруге и сделала ударение на вопросе. Та фыркнула и ничего не ответив, отвернулась. – Ты молодец, что решил нас покормить, но почему ты уверен, что это все надолго? Я думаю, что сейчас ответственные люди разберутся в возникшей ситуации и все наладится.

- Сомневаюсь я в этом. – Буркнул я, присаживаясь обратно на кровать. – Это не обычная фигня. Такого еще никогда не было, чтобы вот так: середина лета и вдруг мороз и снег, да еще и барьер этот.

- Ну, я вообще-то оптимистка! – Улыбаясь выдала Юля. – Всегда верю во все хорошее, чтобы ни случилось.

- Молодец. – А что мне ей еще сказать? – Короче, если планируете остаться у меня, то я не против. Вот только жрать нечего. – Решил не церемониться с ними, скажу, как есть! – Поэтому, пока еще в магазине хоть что-то путное есть, нужно идти и купить. Затарится нужно загодя. Даже если все разрешится в течение следующего дня, хавчик-то не пропадет, все-равно съедим, ну или с собой все заберете, что останется.

- А я согласна! – Опять Юля подняла голос выше. – Да-

вайте девочки, доставайте, что там у вас есть. Я схожу вместе с Семочкой. У тебя найдется что мне одеть, потеплее?

- Да, сейчас посмотрю. – Я практически залпом допил горячий кофе и пока не услышал возражений, ломанулся к шкафу, выбрать вещи для Юленьки.

- Я вообще-то сняла деньги с карточки для оплаты проживания. – Пробурчала за спиной Оля. – Проживания в Геленджике. На море!

- Давай уже, Оля, не выпендривайся. Сема прав, нам придется как минимум сегодня здесь переночевать, а там может и пару дней, кто знает? – Юля допила свой чай и встала рядом со мной, высматривая, что я ей предложу.

А что же мне ей предложить? Только все старое и бэушное. Оно конечно стирано и латано, но другого все равно нет. Лучшее на мне сейчас одето, блин, опять краснею, и отчего? От собственных мыслей.

Выбрал ей футболку, трико, свитер, куртку и ватники, а еще ботинки с носками.

- А размер обуви у тебя какой? – Я смотрел на ботинки и на ее миниатюрные ножки.

- Ну, вообще тридцать седьмой, но с толстым носком в любой запихну, я так думаю. – Сказала и в глаза мне смотрит. А взгляд такой выразительный, что смотрю и как будто внутрь нее проваливаюсь. Мля-я, вот женщина, а! Мотнул головой, выравнивая мысли, а Юля улыбнулась, я заметил.

- Вот, ботинки. Так-то у меня сорок второй, но вот тебе

носки шерстяные и обычные, ты сначала эти одень, а вот эти сверху. – Стал ей выкладывать вещи, а она ни разу не смущаясь, стянула через голову свою маечку, оставшись в одном кружевном лифчике, еще и взглянула так на меня, ожидающе. А я что? И я оценил. Второй размер, вроде бы, я, правда, в интернете просвещался по этому поводу, но, думаю, что не ошибся. Натянула мою футболку и свитер сверху, потом стянула с себя юбку, что там ниже уже не разглядел: свитер то мой для нее как балахон, почти по колено. Одеда мои старые трико и штаны рабочие, дал ей еще и ремень, чтобы не спадало это все. Нашел даже шапку, уже и забыл, когда покупал-то ее, а тут вдруг пригодилась. Ну и перчатки дал: одни тряпчанные, а одни кожаные краги, сверху. Посмотрел на нее и заулыбался, не смог сдержаться. А она глянула на меня и засмеялась, да так искренне и задорно, что я тоже заржал. Как же мне хорошо было в этот момент, я готов был за нее хоть в огонь, хоть в воду!

Сам быстренько оделся, накинул за спину свой рюкзак, Юля взяла деньги у Оли, сколько я не видел, но они там что-то пошушукались и к какому-то решению пришли, совместному, главное, что эта крыса Галя на меня пялилась и морщилась, не нравился я ей, так же, как и она мне.

- Ну что, пошли? – Юля прям излучала оптимизм и беззаботность.

- Пошли. – Сказал и развернулся идти, потом вдруг вспомнил и обратно повернулся. – Не скучайте, девчули, па-

цаны будут ломиться – шлите их далеко и надолго. – Сказал и ухмыльнулся, вспоминая образ удивленной морды того же Паши.

Мы спустились и пошли по колее, снег вроде бы стал идти не так густо. Рядом с фордом стояла еще одна легковушка, видимо, кто-то еще нашелся понаглее и по сообразительнее.

- Что будем делать, Сема? – Неуемная натура Юли не могла оставаться в тишине больше пары минут.

- Пока не знаю, но думаю, что ничего хорошего от этого снега ждать не стоит. Может это новое климатическое оружие пиндосов, понаделали-таки купола по всей нашей стране, и никто не может ткнуть в красную кнопку и запустить по ним оружие возмездия. – Сказал и только потом понял, что для нее это, наверное, слишком сложно. Повернулся и посмотрел ей в глаза, сверяясь со своими мыслями. Она ткнулась в меня, подняла голову.

- Ну, да, так и есть, наверное. – Проговорила и смотрит, я молчу и стою. – Так, ну а что мы то делать будем? – Спросила и смотрит теперь она на меня испытывающе так, аж прищурилась.

- Мы обождем. – Сказал уверенно, чтобы поняла, что теперь мы – это я и она, что теперь я себя иначе, чем с ней вместе, не ассоциирую, вдруг допетрит.

- Это хорошо, Сема. – Сказала и улыбнулась. Так меня только мама называет. Глянул на нее и развернувшись пошел дальше.

А на перекрестке новое шоу: видимо, какой-то важный хмырь хотел соскочить по-быстрому, намутил пару ментовских тачек для солидности, проскочил по встрече и уперся с стеночку. Пришлось бедолаге возвращаться, а тут уже люди не дали уехать, раз с ментами, значит тип у власти, а раз у власти, так давай, будь любезен, соответствуй!

- Граждане, соблюдайте спокойствие, граждане! Я, депутат законодательного собрания, господин Цветков Павел Александрович, в кратчайшие сроки разберусь с возникшей проблемой и приму соответствующие меры. – Кричал тип в дорогой меховой шапке и кожаной дубленке с меховым же воротником. Рядом с ним стояли два бугая, типичные шкафы, два-на-два, защищали своего шефа от всего. В заблокированном гелике сидел шофер, а у пассажирской дверцы жалась миниатюрная девушка в соболях, видать секретарша. Менты решили не высовываться, что в первой машине, что во второй. – Обещаю вам, граждане, что с этой напастью, мы обязательно разберемся. Вы все, я подчеркиваю, все! Получите всю надлежащую помощь и компенсацию! Я приму все неотлагательные меры, вы только дайте мне проехать.

- Да мы замерзаем нахрен! Сдохнем здесь от холода, покаждемся помощь вашу! Как нам быть? Куда нам идти? А у меня дети! Я пенсионер! – Неслось из толпы. Возможность выместить накопившуюся злость многие восприняли, как шанс погреться и с остервенением наваливали вопросов депутату. Многие понимали, что хитрожопый хмырь хотел

сдриснуть, но не смог и теперь, как уж на сковородке выкручивается, лишь бы выпустили. Но блин, само осознание эфемерной секундной власти над представителем той самой реальной власти грело не хуже грелки, пусть хоть и только душу, но не тело.

Этот болтун долго бы разглагольствовал, но тут вдруг раздались выстрелы со стороны воинской части, а потом прозвучали взрывы: один, второй и третий. Людская масса замерла на мгновение, а после третьего взрыва ухнула врассыпную, как тараканы на кухне после включения света среди ночи.

Кортеж депутата, включив световое и музыкальное сопровождение, сорвался с места и припустил в город, правда, метров через сто выключив светомузыку, решили не палиться. Часть легковушек, с пробуксовкой и визгом летних шин по заснеженному асфальту, устремились следом за представителем власти в надежде получить обещанную им помощь, ну или просто с желанием скрыться от стрельбы. Наивные не знали, что, возвращаясь по дороге, они как раз-таки и пройдут мимо той самой воинской части.

Я схватил Юлю за руку и потянул за собой.

- Ты куда? – Девушка была не то чтобы испугана, но явно насторожена.

- Нам все еще нужен магазин. – Напомнил я ей цель нашего похода по морозу. – Без еды мы долго не протянем.

Немного пробежались, но девушке было тяжело в ботинках не то, что бежать, а даже просто идти по протоптанной

колее. Стрельба все еще продолжалась, но так, без энтузиазма, скорее просто обозначали, ну или добивали кого. У магазина никого уже не было, сама продавщица спряталась за прилавком.

- А почему не уходите домой? – Наивно поинтересовалась у нее Юля, пока та собирала нам указанные продукты. Подруга сразу положила купюру в пять тысяч на прилавок, поэтому продавщица и не подумала спорить.

- Куда идти? Я живу в западном, сейчас ни одной маршрутки нет, ни троллейбуса, да и магазин не могу оставить. Потом мне хозяева за каждую мелочь выскажут и заплатить заставят за все, что по инвентаризации не досчитаются. – Объясняла та, но оперативно складывала продукты, не забывая долбить по кнопкам калькулятора. – Так что лучше я подожду тут, либо смена моя закончится, либо уже власти порядок наведут.

- Мне кажется, власти порядок не смогут навести, тем более в нынешнем положении. – Решил не церемониться с этой наивной женщиной. – Связи сотовой нет, а по старинке мы уже отучились коммуникации налаживать. В окно посмотрите: сколько еще людей сидят в своих машинах и не знают, что им делать. Просто жгут бензин в попытке согреться и чего-то ждут. А когда он закончится, действовать будет уже поздно! Возможно, что они это понимают, так, на уровне предположений, но вдолбленные в мозг законы, нормы и правила не дают инстинкту самосохранения искать выход из

сложившейся ситуации.

- Тебе легко рассуждать, ты вон в тулупе, одет-обут, с продуктами опять же. Сейчас домой к себе пойдешь и горяченького поешь, а они не местные, никого не знают и как им быть? – Видимо, такое мое пренебрежение человеческими жизнями нехило так возмутило продавщицу.

- Ну так помогите этим людям, накормите их горяченьким, продуктов раздайте, вы же можете? – На, сука, схавай! Легко обсирать кого-то, главное про себя умолчать. – Что вам жалко, что ли? Обеднеете от пары чашек кипятка?

- Я не могу! – Тут же включила заднюю тетка. – Это не мое, с меня за каждый грамм потом спросят и вычтут! А у меня двое детей, мне семью содержать нужно!

- Вот и я о том же. – Жестко ответил ей. – Легко распоряжаться чужой собственностью, если при этом не тратишь собственное имущество. Легко тыкать в человеческие пороки, когда собственные скрыты от любопытных глаз. Прежде, чем кого-то в чем-то обвинять, убедитесь, что хоть в том, на что указываете, сами чисты и не порочны.

Застегнул забитый под завязку рюкзак, пихнул в карманы ватника по бутылке водки и махнув головой Юле пошел на выход. Возмущенная продавщица что-то там еще в спину мне кричала, но из-за прилавка не вышла, а когда дверь захлопнулась, я ее вообще слышать перестал.

- Что будем делать? – Спросила меня Юля, заглядывая в глаза. – Они ведь правда замерзнут здесь, уже пол дня сидят.

- Ну, если хочешь, иди и предложи перебраться в общагу, только сразу предупреди на счет продуктов, пусть через магазин идут. – Хочет девочка побыть матерью Терезой, кто я такой, чтобы ей запрещать? А вот Дмитрич будет рад пополнению продуктового запаса, может еще и бартер какой устроит. – Потому что иначе нам придется делить это все не на пятерых, а хрен знает на сколько человек. Сейчас их понаприглашаешь, а потом весь хавчик из рюкзака за раз сметут и еще не хватит.

- Хорошо, я поняла. – ответила девушка и побежала к оставшимся на дороге автомобилям.

Она заглядывала в запотевшие или покрытые инеем окна, стучалась, махала руками, жестикулируя, объясняя и направляя, перебегала от одной машины к другой, а я просто шел параллельно и думал о том, какая же все-таки она странная штука – жизнь. Кто-то из сидящих в машинах людей был вполне адекватен, даже вылезал на мороз, задавал уточняющие вопросы и выруливая из общего ряда, отправлялся к общаге. Но находились и такие, кто обвиняли Юлю в попытке заманить их с целью грабежа или не дай Бог убийства, грозились полицией, следственным комитетом, президентом и своими связями. В такие моменты я прикрикивал на девушку, чтобы не тратила свое время на идиотов и двигалась дальше. В общей сложности, пока мы вернулись к повороту в сторону общаги, туда уже проехало машин десять-двенадцать и большинство из них начинали свой маршрут от ма-

газина.

- А как с теми быть? – Юлия показала в сторону выезда из города. – Они там вообще бедненькие, ничего не знают...

- И знать не хотят! – Закончил я за нее. – Скорее всего, там сконцентрировались исключительно идиоты и глупцы, по типу той склочной стервы, что грозила тебе связями с самым местным мэром.

- Но там ведь могут быть и другие. – Неуверенно проговорила девушка.

- Ты еще не замерзла? – Решил переключить ее внимание.

- Вроде нет пока.

- Тогда пошли вернемся в общагу, проверим, как там твои подруги, убедимся, что их никто не обижает, что в комнату к нам никто не подселился, отдадим им продукты, выдам девочкам посуду и пусть готовят поесть, а сами с тобой прогуляемся до того барьера. Если честно, самому интересно, как он выглядит. Ну и как раз всем заинтересованным расскажем о возможности пересидеть в тепле.

- Ты лучший! – Неожиданно девушка подскочила ко мне и обняла. Я даже застыл на мгновение. Это было приятно, что же тут лукавить.

- Ладно, пошли уже. Не будем время тратить зря. – Сказал и взял ее за руку. Она с удовольствием вцепилась в мою.

Машинами теперь был заставлен весь не чищенный от снега двор, даже обочина и сама дорога. С галдежом и криками люди сновали между автомобилями, перетаскивая свои

вещи и детвору в двери общежития. Придирчивым взглядом убедился, что по пожарной лестнице никто не ходит. Мы поднялись в мою комнату, три подруги так и сидели на кроватях, даже чашки не сполоснули. Я как-то увереннее уже себя почувствовал, пусть это на их деньги мы приобрели продукты, но тащил-то их я, а значит, что теперь я кормилец и добытчик, так что пусть слушаются меня беспрекословно! С ходу, выгребая из рюкзака продукты стал давать ценные указания, где, что лежит, как тут все устроено. Отвел Олю, как старшую на кухню, показал ей мой посудный шкаф, объяснил, как пользоваться плитой, раковиной, показал где душевая и туалет. Попутно пересекаясь с соседями, пояснил мужикам, что новые жильцы — это исключительно мои гости, поэтому подкатывать яйца к ним не стоит. Хотя вечером видно будет, как эти девки сами запоют. Пашка рассказывал, как они сходили к стене, какая она и что там вокруг, но я отмахнулся, объяснил, что сам схожу гляну. Попутно поведал о стрельбе из воинской части, но мужики отмахнулись от такой новости, мало ли что там может быть, связи нет, и кто-то решил помародерить по случаю. Вернулся в комнату, там уже всюду суетились оставленные Надя и Галя, последняя, глянув на меня поджала губы, но с невозмутимым лицом продолжила разбирать покупки. Я демонстративно ухмыльнулся ей и вышел.

Вернулись к перекрестку и Юля продолжила свою спасательную операцию. Как я и предполагал, с этой стороны упо-

ротых было больше. Людей даже не смутил ментовской кортеж, который попытался свалить и не смог, вернувшись обратно. Аргументы были бессильны и, если начинался тупой спор, я просто брал девушку под локоть и тащил дальше, стараясь меньше времени тратить на идиотов. Хотя, стоит заметить, если бы я оказался на их месте, как бы сам стал себя вести, поверил бы подобным доброжелателям или сразу нахер послал. Я вот регулярно звонки из банка получаю: то очень выгодные предложения, то прям мега нужная помощь спасти мои сбережения, то вообще какая-то ахинея с попыткой привлечь меня в качестве внештатного сотрудника, чтобы вывести мошенников на чистую воду, с одним нюансом – с помощью моих денежных средств, которые, конечно же мне потом обязательно вернут. Веры в людей не осталось, теперь на каждую попытку помочь тебе или наоборот просьбу о помощи уже у тебя, смотришь через призму здравого смысла и думаешь, а в чем их выгода, какой принцип махинации, как именно хотят тебя обжечь. Помню, как еще студентом, дрых в обед после бессонной ночи, а тут звонок в дверь, стоят двое – симпатичная девчонка и амбал с пакетами. Краля давай меня поздравлять и вываливать мне на руки подарки из пакета, и все приговаривает, какой я счастливчик, я стою, уши развесил и пытаюсь сквозь остатки сна понять, а что вообще происходит. Тут наступает финал выступления, краля озвучивает сумму скидки и требует оплатить подарки. А я такой стою и втыкаю, сколько у меня денег

в кошельке. Огорчаю бедную девочку, что всего-то пару тысяч имею, я же бедный студент. Та, ни разу не смутившись, начинает сгружать обратно выданные подарки по пакетам, а мне оставляет две коробочки: нож керамический и духи какие-то. Я как зомби, пошел в комнату, нашел кошелек, выдал ей деньги, и они отчалили. Потом сел на постель, сижу такой, смотрю на подарки и наконец начинаю окончательно просыпаться. Правда ножиком тем я долго пользовался, но он явно не стоил таких денег, а духи в красивой упаковке подарил чуваку одному на день рождение, так что даже не скажу, что там было внутри. Вот как-то с тех пор и не верю я людям, ни в чем. И чем яростнее они пытаются доказать мне свои благие намерения, тем отчетливее понимаю, что хотят развести. Поэтому и сейчас останавливал Юлю от таких попыток. Захочет человек здраво взглянуть на свое положение – хорошо, нет, что же, значит судьба у него такая. Всех не вытянешь, каждого не спасешь.

Так мы и шли, от машины к машине, снег шел еле-еле, запал прошел, а вот мороз еще усилился, пришлось даже нос прятать в воротник свитера, хорошо, что он такой длинный.

Барьер был на втором повороте серпантина. Действительно, картина впечатляющая, там как стекло мутноватое стояло: с нашей стороны снег, а там травка зеленая и солнышко блестит, люди и машины тоже скопились, полиция и МЧС, скорая, машут нам телефонами, сигнализируют, изображение слегка расплывается, толи от прикосновений, то ли еще

из-за чего-то. Водители и пассажиры ближайших машин уже обошли метров по сто в обе стороны и убедились, что стена сплошная, а когда стоишь рядом и смотришь вверх, так кажется, что до самого неба высота ее. А может так и есть, что до самого неба, снег же идет откуда-то. Потоптались немного у барьера, Юля всем повторила про общагу и продукты и повернули обратно. Время уже приближалось к обеду, о чем желудок и напомнил.

Какие-то упертые люди все-таки остались: видя МЧС и скорую с той стороны «экрана», они ждали, что вот-вот и те смогут к ним пробиться, спасут, помогут, согреют и накормят, компенсируют все моральные и финансовые издержки, ну и все в таком обнадеживающем ключе. Глядя на этих людей, не переставал удивляться, как все-таки сильна вера в человеке, даже если она основана на нереальных вещах, он все равно будет ей следовать, чаще всего до самого конца, причем, чаще собственного конца. От общего числа ожидающих осталась где-то треть, остальные развернулись и уехали. В общагу они подались или нет, узнаем об этом вернувшись, но мне было плевать, лишь бы не ко мне в комнату, со всеми я ее делить не собирался. Я бы, вообще, честно говоря, выставил и Галю с Олей, а вот Наденьку оставил, очень уж у нее формы аппетитные, Юля, конечно, тоже ничего, но Надя у-ух!

Машин прибавилось значительно, а сама общага гудела, как осиный улей, уже не общежитие, а какой-то лагерь пере-

селенцев, ну или беженцев, что все-таки ближе по значению. Ушлые соседи тоже отхватили себе сожительниц, о чем мне и пожаловалась Оля. Сначала мужики все-таки попытались наладить контакт на кухне, пока девушки готовили еду, но тут Галя показала свой стервозный характер во всей красе, и они отстали, а выглянув во двор, поспешили помочь расселиться прибывающим людям, перебирая кого из них пригласить на наш этаж. Так что теперь было не протолкнуться ни в коридоре, ни на кухне, а в туалет очередь выстроилась человек семь. Всю посуду и мои заначки предусмотрительная Оля перетасила в мою комнату, о чем я ее и похвалил, отметив про себя, что все-таки даже от них двоих тоже есть откровенная польза. Мы расселись в том же порядке, как и с утра, поели горячего супа, я похвалил хозяйшек, от чего Надя опять миленько так покраснела, Галя фыркнула, ну а Оля просто кивнула в знак согласия. Поев, расселись на кроватях и Юля принялась рассказывать о нашем походе и показывать видео на телефоне. Девушки конечно были под впечатлением, даже Галя не стала вредничать и спорить, а только молча смотрела видео, и высокомерная маска сменилась на обреченную. Да, это выходило за рамки обыденного. К такому мы не были готовы, как дальше быть неизвестно. Но, пока есть что нам есть и тепло, об остальном подумаем завтра. Блин, стал рассуждать прям как Скарлетт О'Хара, хотя в нашей ситуации иначе и не придумаешь.

Потом пришел Михалыч и попросил ему помочь. Старый

сварщик решил сварганить жаровни пока еще есть электричество от дизельного генератора, потому что сомневался, что вся эта свистопляска закончится за пару дней. Пошли с ним в цех, где он подключил к генератору переноску, и мы принялись изготавливать необходимые запчасти из разных металлических материалов, а потом к нам присоединился Серега сварщик и принялся сваривать подготовленные запчасти в единый каркас. Решили сделать штук шесть жаровен, чтобы, если закончится соляра, можно было подключить баллоны с пропаном. Их в клетке было полных девять штук, да в цеху еще два початых, на какое-то время хватит комнаты отогреть и жрать приготовить. Так, пока на улице не стемнело, мы работали в цеху. С шутками, матами и переругиванием изготовили пять жаровен из шести запланированных, шестую сваривать не стали, но запчасти подготовили. Пока сварщик варил, я сварганил себе примитивное копьё из арматуры и листового железа, длиной метр восемьдесят, а еще что-то типа мачете с острым наконечником и одной режущей кромкой. Ручку также сделал из арматуры, а полотно из листа тройки, обмотал полосками брезента, чтобы минимизировать контакт холодного металла с руками. Хотя кожу и защищают надетые перчатки, но и такая изоляция лишней не будет. Для чего это сделал, я бы и сам не смог объяснить, так, просто наитие, импульс или интуиция, не знаю, но предпочитаю быть готовым к любому развитию ситуации. Я так с детства стараюсь быть готовым ко всему, надо мной ржа-

ли все, кому не лень, но меня это ни разу не останавливало быть таким, какой я есть. Вот и сейчас, мужики лишь хмыкнули, но комментировать ничего не стали, вот и ладно. Режущие кромки заточил болгаркой, волос падающий, может на лету и не разрежет, но острота вполне себе приемлемая, мне нравится. Изготовленное оружие оставил тут же на полке, решил не тащить в комнату – там и так не протолкнуться. На улице опустился вечер, но темно не стало, снег отражал свет и, если бы не непрекращающийся снегопад, было бы достаточно светло, но сумрак скрывал детали в тенях. Я поднялся к себе в комнату: девушки были все на месте, обсуждали произошедшее, мыли кости своей родне и друзьям, мусолили выход из нынешней ситуации.

- Семен, тут твой сосед приходил... - Начала Оля.

- И? – Я напрягся, но уточнять, кто приходил, не стал, сомневаюсь, что он представился, а сама девушка сможет отличить их только при очной ставке.

- Он был выпивши и все порывался нас переманить к себе. – Девушка нервничала, видимо, пыталась подобрать правильные слова. – Сказал, что ты не достоин, что тебе не следует жадничать, да и мы не сможем все разместиться в твоей комнатухе...

- Ясно. – Я перебил ее, так как действительно, тут все было предельно понятно. – К чему вы пришли? О чем договорились?

- Ни к чему! – Возмутилась Галя. – О чем мы вообще мо-

жем договариваться с подобным контингентом? Это же просто мерзко... Да я... Да мы... - Она просто задохнулась от возмущения.

- Мы просто сказали, что разделяться не намерены, а если не сможем разместиться тут, то обязательно обратимся к нему за помощью. - Вмешалась Оля. - Он еще немного выпендривался, набивая себе цену, а потом, еще раз напомнил, что мы всегда можем на него рассчитывать и ушел. Ты объяснишь ему, что он не прав?

- Как ты себе это представляешь? - Я ухмыльнулся. - Я сейчас пойду по комнатам, искать пьяного мужика, чтобы набить ему морду за то, что он проявил участие и желание помочь попавшим в беду девушкам?

- Ты же сейчас не серьезно? - Оля выгнула бровь.

- Так, девочки, давайте начистоту. - Я поднял руки. - Он вас оскорблял?

- Нет.

- Он кого-то из вас трогал, позволял себе лишнее, словом или делом?

- Нет.

- Ну так какого тогда вы от меня хотите? - Я обвел их всех взглядом, долбанные манипуляторы, проходили мы это, знаем, но они молчали. - Вот если он вломится сюда, станет приставать к вам, лапать там или тискать, тогда другое дело. Тогда действительно стоит ему вломить. Но раз парень просто предложил свою помощь, как бы там это двусмысленно

не звучало, это не повод для меня бегать по общежитию и искать хама с целью покарать его за вымышленное оскорбление чести и достоинства. А если мы действительно не сможем все разместиться здесь, вдруг кому-то и правда придется перебраться в другую комнату. — Тут я выразительно посмотрел на суку Галю, и та не подвела.

- А что это ты на меня смотришь? — Вспылила та. — Я никуда не пойду! Мы и тут неплохо разместимся. А почему бы тебе самому тогда не пойти к тому мужику в гости?

- Ты сейчас прикалываешься? — Я сам психанул и не смог сдержаться. — Мне свалить из собственной комнаты? А что еще мне сделать? Пиццу тебе не испечь, на углях? Коктейль не замутить? А может стриптиз станцевать, прямо на столе?

- Семен не заводись, пожалуйста. — Юлия взяла меня под локоть. — Никто тебя из твоей комнаты не выгоняет. Но и сами мы разделяться не будем. К этому пьяному мудаку никто не пойдет, как бы он там участливо это не предлагал. Мы ведь сможем все и здесь разместиться, ведь правда же, девочки?

- Конечно! — Подключилась Оля. — Мы поставим кровати вместе и ляжем поперек, тогда все поместятся, ну, будет слегка тесновато, зато тепло.

- Даже если мы все уляжемся на кроватях, кому-то придется лечь рядом с ним. — Сука Галя ткнула в меня пальцем, даже не посмотрев мне в глаза.

- Семен ляжет с самого края, а я рядом с ним! — Опере-

дила очередной спор Юля и посмотрела на меня. — Ты согласен, Семен?

- Согласен. — Буркнул я и добавил. — Ужинать будем?

- Конечно! — Всплеснула руками гиперответственная Оля и принялась организовывать на столе ужин.

Как бы там ни было, а хозяйственные девушки приготовили довольно сносный ужин. Кто из них готовил, мне, в принципе, было наплевать, сейчас, уплетая горячее, я любил их всех, даже суку-Галю. Ели в основном молча: за день было много чего сказано, все последние новости вертелись вокруг погоды и связанных с ней неприятностях, что было обмусолено уже неоднократно, поэтому говорить было не о чем. Когда поели, я сопроводил Олю с Надей на кухню, девчонки под моей охраной вымыли посуду, и мы без происшествий вернулись обратно.

В комнате, как и предложила Юля, поставили кровати вместе, расстелили белье и улеглись поперек. Я лег с краю, прижавшись спиной к быльце. Юля наоборот, легла лицом ко мне, уткнувшись лбом мне в подбородок. Я, совершенно не смущаясь, обнял ее и прижал к себе, она не возражала. В темноте раздалось возмущенное фырканье Гали, но от комментариев она отказалась. Какое-то время девушки еще покрутились, обустроиваясь в тесноте, но в итоге затихли и засопели уснув. А вот мне не спалось. Такое со мной было впервые: я прижимал к себе девушку, разные эмоции переполняли мое сердце, которое, то затихало, то, вдруг, начина-

ло выскакивать из груди, бухая так, что, наверное, раскачивало своим ритмом кровать вместе со спящими на ней девчонками. Может эта Юля и была не совсем моим идеалом, но ведь когда там еще найдешь такую, чтобы, значит, она соответствовала моим тем самым идеалам. Поэтому сейчас я и лежал в темноте, слушал, как девушки дышат, а сам пытался договориться с самим собой. Такой шанс вряд ли выпадет еще в ближайшее время, а значит, Юлю необходимо брать в оборот и целенаправленно обрабатывать, склоняя в свою сторону. Так-то она и сама вроде бы не против, но кто ее знает, может она по характеру такая и с каждым встречным парнем так себя ведет. А может даже и дальше заходит... Блин, а вдруг она с этой целью и ехала в Геленджик: найти там какого-нибудь смазливого отдыхающего кобеля, замутить с ним, испытать все самое запрещенное и испробовать все самое мерзкое... В голове сразу возникли картинки, как смуглый волосатый джигит насаживает хрупкую девушку на свой могучий корень... Да что за дерьмо в голову лезет?! Да не такая она! А какая она тогда? Мы с ней едва знакомы, а она уже мне в подмышку дышит, а, чтобы было, останься мы вдвоем на эту ночь? Нет, она просто добрая и отзывчивая, пошла же спасать совершенно незнакомых ей людей, даже не рассчитывая на благодарность и похвалу. Просто она легко сходится с людьми и готова помогать. А зачем тогда она носит такой кружевной лифчик? Ведь специально его выбирала, чтобы он одним своим видом соблазнял... Так, я сейчас себе мозг

сломаю, хватит. Понапридумывал тут остолоп, успел и жениться, и развестись, уже раза по три-четыре, все, спать!

Глава 2.

Утро принесло сразу несколько новостей: во-первых, лето не вернулось – по прежнему за окном был лютый дубак; во-вторых несколько пьяных мужиков не поделили баб, кровать или рюмку – было несколько драк, но так как все происходило на нижних этажах, то мы об этом узнали только на кухне, разогревая завтрак; в-третьих, хитрожопый Дмитрич решил провести ревизию запасов вверенного ему контингента – с какого перепугу я должен его оповещать сколько и чего у меня есть, я так и не понял, но без грубости ответил, что доедаем последний бичпакет. Мой ответ ему явно не понравился и через полчаса он вернулся с тремя бугаями, объяснять мне недалекому, кто здесь власть и как с этой самой властью нужно вести диалог. Но драки не получилось, как только эта кодла ввалилась, а точнее попыталась ввалиться ко мне в комнату, то тут же все девушки встрепенулись, а особенно Галя, ведь может же, с-сучка, а, короче они как-то так ненавязчиво объяснили наглým и глупым мужикам, откуда взялись у нас припасы и что они готовы сделать с носами тех, кто эти самые носы засунет не туда, куда следует. И знаете что? Прокатило! Да не просто прокатило, они даже смогли заставить этого хитрожопого козла засунуть свой язык в задницу и ретироваться, принося извинения и раскланиваясь. Во как. Я не ожидал, вот никак не ожидал такой

слаженности и смелости от таких хрупких созданий, ну за исключением габаритной Наденьки, но все же. Я их конечно же похвалил, но предупредил, что такой жучара, как Дмитрич, от своего не отступится и теперь, тварь такая, будет караулить и ждать, когда мы оступимся или спиной к нему повернемся, с таким мудаком нужно быть очень внимательными. Девушки пообещали, что по одиночке никуда не пойдут и станут вести себя очень осмотрительно.

Видимо все-таки подгорело где-то у Дмитрича: получив такую отповедь от девчонок, он к нам второй раз уже не полез, но устроил остальным такой разгон, что «мама не горюй!» Нашлись еще несколько отчаянных мужичков, которые воспылали праведным гневом или были науськаны привычными повелевать женами, не суть, но они попытались дать отпор и, что закономерно, выхватили по полной, даже некоторым бабам досталось на орехи. Самого избиения я не наблюдал, мне об этом Пашка рассказал, когда я в обед из комнаты выполз, чтобы суп разогреть.

- Чета перемкнуло нашего Дмитрича, – жаловался мне монтажник, – он тут натуральный шмон устроил, попутно всем объясняя, кто здесь пахан. Он же вчера принимал поселенцев и каждому обещал койку в тепле и миску каши за долю малую, а с утра какая-то мамзель наехала на него, мол, раз ты назвался тут самым старшим, так будь любезен – соотвествуй давай и обеспечь, значит, нас той самой кашей, да так она по нему прошлась, что он тут же пацанов по круп-

нее позвал и пошел он проверку устраивать, прикинь, чтобы излишки, значит, изъять и нуждающихся обеспечить.

- Да, я в курсе, он и ко мне заглядывал, только девчонки мои его сразу развернули. – Я говорил ему мои и сам расплывался от удовольствия, в этот момент гордость за обладание такими девушками меня просто переполняла.

- Круто, че, фартануло тебе. – Хмыкнул Пашка и поменял неприятную для него тему. – А ты слышал, что опять стрельба идет со стороны части? Вроде парочка мужиков опять к ларьку ходили, хотели еще водки взять, да только магаз закрыт оказался, вот они и рассказывают, что там стрельба практически не прекращается.

- Небось таких же дармоедов гоняют вояки. – Пожал я плечами, не, ну а какие еще могут быть мысли по этому поводу. – Холодно на улице, вот и лезут небось к части люди-то, что им еще остается?!

Когда после обеда я отправился мыть посуду, со мной неожиданно пошла Галя, типа помочь. Но, стоило нам остаться наедине, как она начала мне мозг выклеивать, что я такой сякой, бедной девочке голову морочу. Стоило мне ей объяснить, что я наоборот только с чистыми и честными помыслами, как она меня вообще в ступор вогнала: стала нести пургу, что это наоборот Юля – вертихвостка и практически проститутка, на которой клейма уже ставить не где. На самом деле она это все не прямо говорила, а так косвенно и завуалировано, но, чтобы до меня, как самого твердолобого

дошло наверняка. В конце концов я не выдержал и прямо у нее спросил, какого хрена она хочет? Типа ничего, говорит, просто заботу проявляет и внимание, равнодушна она говорит, к таким милым наивным мальчикам, которые падки на податливых женщин.

- Галя, еп-р-с-т, да ты реально ревнуешь! – Меня осенило, и я не смог скрыть улыбки на лице. – Я те прямо скажу, мне конечно, льстит, что такая симпатичная девушка на меня запала, но, увы, вынужден тебя огорчить, я однолюб и свой выбор уже сделал!

- Даже не думай, debil, что я могла запасть... втюрится в такого идиота, как ты, вот еще! – Фыркнула Галя, уже не сука, чего уж там, причем так нарочито пафосно фыркнула, гротескно, что ли. – Я просто побеспокоилась, вот и все. Я Юльку уже давно знаю, та еще прошмандовка.

- Я ей так и передам, что ты сказала... – Начал я, но она меня перебила.

- Только попробуй, – угрожающе на меня надвинулась ее возбужденная грудь. – Я с тебя с живого не слезу!

- Как-то это звучит двусмысленно, тебе не кажется? – Я прям излучал удовольствие от этой пикировки.

- Э... Вот ты пошляк. И сволочь. И... кобелина! – Выплюнула она мне в лицо.

- Ладно, Галюсик, мы с тобой уже практически все прояснили. – Я поднял руки, сдаваясь. – Я ничего никому не скажу, честно, а про то, что ты сказала, я буду иметь ввиду,

хорошо?

- Хорошо. – Буркнула та, но все-таки добавила. – Я тебя предупредила!

На улице стало еще холоднее, делать там было нечего, поэтому весь день просидели в комнате: тихо переговаривались, дремали, пару раз даже в карты попытались сыграть, но быстро надоело: неизвестность пугала и никакие действия и попытки переключиться не помогали. В конце концов наступил вечер, мы поужинали и легли спать. Юля опять прижалась ко мне, теперь уже теснее, чем вчера, но червь сомнения, подтачивавший мою решимость прошлой ночью, в эту был сыт Галиной прикормкой. Что не говори, а все складывалось именно так, как и сказала «уже не сука» Галя. Теперь я переключил свое внимание уже на нее. Может ее поведение это всего лишь попытка предотвратить наше сближение, потому что она поняла, что запала на меня? Так же тоже бывает: нравится девчонке пацан, но она из природной упертости всячески его отталкивает, а потом, когда он реально уходит от нее, говорит, что это он дебил, не видел ее знаков любви. Юля первая ко мне прильнула и затмила собой обзор. Так бы может я и на остальных бы внимание обращал, но она загребла себе почти все. Хотя нет, Наденька, у-ух... может тоже она там втайне обо мне думает? Вот блин, вот это я ловелас, а! Всех баб соблазнил... Теперь бы еще и совратить их по одной, ну или по парочке за раз, да или даже всех вместе... Ну что за жизнь, а? То, блин ни одной, а тут сразу

четыре и кого выбрать, не угадаешь. Нормальной окажется Юля или той еще гуленой. Галя с Надей испытывают что-то ко мне или просто так комедию ломают. Вот Оля, практически на сто процентов меня игнорирует просто потому что. Ладно, завтра посмотрим, нужно будет Надюху в сторону отволочь и поговорить с ней по душам и за меня, и за нее, и за Юлю с Галей, подруги же, все-таки, должны они друг за дружку что-то знать, если за себя промолчит стопудово, то уж за других вывалит по-полной. Опять же стоит убедиться, что Галька чушь про Юлю молола, лишь бы меня на себя переклЮчить. Ладно, все завтра, а теперь спать. Рука как-то сама собой опустилась на тело лежащей рядом девушки и похозяйски прижала ее ко мне.

* * *

Я проснулся среди ночи от криков, доносившихся с первого этажа. Девушки тоже повскакивали, а Юля так вообще, прижалась ко мне и нервно поинтересовалась.

- Что это? Что происходит? Семен? – Девушку слегка потряхивало, так как шум, доносившийся снизу только усиливался. Уже отчетливо в общем гвалте можно было разобрать бабий визг, спровоцированный именно страхом, мужские бодрящиеся выкрики, звон разбивающегося стекла, шум от падающей и ломающейся мебели, детский ор и рычание... натуральное звериное рычание! Я соскочил с кровати и стал одеваться: какое бы говно сейчас внизу не происходило, лучше встретить его подготовленным.

- Вставайте и одевайтесь! – Почти выкрикнул я. Страх, адреналин, забота или хрен его знает, что еще, но дыхание сбивалось, а сердце в груди бухало так, будто вот-вот и выпрыгнет наружу.

- Семен, не бросай нас! – Остановила меня в дверях Юля своим криком, она стояла в одной штанине, вцепившись в рукав моей куртки своей рукой. – Не оставляй, меня. – Уже тише закончила она, глядя мне в глаза.

- Я только гляну что там происходит и сразу назад, не переживай. Вы только закройте тут и никого не пускайте, как-бы они не орали, ясно? А я вернусь, Юленька, обязательно вернусь. – Захотелось вдруг обнять ее крепко, прижав к себе, а еще и в губы впиться, так, чтобы надолго запомнилось, но я себя сдержал, постеснялся, да и в голове, где-то глубоко, все еще не давала покоя мысль, что не стоит спешить с выбором своей второй половинки. Поэтому я обнадеживающе улыбнулся ей, обвел взглядом остальных девчонок, отметив, про себя, что Надя умильно кусает губки, сука Галя как всегда сжимает зубы от злости, а Оля рассеянно смотрит по сторонам, видимо проговаривая про себя список действий или вещей. – Не бойсь, девчули, все будет ништяк!

Да, я тот еще психолог хренов, «ништяк», блин, другого ничего на ум в тот момент не пришло. Обнадежил, чего уж там. Сам поспешил к своей любимой лестнице на улицу. В коридоре былолюдно: незнакомые мне мужики и бабы под визг детворы что-то там обсуждали и решали, я проскочил

мимо, даже не став разбираться с тем, кто они и по какому поводу все сюда выперлись – лучше не тратить время на лишний треп, а самому все выяснить.

Еще спускаясь по лестнице, я услышал дополнительные звуковые эффекты: к прежнему шуму, доносившему с первого этажа общаги, прибавился скрип снега, возня и повизгивание каких-то животных, гортанные выкрики и улюлюканье, стон и всхлипывания, явно принадлежащие людям. Я настороженно шагал по заснеженным ступенькам, пытаюсь среди этой какофонии уловить и вычленить что-то внятное. Сумбур мыслей и образов возникал в голове, мысли путались, наконец я отмахнулся от предположений и спустился вниз.

Картина, которую я наблюдал из-за угла здания вызывала шок и недоумение: лохматые гуманоиды в шкурах и с палками тягали наших беженцев, скручивая их какими-то лоскутами кожи и обрывками веревок, сопровождая все свои действия рычанием, повизгиванием и хохотом, этим звероподобным людям? помогали огромные лохматые кошки и собаки, своими размерами сопоставимые с молодыми бычками, они носились рядом и набрасывались на связанных пленников, отбивая у тех и так немногочисленные попытки препятствовать похищению. Вроде еще никого не загрызли, но на снегу отчетливо просматривались пятна крови. А оно, это самое похищение, самым натуральным образом и происходило – здоровяки взваливали на свои плечи по од-

ному, а некоторые и по двое плененных связанных людей и уволокивали их в сторону дороги. Безумный конвейер не прекращал своего действия. Не смотря на ночь и падающий снег, видимость была на уровне, что было и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что я увидел все это безобразие и смог оценить перспективы, но плохо, потому что увидели и меня: сразу несколько двуногих лохматых тварей замахали своими клешнями в мою сторону, заулюлюкали, а четырехлапые лохматые твари бросились в мою сторону и мне не оставалось иного выбора, как ломануть в сторону от лестницы, чтобы не дай Бог не подставить своих девчонок.

Я побежал к углу здания, разочарованно понимая, что цех остался с противоположной стороны, а там и мои острые приبلуды. Поможет мне сейчас мое самопальное копье или нет, но это хоть какое-то оружие, а значит шанс, потому что позволить этим уродам спеленать меня так же, как и тех терпил, я не собирался – я без боя не сдамся! Обогнув угол общаги, я добежал до следующего и обернулся, за мной увязались две твари, больше не успел разглядеть, мешкать было нельзя, я, задыхаясь, стартанул к следующему углу. Выбежав из-за него, я осознал свою глупость, ведь дальше я попаду прямо на конвейер, поэтому побежал по прямой, так, чтобы и от преследователей оторваться и новыми не обрасти. С разгона воткнулся в стенку цеха и по над ней побрел, разгребая снег к воротам. Под общагой все-таки было по меньше сугробов, а тут, на открытом участке, навалило считай по по-

яс, хотя самый нижний слой уже схватился корочкой, но все равно под моим весом проваливался. С трудом выдирая ноги и задыхаясь обожженным от холодного воздуха горлом я добрался до ворот, которые, слава глупости монтажников, оказались открытыми. Ввалился внутрь и уперевшись в дверь, попытался ее закрыть, но как ни упирался, пердел и потел, не смог преодолеть сопротивление насыпавшегося вслед за мной снега, не хватало каких-то нескольких сантиметров, чтобы вставить гребаный шплинт. Услышав поблизости рычание, я осознал всю тщетность своих усилий и почти сдался, ну совсем почти. Оглянувшись, я увидел куда притулил тогда свое самопальное копьё, плюнув на все свои страхи, ломанулся к нему. Откуда только силы возникли, ведь всего секунду назад казалось, что все, сил больше нет, хоть ложись и помирай. Уже схватив копьё в руки я услышал, как за спиной отскочила дверь от мощного удара, я не стал медлить и развернулся, направляя свое оружие на потенциального противника. Доли секунды, не более, вот ровно столько стоило мне промедление и все бы закончилось совсем иначе. Первая тварь, которая попыталась на меня напасть, со всего маху нанизалась на мое копьё, она конечно же сбила меня с ног своей тушей, но увлекаемая мной, а точнее зажатый в руках копьём, упала на меня же сверху. В порыве злости она начала драть мне правое плечо – единственное место, до которого смогла дотянуться, так как голову я попытался прикрыть второй рукой, максимально отведя ее в сторону.

Боль была адская, дыхания не хватало и до этого, а теперь, под весом твари, можно было смело говорить, что меня душили. От боли в разрываемом плече и отсутствии кислорода у меня закружилась голова, лохматое чудовище уже не трепало мою руку, а просто сжав челюсти тихонько порывивало, с каждым выдохом все тише и тише. Но и у меня уже не осталось сил сопротивляться: в последний раз попытавшись вдохнуть воздух, насыщенный запахом крови, смрадом из пасти твари и вонюю свалевшейся собачьей шерсти я отключился.

Я шел по коридору, освещенный центр и спрятанные во мраке стены, то, что они вообще есть у меня не вызывало сомнения, как и то, что нужно идти вперед. Мысль о том, что я об этом нормально рассуждаю, витала где-то поверх, но не вызывала диссонанса, иду себе и иду, ну коридор, ну темный, тоже мне новость... Вдруг из мрака выскочило натуральное чудовище: лохматое, вонючее и с огромной пастью, которая закрыла мне весь обзор. Тварь накинута на меня, но мне удалось удержать ее на расстоянии моих вытянутых рук, огромные зубы клацали перед самым моим носом, в лицо летели вязкие слюни, а нос забивало зловоние из пасти. Наша борьба длилась уже несколько часов, наверное, я потерялся во времени, просто сосредоточился на сопротивлении и все. В какой-то момент я вдруг понял, а какого вообще хрена, я тупо сопротивляюсь и ничего не предпринимаю? Напрягшись изо всех своих скромных сил, я оттолкнул

ужасную тварь от себя и ... и огромная пасть проглотила меня целиком.

Глава 3.

В себя я пришел рывком, как будто на поверхность воды всплыл, причем, сила моего рывка была такая, что, не замечая, скинул левой рукой в правую сторону нанизанную на копье лохматую тварь, как мелкую шавку ногой отпихнул. Застывшая в посмертии челюсть собаки-переростка вырвала зубами кусочки кожи из плеча, утихшая было кровь снова побежала по руке, вернувшейся болью мигом прочищая голову. Полежал немного, приходя в относительно стабильное состояние, сжал зубы, вытер выступившие на глазах слезы. Прислушивался к звукам на улице и в цеху, а сам мысленно ощупывал себя, проверяя, все ли члены на месте. И там и там все было нормально, вроде бы, конечно. Повернулся и попытался встать: голова кружилась и хотелось пить, облизал пересохшие губы, на которых почувствовал вкус уже засохшей крови, моей или собаки, не разобрать. С трудом удалось сесть, опираясь на пол здоровой рукой – правой боялся даже шевелить, боль толчками пульсировала в голове. Осмотрел себя: куртка рваная вся спереди, залита кровью, правый рукав одним своим видом вызывал уныние и страх, среди всего этого фарша костей видно не было, так что надежда, что с рукой все будет в порядке все еще была. Еще немного посидел и понял, что неплохо так подзамерз, но холод ощущался скорее, как стимул подвигаться, а не как какое-то неудобство,

странное ощущение, но по-другому не смогу объяснить. Передвинулся ближе к огромному собачьему труп, перенес вес на ноги и, ухватившись за копьё, попытался его выдернуть – не вышло. Просто мало места для маневров оказалось. Пришлось с кряхтением и оханьем подниматься на ноги. Голова слегка кружилась, но это так, фоном, в остальном вроде все еще даже ничего получается. Почему-то решил, что копьё мне обязательно стоит извлечь. Чуть присел, перебрал рукой по древку и потянул, сначала рукой, а потом выпрямляя ноги, потом перехватился, уперся одной ногой в тушу и выдернул-таки свое оружие. От переусердствования чуть не свалился, но переступив пару шагов, уперся подтоком копья в пол и устоял. Выдохнул и ослабился – хорошо! Справился! Дальше будет легче. Чему радуюсь, хрен его знает. Живой ведь, это хорошо, ну подрали малеха, так еще не известно насколько там все плохо, так чего раньше времени в панику впадать, правда? Выкарабкаемся!

Стою и смотрю на ужасного мутанта, нет, ну а как иначе? Разве что-то подобное может у нас вырасти самостоятельно? Подобный монстр, если отставить идею о внеземном его происхождении, мог появиться только в результате безумных генетических экспериментов, ну или там с использованием каких-нибудь сывороток роста, ну или какой другой подобной хрени. Короче говоря, как ни корми тойтерьера, из него не вырастет сенбернар. Отдышался и опираясь на копьё зашагал на выход. Из ворот выглядывал с опаской, хотя

уже никаких посторонних шумов слышно не было, но опасался засады. Напрасно: двор был пуст и темен, ну, не считая разбросанных каких-то тряпок-шмоток, вещей-предметов, короче барахла разного, которое сначала в запале гребут, а потом здраво рассудив перебирают по-быстрому и валят, что характерно бегом. Снег был затоптан и грязен, тут были разные следы и пятна, но кровь была видна отчетливо, да и запах ощущался соответствующий. Хотя, возможно, что это так пахло мое собственное плечо. Трупов не было совсем или просто не было видно, по крайней мере во дворе. Побрел внутрь, с трудом, но поднялся по ступенькам, делая перерывы на каждом пролете. Тишина в общаге оглушала. Со стороны же части опять слышна была канонада, но она так, фоном ощущалась, как что-то уже привычное, как капающий кран, например, такое вот неизбежное зло. Внутри на этаже были те же следы погрома: разбросанные тряпки и посуда, рассыпанные по полу макароны, ну и пятна крови, куда уж без нее теперь-то. Моя комната была пуста. Сердце сжалось в приступе невыносимой тоски и грусти. Девочки уходили в торопях, постель была разобрана, но сумки свои забрали, а вот мой рюкзак так и лежал под кроватью. Осознание потери немного выбило меня из состояния равновесия, но я, сжав зубы отмел все эти истерики в сторону – сейчас не время и не место! Не стал тратить лишние секунды на ерунду, сразу подхватил его и побрел в душ. С каким-то остервенением содрал с себя куртку, потом и свитер, а вот с майкой не спе-

шил, верхние вещи легко стаскивал, а тут уже видел масштаб трагедии и понял, что с наскока дело не решить. И дело было вовсе не в трусости или неуверенности в себе, просто следовало сначала отмочить ткань, прежде, чем отрывать ее от раны. Со скепсисом посмотрел на единственный флакончик перекиси, тут и ведра будет мало, поэтому плюнув, стянул с себя штаны с трусами и полез под душ. Давление в трубах еще какое-то было, и вода даже оставалась теплой. Встав под струи стал заливать плечо, стараясь экономно расходовать воду. Не знаю, сколько все-таки времени и сил потратил я на процедуру отделения обрывков майки от своего поврежденного мяса, так как пришлось искать нож и срезать местами куски ткани, но в итоге я добился своего. Вид конечно удручал, да что там, осознав весь масштаб, меня сразу же стошнило. Не каждый день приходится ковыряться в человеческом мясе, тем более в своем собственном, тем более я же не медик! Кстати, в процессе очистки раны, я невольно убедился, что пальцы правой руки работают исправно, поврежденные мышцы плеча не позволяли поднять руку, но произвести какие-то манипуляции кистью я себе позволить вполне мог, чем и пользовался. Залил всю рану половиной имевшейся перекиси, предварительно подставив тампон из ваты, которой промакивал и снова выдавливал жидкость на рану, ну а что, какие еще варианты у меня были?! Потом вспомнил, что меня вообще-то какая-то псина подрала, а потому, на всякий случай, еще и хозяйственным мылом рану промыл.

Потом промокнул все насухо чистыми трусами и нанес на всю поврежденную поверхность крем, на тюбике которого прямым текстом так и было написано «для восстановления поврежденных участков кожи, в том числе открытых ран». Сложил кусок марли так, чтобы закрыть всю поверхность и перемотал бинтом. Обернуть бинт вокруг тела оказалось для меня той еще задачей, приходилось зажимая зубами один край, второй забрасывать себе через голову, прям как аркан какой, с воем и плачем, но я смог более-менее нормально перевязаться. Оставалось ополоснуть остальные участки тела, вода уже бежала еле-еле и холодная. Потом пошарился на кухне, нашел в холодильнике суп и похлебал его прямо так, из кастрюли, греть его не было никакого желания и сил оставалось только одеться по теплее, закрыться в комнате и увалиться спать.

* * *

Проснулся сам, от голода. В окно сквозь морозный узор на стекле, пробивался дневной свет. Как-то спокойно поднялся, нашарил початую бутылку воды в своем рюкзаке, напился и потом вдруг вспомнил, что вчера произошло. Очень отчетливо вспомнил. Прям аж передернуло всего. Тут же обратил внимание, что в комнате было прохладно, видимо, солярка закончилась, генератор вырубился, а подлить новой некому. Разделся и пошел в туалет, попутно осмотрев у зеркала свою повязку: белый бинт был местами пропитан красными пятнами, но утверждать, что рана прям кровоточила, я бы не

стал, наоборот, все выглядело вполне себе прилично, поэтому решил ее не беспокоить, перевязку сделаю вечером. В коридоре, туалете и кухне было не просто холодно, прям дубак стоял откровенный, даже пар со рта валил, но меня почему-то это не напрягало. Достав остатки холодного супа понял, что лед я грызть не смогу, попробовал разжечь плиту и о чудо, газ вспыхнул и своим синим свечением заметно поднял мне настроение. Которое было откровенно хреновым, старался даже не думать, где сейчас остальные люди и что там с ними вчера приключилось. Дождался пока замороженный суп закипит, сел есть, нагрел еще и воды для кофе, его я тоже нашел на полке, в принципе много чего можно было найти, при желании разгрести этот хаос, но я не стал. Оделся и собрал в рюкзак все свои вещи, в том числе аптечку, а также все съедобное, что удалось найти поверхностно: несколько кусков хлеба, банка сайры, пара бичпакетов, даже кусочек сала и луковицу. Осмотрелся в последний раз и пошел на улицу. Не знаю, вернусь сюда или нет снова, но дверь прикрыл. Остаться в общаге одному перехотелось, дело было даже не в отсутствии тепла и воды, я помнил про газовые баллоны, да и снега было полно – плавать, не хочу, просто обстановка разгрома и кровавые пятна удручали, а комната навевала воспоминания о таком близком, но не сбывшемся счастье. Получилось бы у меня что-нибудь с кем-нибудь из девчонок или нет было не важно, главное, что появился шанс и я его просрал. Совсем не важно, что моей вины в этом прак-

тически не было, ну кроме того, что пошел на улицу проверить обстановку. Да кого я обманываю? Это и была основная причина моей грусти, ведь если бы я остался, то мог бы воспрепятствовать похищению девушек, ну или помочь им сбежать, ну или героически сдохнуть в при этих попытках...

Бли-и-ин! Вот я идиот! Вещей же их нет! Да они действительно могли элементарно сбежать, а я тут, как сраный Ромео, сопли распускаю, идти нужно искать! А начать нужно с воинской части, по крайней мере, выдвигаться в ту сторону. Стрельбу мы слышали, несколько раз обсуждали, Юля была в курсе, куда ломанул депутат, а значит смогла убедить остальных пробираться туда.

Сходил в цех и нашел там свое мачете, привязал к рюкзаку, в руке копье, ну теперь рискните снова напасть, твари! Шел по дороге мимо оставленных под слоем снега машин и внимательно осматривался по сторонам, тщательно вслушиваясь в окружающие меня шумы, пока что ничего подозрительного не было. Под свежим снегом угадывались следы животных и отпечатки человеческих ног. Вся эта толпа перла прямым курсом к морю, практически прямой вектор был направлен на тот самый контейнеровоз, что выпускал светомузыку той ночью. Однозначно, что пока в таком состоянии со- ваться не стоило, нужно сперва поправиться. Вышел к перекрестку, все по-прежнему тихо. Возникла мысль прогуляться до границы купола и посмотреть, что изменилось, но, подумав, плюнул и повернул в сторону воинской части.

Улица была пуста, единственные машины, остававшиеся еще на дороге, тоже выглядели брошенными, видимо, «упертые бараны», когда закончился бензин, предпочли искать тепло в ином месте. По дороге шагал уже увереннее, не знаю, что мне этой самой уверенности придало, но прям бодрость какая-то появилась. Хотя, конечно, по сторонам также внимательно смотрел и прислушивался. Магазин был вскрыт, света в нем не было, а полки в большинстве опустошены. Заглянул внутрь, так, для проформы, найти там что-то путнее я уже даже не надеялся. Беглый осмотр показал, что я прав: пока была возможность, люди скупили все, что можно съесть сразу, ну или полуфабрикаты, а остальное типа круп или макарон при отсутствии возможности вскипятить воду, не представляли интереса. Единственное, что я взял – это орешки к пиву, ну то, что от них осталось, они были рассыпаны по дну емкости на прилавке, кто-то зачерпнул горстями, а по углам выбирать не стал, торопился, наверное. Я не спешил, поэтому тщательно выбрал все, что были в пакетик, завязал его и убрал во внутренний карман куртки. Разорванную и окровавленную я одевать не стал, а взял свою старую, бэушную. Еще нашел несколько конфет в целой упаковке, их я тоже убрал в карман. В магазине был минут двадцать, ну от силы полчаса, а вышел и обратил внимание, как обстановка изменилась: стало темнее, снова пошел снег. Я запахнул воротник куртки, отметив про себя, что правая рука свободно сгибается в локте и дискомфорта я не ощущаю, рана зажи-

вает и это хорошо.

Только снова вышел на дорогу, как услышал звук разбиваемого стекла, вроде бы даже вскрик какой-то донесло. Немного помялся в нерешительности: хрен его знает, что там происходит, стремно как-то, а потом вдруг подумал, а может быть это девчонки там, в доме спрятались, а какие-то типы вламываются к ним. Сжал зубы и пошел в сторону, откуда доносился шум. Поднялся по улице буквально до третьего дома, там сразу разглядел ворота нараспашку, разбитое окно и хмыря, подсакивающего в нетерпении перед ним. Видимо приятели уже влезли, а этот почему-то меньшевался. Из дома слышалась мужская ругань, женские вскрики и плачь, звуки ломаемой мебели и разрываемой ткани.

Отбросив всякие сомнения, я снял рюкзак, прислонив его к дереву, мачете отстегнул от него и засунул за пояс сзади, по удобнее перехватил свое копьё и по глубже вздохнув легкой трусцой побежал к мародерам, постепенно ускоряясь. Тип, пасущийся у окна, не смотря на азарт и возбуждение, все-таки услышал хруст сминаемого под моими ногами снега и обернулся. Точнее попытался обернуться, да и то, в последний момент, короче я его в пол обороте нанизал на свое копьё. Оно как-то очень легко пробило ему живот и по диагонали выскочило в районе левой ключицы. Сам не ожидал от себя такой силищи. Тот только ойкнул и что-то попытался прохрипеть, но не смог: так и повалился на бок. Провожая его удовлетворенным взглядом, я поймал хмурый и сосре-

доточенный взгляд второго мародера, тот не стал тянуть, а быстро вскинул обрез и выстрелил в меня дуплетом. Как я смог увернуться – хрен его знает. Прямо как сраное слоу мо, чтобы оно ни значило. Как стоял, так и упал, только ощутил пронесшийся ветер над головой. Блин, даже испугаться не успел. Сразу же вскочил обратно, тип, поняв, что промахнулся, судорожно перезаряжал патроны, переломив стволы обреза. Не стал ждать его второй попытки, выдернул из-за спины мачете, и, как только он скосил глаза, пытаясь загнать второй патрон, швырнул в него второе свое оружие. Куда целился, даже объяснить не смогу, так, просто по наитию швырнул. Я так-то не профессионал - метатель, ну баловался в детстве, не более того, а тут этот идиот сам мне помог. Вместо того, чтобы увернуться полностью, он все еще надеялся успеть зарядить патрон, а потому отвернулся лишь частично, даже скорее просто извернулся, но не до конца. За что и поплатился: широкое лезвие пронеслось мимо него каким-то непостижимым образом успев черкануть чувака по отставленной шее. Что там поспособствовало, я даже не знаю: сила броска, острота лезвия или напряженные шейные мышцы, но факт неоспоримый – противник получил серьезное ранение шеи. Тут уже он бросил бесплодные попытки затолкнуть долбаный патрон и просто, как обиженный ребенок, швырнул в меня обрезом, сам при этом заваливаясь назад. Я как-то смог не только отшатнуться от брошенного в меня оружия, но и поймать его на лету. Глянул, а один патрон он успел

все-таки вставить, защелкнул обрез и посмотрел внутрь дома. Третий мародер стоял над распростертой женщиной, а в руках сжимал топор. Видимо, пытался ее раздеть, так как платье на ней было разорвано, она лежала на полу, притихнув и упираясь локтем левой руки в пол не сводила с меня взгляда. Бандюган ощерился и поудобнее перехватил топор, но я не стал ждать и резко вскинув обрез, выстрелил в него, целясь в живот. Он, возможно, хотел повторить мой трюк, но увы, авторские права, они такие. Короче, чтобы там ни было заряжено в этот обрез, но типу прилетело знатно: все его лицо разорвало в мелкие клочья, а самого откинуло к стене. Я засунул обрез за ремень, наклонился и поднатужившись, выдернул свое копьё из трупа первого мародера, на первый взгляд у него ничего интересного не наблюдалось. Потом осмотрю по лучше. Сам себе хмыкнул, не удержавшись, троих мужиков распотрошил, все ждал, когда будет мандраж и истерика, а ее нет. К виду мертвецов и крови я не то, чтобы привычный, но уж для меня это точно не в новинку. Перелез в дом, женщина уже поднялась и судорожно запахиваясь разорванным платьем, смотрела то на меня, то на окровавленное копьё в моих руках. Она была ниже меня, метра полтора с кепкой, темные взлохмаченные волосы длиною до плеч, на вид лет тридцать-тридцать пять, слегка полновата. Тут захрипел второй, я резко выбросил руку с копьём и рисуясь, чего уж там, воткнул острие ему под подбородок, тот дернулся и затих. Выдернув свое оружие из второго тру-

па, я повернулся к спасенной.

- Ну привет. – Сказал и улыбнулся. Бедная женщина и так была на взводе, а тут аж поперхнулась. – Да ты не переживай, я не такой. – Попробовал я ее успокоить.

- А какой? – Хрипло произнесла она.

- Да я нормальный! Ну, в смысле, ничего тебе не сделаю. Я не бандит какой-нибудь. – Я смутился, как себя описать, чтобы точно поверила, что я безобидный. Хотя бы для нее.

- Я вижу. – Коротко ответила она и выразительно посмотрела на два окровавленных трупа.

- Ты считаешь, что мне не стоило вмешиваться? – Решил сразу разобраться в вопросе я.

- Нет, что ты! – Мгновенно переключилась она. – Ну то есть, да. Мля, короче, ты все правильно сделал, наверное.

- Давай успокоимся. – Предложил я. – Меня зовут Семен, а тебя?

- Катя.

- Вот и познакомились. – Я снова улыбнулся как можно дружелюбнее. – Давай я выволоку трупы на улицу, а ты переоденешься, договорились?

- Конечно. – Легко согласилась она и я принялся обыскивать мертвецов, откладывая в сторонку полезные ништяки из их карманов, прошерстил и подкладку, а Катя ушла в другую комнату. Рюкзаки мародеров оставил на потом.

Не став ждать пока кровь зальет весь пол, быстро осмотрев трупы, стал их выволакивать на улицу. В комнате, не

смотря на проветривание через отсутствующее окно, пахло гарью, кровью и испражнениями, до тошноты прям. По крайней мере, свои позывы я объяснил себе именно запахом, а не отходняком после случившегося. Тела оттащил в кювет у дороги, попутно сокрушаясь, ведь добыча была не ахти. в карманах нашлось с десятков патронов к обрезу, несколько вскрытых пачек сигарет, пару зажигалок, складные ножи, немного наличности и золотые побрякушки. Когда вернулся в дом, Катя уже переоделась и стоя с тряпкой и ведром с горячей водой оттирала следы побоища. Да, чтобы там ни было заряжено в патрон, а расхреначило морду этого утырка знатно: ошметки кожи, кусочки мяса, даже волосы и фрагменты зубов или костей, все это было разбрызгано по стене примерно в метровом диаметре. Да еще с порезанного из горла на стекло крови на половик. Я его молча собрал в кучу, взглянул ни хозяйку, изогнув вопросительно бровь, она также молча кивнула, видимо, тоже испытывала непередаваемые эмоции от процесса, поднял половик и выволок его во двор, захочет – стирает, нет выкинет.

- Есть фанера, ну или доски какие, чтобы окно забить? – Спросил ее, когда вернулся в дом.

- Да, что-то там было. – Она натужно пыталась перестроиться на новую задачу. – На улице пристройка, там много разного барахла муж собирал, там и посмотри.

- Хорошо. – Легко согласился я, хотя идти наобум – то еще удовольствие.

Довольно-таки быстро я нашел и пристройку, и хлам внутри, быстро вычленил из него необходимые материалы, там же нашел ящик с инструментами, баночки с шурупами, гвоздями и саморезами. Вернулся к окну с улицы, молотком счистил битые осколки стекла и отмеряв необходимые размеры стал пилить лист фанеры найденной пилой. Похоже, муж этой Кати тот еще рукожоп: пила была тупая, зубья не разведены, я скорее продавливал, чем пропиливал. Два сраных реза метра по полтора вымотали мне все нервы, пару раз уже хотел плюнуть и все бросить, особенно пилу и прямо в Катю, которая эти самые пару раз выглядывала в разбитое окно поинтересоваться, когда я уже закончу. Сдерживал себя из последних сил, сжал зубы и уговаривал сам себя довести дело до конца. Не хрен было вообще ввязываться, но если начал, то уж доделать был обязан, иначе что я за мужик. Хотя, стоит быть честным с самим собой, бабы то у меня давно не было, девочки эти курортницы перевозбудили и не дали, найду я их или нет еще не известно, а тут вот благодарная за спасение барышня. Наличие у нее мужа и желание отплатить мне тем самым образом это дополнительные неизвестные в этом уравнении. Блин, какая только хрень в голову не лезет, лишь бы отвлечься от монотонной и нудной работы.

Наконец я закончил пилить, с огромным облегчением выдохнул и отшвырнул гребаную пилу в сторону. Хотел хоть чуть отдохнуть, но тут опять эта Катя выглядывает. Молча на меня смотрит, а ведь слов то и не надо, все и так понят-

но. Сжал зубы и подняв фанеру стал мостить ее на раму. Как мерял, хрен знает, видимо, рукожопость заразна, передается через порченный инструмент: отпилил криво, один край чуть короче, другой длиннее, причем настолько, что даже не влезает в проем. А-а-а! Чтоб тебя! Опустил фанеру и снова встретился взглядом с хозяйкой.

- Ты уже закончила уборку? – Вызверился на нее.

- Почти. – Пискнула она, не ожидавшая от меня такой смелой обращения.

- Ну так не отвлекайся! – Сказал, почти рывкнул я и она тут же скрылась внутри дома.

Поставил фанеру и пошел искать куда закинул чертову пилу. Короче говоря, с помощью рук и какой-то матери я смог выровнять ширму, притулить ее к оконной раме и саморезами прижать наглухо. Потом нашел еще кусок пленки и рейки, изнутри утеплил оконный проем и довольный проделанной работой только теперь заметил, что день пролетел незаметно и начало уже смеркаться.

- Я ужин приготовила, - толи стесняясь, то побаиваясь, робко произнесла Катя. – Давай покушаем.

- Хорошо, конечно. – Мне вдруг стало стыдно за идиотскую сцену, устроенную мной ранее. Сделал морду кирпичом и пошел мыть руки, убрав предварительно инструмент на место.

Электричество отсутствовало, свет за столом был от старой керосиновой лампы и трех разных свечей, одна из ко-

торых была ароматическая. Керосиновая копоть боролась с эфирным маслом и пока определить победителя было сложно.

- Продуктов в холодильнике немного осталось, зато есть крупа и консервы, еще и картошка с луком и морковкой в чулане. Хорошо, что у нас баллон пропановый стоит, я его к плите подключила, пока есть газ – будет и горячая пища. – Щебетала женщина, разливая по тарелкам исходящее паром варево. – Хлеба правда совсем немного осталось, только на ужин и хватит, но есть мука, завтра пышек напеку.

- Ты одна живешь? – Я сел за стол, вооружился ложкой, но по контексту выдаваемой информации от суетящейся хозяйки вдруг понял, что она планирует НАШ совместный быт, рассчитывает, что МЫ будем завтра есть, поэтому следовало сразу во всем разобраться.

- В смысле? – Опешила Катя и зависла, замерев, сжимая в руках половник.

- Я спрашиваю, ты сама живешь или есть еще кто-то? – Почти по слогам повторил я свой вопрос.

- Сейчас да, сама. – Она поставила кастрюлю и села за стол. – А почему ты спрашиваешь Семен?

- А родные есть? Ну там, муж, дети, родители?

- Да что за допрос такой? – Попыталась она возмутиться, но столкнулась с моим взглядом и осеклась.

- Понять хочу, чего ждать.

- Сама я осталась. – Буркнула и опустила глаза в пол. –

Родителей давно уже нет. Муж уехал в командировку год назад и не вернулся, а детей мы с ним не успели нажить.

- Год назад? – Я не смог скрыть удивления. – И что, ни письма, ни звонка? А ты и не ищешь его?

- Ну почему же, было письмо от него, написал, что там остается, перспективы там и зарплата, если хочу – могу к нему приехать, если нет, то могу подать на развод, он его дистанционно подпишет. Ведь знал же, что я никуда не поеду.

- Ну дела. Ага, теперь все ясно. – Я хмыкнул, откусил кусочек хлеба и стал наворачивать соус, постоянно дуя на ложку с горячим содержимым. Глядя на меня и Катя стала есть.

- Тебе отдельно постелить или со мной ляжешь? – Практически в лоб спросила меня хозяйка, когда я сытый и довольный отвалился от стола на спинку стула. Ее предложение было ожидаемым и желанным мной, чего уж тут скрывать. Но в то же время мозг взрывался от мысли, что где-то там «почти мои» девчонки непонятно в каком положении и статусе, живы ли они до сих пор или уже нет, а тут жертва нападения, которую как раз и хотели «употребить» по назначению, а она сопротивлялась, теперь же практически в открытую себя предлагает. Да что же я за человек такой, почему Катю осуждаю, ведь это нормально, что одинокая женщина ищет защиту и помощь от мужчины, предлагая в первую очередь непосредственно себя, а уже следом все остальное.

- С тобой. – Прохрипел я горлом, вдруг заполнившимся слюной, прокашлялся и уже увереннее добавил, - с тобой,

только дом обойду сначала, осмотрюсь и проверю, что там на улице. — И не давая ей времени добавить что-то еще, шагнул к дверям и за порог.

Холодный воздух прочистил мозги, взбодрил и успокоил. А чего я собственно выпендриваюсь? Я получаю в безвозмездное пользование еще не старую бабу, практически бесплатно мне достается дом с сараями, если пошерстить, так там может и еще чего полезного наскребти можно будет. Нужно будет порешать вопрос с хавчиком, ну так в центре и магазины побольше, да и количество их всяко разнообразнее. Сделаю пару вылазок и нам на месяц хватит прожить. Да, загнул, на месяц, вот идиот, а остальные люди сидят по хаткам и ждут с моря погоды... Вот и принесло это самое море ту самую погоду. Блин, вот не было хлопот, зачем полез в это дело, защитник хренов сырых и убогих, мля. Сраный рыцарь на бледном коне. Ну не лежала у меня душа тут корни пускать. А обижать каким бы то ни было образом уже поверившую в свое скромное женское счастье Катю ну никак не хотелось. Вот ведь гадство то какое, а!

Собравшись с мыслями, я обошел дом, внимательно вслушиваясь и всматриваясь в ночной сумрак, света становилось все меньше. Вроде бы все было тихо, вернулся, закрыл дверь изнутри и вошел в комнату. Там Катя сказала раздеваться и идти в ванную, обмыться, она закипятила воды, так как с крана уже не идет, но запасов внутри пока хватает, а вот на завтра придется топить снег. Не стал с ней спорить, разделся

до трусов и пошел куда направила. Там женщина суежилась, разбавляя мне воду в ведре, а потом повернулась и увидела мою повязку. Первая реакция была «ах» и «ох». Потом она, видимо, допетрила, что на повязке кровь давно высохла, а значит, что она не свежая и предложила сделать мне перевязку, я конечно же согласился.

- Там в моем рюкзаке, я его кинул у шкафа, есть аптечка. В ней перекись и мазь, которой я рану обрабатывал. Если там еще что-то от продуктов осталось, то ты и их заведи. – Не знаю, зачем ляпнул про продукты? Наверно побоялся, что сейчас увидит их в рюкзаке, когда будет искать аптечку и решит, что я та еще крыса. А мне почему-то не хотелось выглядеть в ее глазах крысой, да и вообще, не хотелось негативных пятен на моей личности в ее восприятии.

Пока она ходила за аптечкой, я немного размотал повязку, дойдя до склеенных засохшей кровью участков и стал на них лить теплую воду, чтобы раскисли.

- Подожди, не лей простую воду! – Прибежала хозяйка. – Я сейчас фурацилин разведу, им промывать будем. А что у тебя там за рана, а то столько крови?

- Тварь какая-то на собаку огромную похожая, плечо мне разодрала. Вообще, я тебе не рассказал, но на нашу общагу позапрошлой ночью напали какие-то дикари с этими собаками баскервилей и все люди из общаги пропали, по крайней мере, я, когда в себя пришел, никого уже там не было.

- Ужас какой! – Опять захохла Катя, начав поливать мне

на бинты теплым желтым раствором. Потихоньку бинт отставал от раны, и она в итоге размотала его целиком, а потом уже мы оба смотрели на открывшуюся картину: она по-прежнему в ужасе от масштабов поврежденного тела, а я от того, что рана моя если и не затянулась полностью, то, по крайней мере, уже не казалась такой уж молодой. Не веря собственным глазам, я подвигал рукой, согнул ее и разогнул, пошевелил всеми пальцами – никакого дискомфорта я не ощущал, создавалось впечатление, что я просто теранулся где-то неудачно об стену и содрал верхний слой кожи: при прикосновении больно, но не смертельно.

- Да это уже как бы и не ужас, а так царапина... большая царапина. – Проговорил я, пытаюсь понять, как так получилось. Ведь я сам складывал лоскуты кожи и мышц, пытаюсь собрать все на место, а тут вдруг такая картина. – Просто крем мне попался отличный, восстанавливающий!

- Действительно, хороший крем у тебя... - Растерянно и с опаской женщина посмотрела мне в глаза, но поймав ответный взгляд, опустила свои и принялась обрабатывать рану. К слову, от перекиси толку было чуть, даже шипения не последовало, а это значило, что рана чистая, если эту травму кожи вообще можно было охарактеризовать, как рану. Обмазав поврежденный участок кремом, Катя наложила тампон из марли и плотно перебинтовала нестерильным бинтом. – Ну все, теперь давай мойся, а я воды полью.

- Давай я сам, как-нибудь справлюсь. – Уверил я ее, выхва-

тывая из ее рук ковшик. Почему-то мне стало вдруг неловко от одной мысли, что я сейчас стяну трусы и начну намыывать свое хозяйство на глазах у посторонней женщины – это не эротика, а эксгибиционизм какой-то уже будет.

- Хорошо. Но ты то мне сольешь, а то знаешь ли, волосы тяжело так вымыть, чтобы самой и поливать, и расчесывать. – Говорит и смотрит на меня слегка прищурившись, реакции ждет.

- Договорились. А теперь, будь любезна, оставь меня! – Я уже был готов вытолкнуть ее, но она это, видимо, уже и сама поняла, развернулась и вышла, закрыв за собой дверь.

Ну, на самом деле, сложностей у меня никаких не возникло: вымылся я с удовольствием, правда, уже под конец, вспомнил, что с водой у нас как-бы сейчас напряженка, а уж тем более с горячей. Нехотя пришлось себя останавливать плескаться и закругляться.

- Катя, я закончил! – Прокричал я, вытеревшись и одев чистые трусы, припасенные загодя.

Женщина тут же буквально вломилась в ванную комнату, всем своим видом показывая непреклонную решимость. Я понял, что она все еще сомневалась в правильности своего решения. Я тип сомнительный: походя замочил троих и даже не поперхнулся, что мною движет и какие планы, она не в курсе, а признаваться ей, что я и сам еще не решил, что мне делать и как быть, я конечно же пока не буду; она: брошенная мужем, одинокая женщина, напуганная невиданными осад-

ками, потерей всех основных цивилизованных средств к существованию, тут еще и эти мародеры-насильники, которые, скорее всего, наигравшись с ней, просто бы ее добились, короче говоря, если обо всем этом думать, то крышу снесет обязательно, если конечно думать только в негативном ключе. Катя скинула свой халат, оказавшись под ним полностью обнаженной и сразу залезла в ванную. Повернулась ко мне и глянула так, с вызовом и твердой решимостью. Хмыкнул и без дополнительных понуканий стал поливать её водой из ковша. Помылась она быстро, хорошо, что воды хватило, при этом мылась без особого стеснения, но и без какой бы то ни было эротической составляющей. Да я и сам старался не пялиться на нее, а мои эмоции выдавал только холм на трусах, увидев который, Катя лишь слегка покраснела. Подав ей чистое полотенце, я сразу же вышел из ванной комнаты.

Кровать в спальне уже была застелена и, не став дальше выкабениваться, я пошел и лег. Хозяйка, выйдя из ванной в целомудренной ночнушке, увидела, что я уже в кровати, погасила везде свет и легла рядом.

- Ты останешься со мной? – Спросила хриловатым голосом спустя пару минут тишины.

- Еще не решил. – Честно ответил я, решил не юлить с ней. – У меня до сих пор никого не было, поэтому предложение твое очень заманчивое.

С ее стороны слышался вздох облегчения. Немного пережав, Катя вдруг навалилась на меня и принялась жадно це-

ловать, я ее обнял и понял, что она уже голышом, а дальше все было сумбурно и спонтанно, выплескивались все накопившиеся эмоции, где-то плохие и кто-то из нас даже рычал, а потом сразу хорошие и уже стон оглашал ночную тишину.

- Когда этот песец произошел, к нам в общагу набилось много народу, просто у нас стоял дизельный генератор, поэтому было и тепло и свет горел. – Лежа в обнимку с притихшей Катей я заговорил. – Так вот, я приютил в своей комнате четверых девчонок, подружки на море ехали. За два дня мы как-то сдружились что ли, ты не подумай, я ни к одной из них не приставал, ни намеков, ни требований не предъявлял, но одна прям потянулась ко мне, что ли. Ну, типа душа родственная, что ли. – Я проглотил тугую слюну, почему-то решил, что сейчас важно выговориться, для самого себя определиться, чего же мне хочется. – Но и еще две из них выглядели такими, что, типа не против со мной замутить, просто Юля эта напористей других, Галя свои чувства прячет под маской гонора и снобизма, вся такая высокомерная, но мне показалось, что я ее тоже заинтересовал. А еще Надя, робкая и застенчивая девушка, бросала на меня украдкой такие взгляды, что, если бы я предпочел ее компанию, то с радостью бы откликнулась. Короче говоря, то у меня никого, а тут сразу три кандидатуры потенциальных невест. Я может потому и не переходил черту ни с одной, боялся ошибиться. Ну, ты понимаешь, когда у тебя чего-то нет, ты об этом постоянно думаешь, а потом тебе не просто выпадает шанс по-

лучить желаемое, а еще и выбор предлагают. Короче говоря, я, когда в себя пришел и более-менее оклемался, в общаге уже никого не нашел, тогда я подскочил, накидал в рюкзак всего по мелочи, даже не заморачивался особо, ничего не выискивал и стартанул на помощь. Куда, зачем, в тот момент даже не думал, главное было спешить, а вдруг опоздаю. А сейчас уже и не уверен, где искать их, а стоит ли оно того или нет. Теперь вот ты у меня появилась, у меня гипертрофированное чувство ответственности, понимаешь, ничего с собой поделать не могу, поэтому я тебя уже не оставляю. Но и разобраться с этой ситуацией тоже очень важно, понимаешь?

- Хорошо. – Проговорила уже теперь моя женщина. – Поступай, как считаешь нужным, я приму любое твое решение.

Глава 4.

В доме был колотун, причем понял я это по пару, вырывающемуся изо рта, Катя прижималась ко мне всем телом, три слоя одеял еле спасали. Газ, оставленный включенным в конфорке, явно не справлялся со своими обязанностями, да и сколько там того газа осталось, хвати ли его еще на пару таких ночей? Нужно что-то думать.

- Доброе утро! – Сказал я почти жизнерадостно, когда Катя наконец проснулась и открыла глаза.

- Доброе утро, - сказала и чмокнула меня в щеку.

- Замерзла?

- Нет, с тобой под одеялом совсем не холодно! А вот вылезать откровенно не хочется. – Она так прелестно сморщила носик, что я тут же поспешил чмокнуть ее прямо в него.

- Тогда лежи пока, а я завтрак разогрею. – Я потянулся было встать, но она меня придержала.

- Не спеши. – Сказала и потянулась ко мне губами, я ответил на поцелуй и накрыл нас с головой одеялом. Где-то еще с полчаса мы из-под одеяла не вылезали, но потом, уже отдышавшись, я все-таки решительно выбрался из теплой постели.

Первым делом я оделся, а потом проверил насколько за ночь пропановый баллон стал легче. Конфорка горела одна, а не все четыре, так что еще на пару суток должно хватить,

вот только как обогреватель ее использовать бессмысленно, такой способ лишь выжигал кислород в помещении, а тепла давал крохи. Потом взгляд мой упал на рюкзаки мародеров, и я ляпнул себя по лбу: за вчерашними заботами даже не нашел время проверить их. Поставил чайник на плиту и принялся потрошить подарки.

Основной добычей были конечно же всевозможные драгоценности и деньги, также нашлись продукты длительного хранения: разные консервы, всевозможная нарезка в упаковке, сухарики и чипсы, даже немного цукатов. Сменное белье и носки откинул в сторону, кроме запакованных в магазинную упаковку – мне только триппера чужого не хватало для общего списка. Еще нашёлся мешочек с порохом и приبلуды для фасовки и запечатывания патронов для гладкоствола, ну что же, пригодится. Весь личный хлам, собранный, видимо, как память или обереги-талисманы, я выкинул в мусор. Когда закончил с сортировкой, как раз закипел чайник.

На завтрак доели остатки хлеба с трофейной нарезкой, Катя порывалась напечь обещанных лепешек, но я ее переубедил.

- Сейчас время тратить зря не будем, собираемся, одеваемся и вернемся в мою общагу. Нужно тщательно прошерстить все комнаты и холодильники, соберем все самое ценное для нас, пока туда кто-то еще не наведася, а также прихватим буржуйку, что я со сварщиками делал, без нормального обогрева мы тут околеем, газа едва хватит на пару дней.

– Вещал я свои мысли подружке, тщательно пережевывая колбасу, запивая ее крепким горячим чаем.

- Значит у меня останемся жить? – С надеждой спросила Катя.

- Пока однозначно да! – Покивал я. – Окна я позабываю снаружи фанерой, сделаем вытяжку для дыма, постелем на пол лист оцинкованный, чтобы пожар не устроить, на дрова пустим всякий деревянный хлам, так что с отоплением проблем не должно возникнуть. Еще у нас в общаге были баллоны с пропаном, так что перетащим их сюда и с готовкой вообще проблем не будет.

- Вот и хорошо. – Улыбнулась моя хозяйшка.

Мы оперативненько собрались, с собой взяли только самое необходимое, сложив в трофейные рюкзаки. Копье и мачете я взял в обязательном порядке, а вот трофейный обрез спрятал под ватником – ни к чему привлекать к нему внимание людей, если мы таковых встретим. Вышли уже после полудня, долго дрыхли, но это не важно. Снег пока не шел, но вчерашние следы замело, сквозь мутную пленку купола с неба светило размазанное солнце. В кювете, куда я вчера скинул трупы, сейчас был только холмик снега с размытыми контурами, Катя на него даже не взглянула, проходя мимо. Я шел впереди, торил путь, заодно осматриваясь и прислушиваясь, подружка шагала следом, что характерно молча, говорить попусту я ей настрого запретил. Со всех сторон доносились невнятные приглушенные расстоянием звуки, что

там происходит можно было только предполагать. Со стороны воинской части в небо поднималось несколько дымных столбов, причем парочка была черного цвета — значит жгли покрышки или что-то пластиковое. Таких же несколько дымных столбов просматривалось со стороны верхних улиц, значит и там еще есть живые люди, вот только как они к нам отнесутся, хрен его знает, пока в таком риске участвовать не было необходимости.

В общежитие во время моего отсутствия никто не проник, о чем свидетельствовал чистый слой снега. На этот раз мы методично, комната за комнатой, этаж за этажом прошлись снизу и доверху. Добром набили не только мой родной рюкзак и три мародерских, Катину сумку, но и найденные уже при обыске баулы похищенных людей. Получалось, что с первого этажа людей гребли прямо из постелей, поэтому и вещей было больше, а те, что ждали своей участи выше, смогли собраться и даже, что возможно, но это не точно, смогли сбежать. Закончили мы обыск и сборы ништяков уже почти в темноте, поэтому я предложил Кате остаться на ночь в моей комнате. Спустился в подвал, долил солярки в генератор и запустил его, потом прошлись еще раз по всем комнатам, выключая свет и электроприборы, несколько обогревателей притащили к нам, теперь точно не замерзнем. На кухню на этаже приволок баллон и подключил к плите, окна на кухне и в комнате завесили плотными шторами, чтобы не выдавали наше присутствие, остальные двери заперли наглу-

хо, как и входные на этаж со стороны внутренней лестницы и пожарной. Наташили все баклажки с водой, которые нашли, так что и водой были обеспечены с запасом. Катя навела порядок на кухне, в коридоре и в комнате, нашла в душевой брошенные мною залитые кровью и разорванные псом мутантом мои вещи, в очередной раз ужаснулась масштабам приключившейся со мной неудачи.

- На самом деле это спорный вопрос. – Прокомментировал я ее заявление, обжаривая на сковородке найденные в холодильнике котлеты. – То, что псина порвала мне плечо, это конечно неприятно, но я остался жив и вот я тут готовлю ужин, в отличие от всех остальных, населявших общагу в ту ночь. Так что, если рассматривать эту рану, как своеобразную плату, чтобы избежать мутных последствий, то я рад такому стечению обстоятельств.

- А что это были за дикари? – Интерес Екатерины только возрос, учитывая, что теперь мои слова не были о чем-то эфемерном – она сама видела следы похищения и труп собаки-переростка, которым я конечно же похвалился, не ну а какой бы уважающий себя альфа самец не похвастался перед своей самочкой насколько он мега крут и не убиваем?!

- Не знаю, замотаны в шкуры с разным холодным оружием, говор странный и не знакомый, людей избивали, иногда даже до крови, но, я так думаю, что не убили никого – всех забрали! Еще и питомцы ихние: песики и кошечки ростом с бычка, таких у нас на Земле не встретишь!

- Пришельцы? Дикари из космоса? – Опешила Катя.

- Точно не из космоса! – Засмеялся я, помешивая бульон в кастрюле. – В ту ночь, когда все началось, была сильная вспышка и источником ее был корабль в бухте, а потом оттуда еще какое-то время что-то блыдало, ну как будто зеркальцем светят, ну или фонарик то откроют, то закроют, понимаешь? Я думаю, что это портал!

- Портал?

- Ну ворота или дверь в иной мир или измерение, хрен его знает. Какая-нибудь параллельная реальность. Вот только и дикари эти всей толпой туда же в сторону корабля и отправились, знаешь, типа добычу поволокли. Может насобирают столько, сколько им нужно и закроют нахрен свой портал и все вернется обратно: лето и интернет.

- Тебе только это нужно? – Изумилась моим рассуждениям девушка.

- Да это я так, к слову. Просто думаю, что и как дальше может пойти и чем закончится. – Отмахнулся я от ее попытки прицепиться к несущественной части моих высказываний, игнорируя самое главное. – Давай уже есть.

- Так насыпай, повар, стол то я уже накрыла!

Как же классно вкусно и сытно поесть, да еще и в теплой комнате, а уж помывшись в горячей воде лечь в чистую постель да с любимой женщиной, м-м-м, не передаваемое наслаждение.

Перед сном мы еще немного пообсуждали наши совмест-

ные перспективы и пожелания. В конце концов сошлись на мнении, что нам стоит задержаться в общежитии подольше: во-первых, здесь тепло, при том количестве солянки, что у нас была, хватит на неделю, а то и две, тем более, я планировал слить еще и с ГАЗона; во-вторых, по холодильникам мы собрали столько разной еды, все еще пригодной для приготовления и употребления, что это было бы несусветной тупостью бросить все это богатство здесь, а перетаскивать в холодный стылый дом понадобится сделать сто-пятьсот ходок; в-третьих, здесь по прежнему оставался пропан для кухни, который в Катинском доме также был на исходе; ну и в-четвертых, электричество, да маленькая слабость современного человека, помимо прочего, мы нашли несколько ноутбуков, планшетов и горку смартфонов, поставили часть из них на зарядку и потом можно будет скрасить вечер – поковыряться в чужой-нибудь корзине с нижним бельем, перебрать переписки, фоточки и видеосюжеты, чем не шоу?! Ах, да, еще и третий этаж очень обнадеживал, вероятность незваных гостей при запертой наглухо внутренней двери на этаж и закрытой на ключ металлической внешней сводилась практически к нулю и вселяла уверенность.

Утром мы позавтракали, попили кофейку и сделали заправку, на всякий случай. Потом я замкнул двери снаружи, предварительно потушив все электричество, в том числе генератор в подвале, и мы отправились к дому Катюши. Не знаю, что нам способствовало, но сегодня опять нам никто

не попался: спокойно добрались и в дом за время нашего отсутствия никто не проникал. Холод в помещении конечно же удручал. Мы не стали особо задерживаться, Катя собрала себе немного разных необходимых вещей, я заколотил окна снаружи фанерой и досками, входную дверь заперли не только на врезной замок, я еще и навесной прилепил, поможет или нет, не уверен, так как целеустремленные люди, да еще и при наличии свободного времени, откроют или просто выломают все препятствия, но надеялся на ленивых мерзляков. В итоге обедали мы уже в общежитии. Всю нашу идиллию портили только доносящиеся со стороны моря и воинской части выстрелы, а иногда еще и взрывы, пару раз я слышал выстрелы и со стороны города. Катя вздрагивала всякий раз от этих прилетающих шумов, для нее они ассоциировались с тем ужасом, что ей пришлось пережить.

* * *

Тринадцать дней мы кайфовали, вот честное слово, это были лучшие дни в моей жизни, да их практически можно назвать нашим медовым месяцем. Мы любили друг друга, общались, ели, спали, снова любились, потом просматривали найденные на носителях скачанные ранее их хозяевами фильмы, обсуждали просмотренное, снова ели, спали и занимались любовью. Я готовил все возможные блюда из имеющихся продуктов, экспериментировал и пробовал себя в роли шеф повара. В первую очередь тратили то, что не сможем сохранить долгое время, а все остальное отправлялось

в НЗ. За эти дни я ни разу не вспомнил о девчонках, что переночевали в моей комнате, практически вычеркнув их из своей памяти.

На четырнадцатый день уже после полудня вдруг потух свет, Катя испугалась, но я ее успокоил.

- Скорее всего солярка закончилась, сейчас оденусь и пойду налью, там у нас еще в бочке оставалось литров двадцать-тридцать, да канистра с ГАЗона, не переживай, все будет хорошо.

Я оделся и открывая дверь на улицу вдруг остановился и вооружился своим неизменным копьём, мачете и обрезаем, как-то выход во двор уже не ассоциировался со спокойной прогулкой до ларька за хлебушком и пивом. За прошедшее время снег шел еще несколько раз, а так как дверь открывалась наружу, то пришлось поднатужиться, чтобы ее протолкнуть. Я спускался по ступенькам, стряхивая с них налипший снег и осматривался вокруг. Нанесенные сугробы настолько изменили ландшафт, что скрываемое ими угадывалось с большим трудом. Размышляя о погоде, условиях нашего существования и перспективах, я спустился к подвалу, открыл двери и взял канистру, оказавшуюся, к сожалению, пустой. За прошедшие дни я несколько раз спускался сюда, но использовал внутреннюю лестницу, почему вдруг решил идти снаружи, не знаю, наверное, из-за отсутствия освещения. Постоял, вспоминая, когда это я успел вылить содержимое канистры и не набрал солярки из бака автомобиля,

хмыкнул, взял шланг и пошел к ГАЗону. Пришлось, конечно, повозиться, чтобы открыть крышку, но я справился. Поигрался со шлангом, чтобы вынудить содержимое течь наружу без необходимости подсасывать в прямом смысле слова и довольный успехом, стал ждать пока жидкость наберется в канистру. Через какое-то время мне показалось, что уровень уже почти достиг горлышка емкости и я не стал ждать пока побежит через край, выдернул шланг, струсил остатки капель и закрыл бак. Подсвечивая себе телефоном, пристроил канистру к горловине генератора и флегматично ждал пока перельется все внутрь. В этот момент мне слышались какие-то посторонние звуки, даже замер на пару секунд, но ничего не повторилось. Долив остатки, закрыл горловину и запустил генератор. Агрегат включился и только тут до меня дошло, что он не заглох из-за отсутствия топлива, а был выключен принудительно.

Жар прокатился от висков к ушам, волосы зашевелились на затылке, а уши напряглись, вслушиваясь в окружающие шорохи. Не подавая виду, я поставил канистру на пол, стараясь выглядеть непринужденно, повернулся к выходу, сжимая копьё в левой руке и на шаривая правой мачете за спиной. В этот момент из темного левого угла на меня бросился человек, вооруженный топориком на короткой рукояти. На одних инстинктах я разворачиваясь отбил летящий в меня топор копьём и следом отправив мачете. Инерция помогла мне и подставила напавшего на меня: тяжелый остро отточенный

кусочек металла воткнулся в заросшую жестким волосом щеку, прорубил кожу и кость, а голова противника продолжила насаживаться на острие. Я практически отрубил ему нижнюю челюсть вместе с частью верхней, а сам он нанизался горлом так, что перерезал себе мышцы и сосуды практически отделив голову от тела. Бандит упал на пол и задергался, разбрызгивая кровь, а я сразу же осмотрелся. Других тут не было, но был ли он один? Я подобрал довольно неплохой топорик и засунул его за ремень, стал стаскивать со спины рюкзака, наполненный где-то на две трети объема. Но продолжить мародерку не успел, так как услышал раздавшийся сверху выстрел, а за ним второй. Меня бросило в жар – это обрез, который я оставил Кате! Бросив рюкзак, я побежал к лестнице и наверх по ступенькам, на втором переходе лестницы я услышал ее крик и ускорился.

Дверь на этаж стояла на распашку, внутри, в правом углу, скрючившись в позе эмбриона, лежал пуская кровавые пузыри бородатый мужик в ватнике зажимая живот, из-под пальцев толчками вытекали струйки крови. Слева, прижавшись спиной к стене, сидел второй, хаотично накладывая жгут на левое бедро, простреленное содержимым патрона из обреза. А прямо по коридору, спиной ко мне, стоял третий: он слегка склонился вперед, а между его расставленных ног торчали ноги Кати. Не раздумывая ни секунды, я ломанулся на третьего, замахиваясь своим мачете, тот услышал меня или почувствовал, неизвестно, главное, что успел отскочить в сто-

рону. Мой удар проскочил по касательной, разве что ватник слегка распорол. Вид, открывшийся после того, как третий отпрыгнул, заставил меня завывать по-звериному: Катя лежала на полу с арматуриной в груди.

- Стой, мужик! Стой! – Заорал третий, прижавшись к стене. Правой рукой теребя у себя на поясе, возможно, это было нервное, а может старался нож достать. – Непонятка вышла, мужик. Мы не хотели никого ранить, понимаешь? Она сама, она первая выстрелила, понимаешь?

Я его не слушал, снова замахнулся и ударил сверху вниз, слева направо. Тот опять отшатнулся, соскальзывая жопой по стене. Мой удар как раз по ней и пришелся, высекая искры и известковую крошку, даже руку отсушило. Пользуясь моей заминкой, мародер смог-таки выхватить свой нож и кинуться на меня, а я едва успел поднять свой мачете и просто насадил его, как на шампур, чему способствовал его напор и скорость. Сила столкновения заставила меня сделать пару шагов назад, рука не выпустила обмотанную брезентом рукоятку самодельного оружия, острый конец которого шурувал в ребрах напавшего. Бандит не мог от меня отстать еще и потому, что успел воткнуть свой свинокол мне в плечо, я увидел эту неожиданную деталь, когда мне пришлось отвернуться от кашля умирающего ублюдка, ведь в лицо полетели брызги крови вперемешку со слюной. Боль в плече едва ощущалась, но я не стал рисковать и дергать левую руку, отпустил рукоятку мачете, оставив его в животе мароде-

ра и правой разжал руку убийцы, отталкивая его от себя. Когда третий упал на пол, я взглянул на второго, тот закончил жгутовать свою ногу и полз к заточенной арматурине, лежащей рядом с Катей. Я вытащил из-за пояса трофейный топор и шагнул к нему, тот оттолкнулся от пола одной рукой и инстинктивно закрыл голову второй. Топорик не смог перерубить руку, даже рукав не разрезал, но кость сломал – сто процентов. Мужик заорал от боли и опустил вывернутую в неестественной позе руку к себе на колени, второй удар топорика в голову выключил неприятный звук в коридоре, залитом кровью.

- Семочка... родной... - откашливаясь, Катя смотрела на меня и улыбалась окровавленными губами. Крови вообще было очень много: арматурина торчала с правой стороны, пробив тело женщины насквозь.

- Сейчас, Катюш, сейчас. Потерпи немного, я помогу. – Прочитал я, хотя понятия не имел, как ей помочь и чем. Вроде как извлекать арматуру было нельзя, иначе кровотечение усилится, но и оставлять тоже нельзя, что же делать-то???

- Все хорошо, Семен. – Она погладила меня рукой по щеке. – Я очень счастлива, что ты был в моей жизни.

- Так, успокойся! Что значит был? Все будет хорошо! – Надсаживал я горло, а от слез уже и видеть не мог нормально. Попробовал их вытереть, но сделал еще хуже – рука то была в крови.

- Не грусти, Семочка. Я люблю тебя... - Она проговорила

и снова закашлялась.

- Я, я тоже тебя люблю, Катя! – Пospешил я оповестить ее о своих чувствах, потому что в этот самый момент понял, что действительно прикипел к этой женщине самой душой. – Все будет хорошо... Катю-ю-у-ша-а-а!

Она слегка дернулась и обмякла в моих руках, а я не мог даже нормально рассмотреть ее лицо: мое было залито слезами, размазанной кровью и соплями. Уткнувшись ей в грудь, я рыдал, не сдерживаясь. Как же так, почему такая несправедливость? Я вечно-нищий, никому не нужный вдруг встретил родственную душу, такую же одинокую и обделенную женщину, потянувшуюся ко мне, мы были счастливы, правда счастливы, не смотря на весь трындец, что творился на улице и в городе. Почему мрази кайфуют, а мы вечно страдаем??? Кто во всем этом виноват, кто даст ответ, как все это исправить? Гребаные вечные вопросы, на которые так никто до сих пор и не дал внятного ответа.

Сколько я так сидел, не знаю, просто, когда услышал хрип со стороны двери, я как будто проснулся. Поднялся и поморщился от боли: нож из плеча я так и не вытащил, потянулся правой рукой и извлек лезвие из раны, осмотрел по крови ее глубину, пара сантиметров – ерунда. Посмотрел уже сухими глазами на хрипящего мародера в углу у дверей и особо не церемонясь вогнал этот же нож ему под подбородок.

Дальше я двигался на каких-то инстинктах, что ли: извлек из раны подруги арматурный кол, смочив полотенце, обтер

ее лицо и голову, потом перенес тело на кровать. Затем занялся своей раной в плече: я не медик, но судя по ее виду, сделал вывод, что ни хрена страшного – заживет, как на собаке. Трупы мародеров обшмонал на автомате, выгреб все из карманов и тела просто скинул с лестницы в сугроб. Хотел сначала отмыть кровь и грязь с пола, но потом передумал – оставаться в месте, где уже дважды потерял своих спутниц не просто плохая примета, а верх тупости. Вообще пришлось потратить где-то с час и привести себя в порядок: помылся, оттерев с лица и рук засохшую кровь, Катя заставляла меня бриться каждый день, чтобы не колот ее щетиной, поэтому отмывание морды лица не заняло много времени. Мысль о женщине, труп которой остывал на нашей постели, опять вызвал спазм в груди. Переоделся в чистое, оттер и заштопал разрезанный рукав куртки. Перебрал свой рюкзак, распотрошив трофейные, собрал все самое необходимое. Продуктов набрал где-то на неделю, пару комплектов сменного белья, термос с чаем, вода, мыльно-рыльные, короче укомплектовался. Потом, осмотрев оставляемые вещи и продукты, сжал зубы, сплюнул и расфасовал по оставшимся баулам, которые отволок в цех и спрятал в ящике для инструмента. Не знаю, вернусь сюда еще или нет, но бросать все эти вещи очередным жадным до чужого добра ублюдкам не хотелось.

Катю одел в ее одежду и смастерив из стульев волокушу, положил ее тело сверху. Решил, что не оставляю ее тут, а оттащу к ней домой. Что там будет завтра неизвестно, а как пра-

вительство станет наводить порядок, найдут ее тело в ее же доме, меньше будет вопросов, наверное, если их еще кто-то станет задавать вообще. Шел спокойно, гоняя в голове разные мысли, не заметил даже, как оказался у знакомого дома. Хмыкнув, прошел мимо присыпанных снегом тел в канаве. В доме все было по-прежнему, окна и двери целы, надо же, никто за две недели не покусился. Скорее всего обошли его стороной из-за того, что дом пустовал, мародеры искали там, где угадывались признаки живущих людей, а в ледяные склепы они предпочитали не лезть. Катю я положил на ее кровати, раздевать не стал, да и не смог бы, если честно: на таком морозе труп заиндевел и превратился в статую. Посидел с ней рядом немного, потом, смахнув с лица соленые слезы, достал из стола водку и пару рюмок, налил себе и ей. Свою выпил, а ее поставил рядом на столе. Затем, подумав, достал из рюкзака кусочек хлеба и положил его сверху: покойся с миром...

Выйдя, я запер и двери, и калитку, на улице уже был поздний вечер, а идти я решил к воинской части. Поправив рюкзак и обхватив свое копье, пошел по оставленным мною же и волокушей следам до главной дороги.

Глава 5.

На подходе к части я отчетливо услышал человеческий шум: звук работающего двигателя, голоса людей, какое-то шуршание, треск и скрежет, хлопки и скрип. Подойдя ближе понял, что колонна техники вернулась из центра города и теперь вояки проверяли кого и что им привезли: ящики выгружались и проходили ревизию, а прибывшие люди осмотр. Метров за пятьдесят меня заметил солдатик, вскинул автомат и направив его на меня заорал:

- Стой! Стрелять буду!

- Сначала нужно сказать «кто идет?» – Хмыкнув сказал я ему. – А если нет ответа, тогда уже «Стой! Стрелять буду». Плохо устав учил?

- Нормально учил. – Буркнул военный, но автомат не отпустил. – Пырляку свою брось и руки подыми!

- Хорошо, вот только руки у меня ранены, я их выше локтя поднять не смогу. – Перестал я улыбаться, чего доброго, этот рьяный еще вальнет меня, так, на всякий случай. Бросил копье и поднял руки просто перед собой. Про себя отметил, что откровенной боли не было, но и желания задирать руки тоже.

- А мне плевать, что ты можешь, а что нет, сказал подними, значит подними!

- Слышь, солдатик, у тебя со слухом как, нормально? Го-

ворю же ранен я!

- Я сейчас выстрелю! – Идиот даже снял с предохранителя и затвор передернул.

- Ты больной? Человека убьешь, который и так еле выкарабкался после ранения? – Я уже жалел, что пошел к этим идиотам в сапогах.

- Что происходит, боец? – Раздался сзади солдатики командирский голос, тот аж вздрогнул и повел автоматом, даже я дернулся, ожидая, что сейчас он очередь в меня выпустит от страха, но пронесло.

- Нарушителя поймал, товарищ лейтенант! – Отчитался ретивый военный.

- Да какой я нарушитель? – Я прям реально возмутился. – Поймал он, блин. Я сам к вам пришел! – Обратился я уже к подошедшему офицеру. – Говорю ему ранен я, руки поднять не могу, а он застрелить грозит.

- Что с руками? – Спокойно спросил лейтенант, вставший рядом с рядовым.

- Тварюка меня подрала, лохматая и страшная, вроде как собака, но с теленка габаритами. – Честно рассказал я. – Руки то можно опустить?

- Опустит. – Хмыкнул офицер. – Если мы говорим об одной и той же лохматой тварюке, то она должна была тебя пополам перекусить и не запариться, а ты живой и даже вроде целый. – Он демонстративно обвел меня рукой.

- Ну дык я же ее на копьё свое нанизал, не успела она меня

располовинить. Вон оно в снегу. – Я указал на брошенное оружие.

- Откуда оно у тебя? – Уточнил лейтенант.

- Сам сделал, еще позавчера.

- Зачем?

- Не знаю. – Я пожал плечами. – Чтобы было.

- Понятно. К нам зачем пришел?

- Я в отключке был после ранения, а когда к себе в общагу вернулся, то там никого не нашел, куча народа куда-то пропала. На нас какие-то дикари напали, можете не верить, но они как какие-то неандертальцы, все в шкурах, с головы до ног.

- Верим, сами от них уже несколько раз отбивались.

- Ну вот, как окреп, так решил к вам податься, рану обработать нужно, да и жрать у меня всего на пару дней осталось.

- Мы не благотворительный фонд! Пошли, проведу в санчасть, рану твою медик осмотрит, горячим разок покормим, а там решим, что с тобой делать. – Он развернулся и пошел обратно к воротам части.

Я подхватил свое копье и пошел следом. На мой порыв, солдатик, уже опустивший автомат, вдруг дернулся, но проводив меня взглядом, поставил его на предохранитель и закинул на плечо, продолжив бдительно нести службу.

Меня провели в помещение санчасти, потребовав оставить мой «дрын» у входа, там фельдшер спокойненько так и невозмутимо размотал мои самопальные повязки, обрабо-

тал раны, прокомментировав только, что удивительно хорошо заживает и обратно замотал бинтами, обмазав какой-то вонючей мазью. Про то, что в левом плече рана явно от ножа, он ничего не прокомментировал. Потом другой солдатик, науськанный офицером, проводил меня в столовую, где мне выдали классический обед: жиденький суп, макароны и котлету, а, ну и на третье компот из сухофруктов, куда же без него. Затем меня выставили со столовой, но с территории воинской части выгонять не стали, что уже было совсем не плохо. Я походил туда-сюда, осматривая суету, творящуюся вокруг: людей было порядком и большинство это гражданские всех возрастов и мастей.

- Так, гражданин, вы чего здесь стоите? – Обратился ко мне еще один военный, на его полевой форме не было ярко выраженных знаков различия.

- Со столовой выгнали, а куда дальше ничего не сказали. – Повинился я.

- Так какие вводные? – Уточнил он у меня.

- Э... Никаких. – А что ему говорить, если мне реально никто ничего не объяснил, и я сейчас просто был в растерянности, глядя на тот хаос, что творился в месте, где этого самого хаоса не должно было быть по определению.

- Значит, слушай мою команду! – Приободрился военный. – Сейчас шагом марш в пятый корпус, там собирают ополченцев, ты с виду парень крепкий, так что самое то!

- Я немного ранен, вообще-то. – Попробовал я возмутить-

ся.

- А это ничего. На ногах стоишь, руками двигать можешь, значит тебе там обязательно дело найдется. – Невозмутимо попенял мне солдат, возомнивший себя офицером. – Народу набилось много, халявщиков мы не станем содержать, так что каждый должен вносить свой вклад, ясно?

- Ясно, конечно.

- Вот и отлично, а то раненый он. – Фыркнул он. – Раненый – это боец, который уже не в состоянии самостоятельно нести службу! А ты вполне себе в состоянии, так что кру-угом и шагом марш!

- Есть! – Рывкнул я, почему-то захотелось выпендриться, развернулся почти правильно и зашагал прочь, где этот пятый корпус, хрен его знает, а спрашивать у военного перехотелось, думаю, что и сам в состоянии найти его.

В принципе, так и получилось. Тут этих корпусов не много то и было, а искомый выделялся в первую очередь массой профильного народа. Которого сейчас очень прочувственно зомбировал до боли известный тип, окруженный все теми же амбалами и секретаршей.

- Граждане! – Вещал со всей возможной экспрессией знакомец и несостоявшийся беглец, стоя на ящике метровой высоты. - Я, депутат законодательного собрания, господин Цветков Павел Александрович, от лица Российского народа, от лица жителей города Новороссийска, взываю к вашей совести и чувству долга. В это тяжелое время только от нас с

вами зависит, взойдет ли завтра над нашим любимым городом солнце, увидят ли его наши дети. Не оставайтесь равнодушными, вступайте в ополчение! Военные ведут тяжелейшие бои с неравным противником, их осталось мало в строю, а помощи ждать неоткуда. Граждане, мужчины, мы с вами последняя линия обороны цивилизованного человечества от того дремучего варварства, что наступает с замерзшего моря. Они не приемлют норм морали, не знают жалости и пощады, с ними не получится договориться и решить дело миром. Настало время жестких ответов, граждане! – Тут голос болтуна сорвался, еще бы, так орать на морозе! – Кхе-кхе... В общем, вступайте в ополчение.

- Во заливает, соловей, епт! – Хмыкнул стоящий рядом со мной дедок, затягиваясь сигаретой. – А сам, поди, никуда не пойдет, типичный комиссар – только языком молоть.

- Ну, так-то кто-то же должен и этим делом заниматься. – Выдал свое умозаключение мужик, стоящий рядом с дедом. – Меня вот заставь такую речь толкнуть, хрена с два так получится.

- А может оно и не нужно так же? Может важно, чтобы от сердца шло, а не за ради простой агитации? – Уточнил дед.

- Может и так, короче, не морочь мне голову, самому тошно, а тут ты еще с этими своими рассуждениями. – Мужик сплюнул и отвернулся.

- Так, кто тут новенькие и свеженькие? – Из толпы возник очередной офицерик. – Требуются добровольцы, камазы уже

разгрузили, поэтому нужна очередная команда для вылазки в город.

- Ага, добровольцы уже прям выстроились в очередь! – Опять этот пессимистичный мужик.

- Всем, кто отправится в вылазку, будет предоставлено усиленное питание и оснащение вещами и оружием! – Аргументированно напирал военный. – Прибывающие проходят сортировку и паек получают только раз бесплатно, остальные только по итогу их вклада, дармоедов мы держать не будем!

- Ладно, не кипишуй сынок, где там твои камазы, показывай. – Протолкался к офицеру дед.

- Идемте со мной. – Молодой парень в погонах обвел нас взглядом, полным надежды и махнул рукой, мол «за мной, за Родину, за Сталина!» Я потопал с остальными, даже пессимист присоединился к нам.

Распределились по трем грузовым тентованным машинам по пять –шесть человек, на мой «дрын» никто особого снятия не обращал, так только порекомендовали залезать последним, чтобы никому ничего не проткнул. А вообще у большинства никакого оружия не было: так несколько ножей, пару топориков. Свое все я спрятал внутри рюкзака, который кстати никто не заставлял меня ни снимать, ни тем более предоставлять к осмотру. Мой КАМАЗ ехал вторым, поэтому весь мой обзор ограничивался светом фар автомобиля, идущего следом. Ополченцы о чем-то пытались переговариваться, но из-за шума работающего двигателя, хруста

снега и скрипящего тента разобрать слова удавалось с трудом и не каждый раз, поэтому разговоры стихли.

Через какое-то время мы прибыли: КАМАЗ остановился, и добровольцы стали выгружаться, тут то я и понял, что мародерить мы приехали «Магнит». Ну а с другой стороны, где еще можно было бы набрать припасов для такого количества народа. Вот только Клондайк этот уже обносили не раз и не два: по прошествии такого количества времени навряд ли чтобы там еще что-то оставалось. Я ошибся, обчистили зал с прилавками, а вот склад, где стояли нераспечатанные паллеты, обмотанные пленкой, был под вооруженной охраной военных. Оттуда мы и принялись носить коробки с различным хавчиком, распределяемые ушлым прапорщиком, уже успевшим профильтровать их содержимое до нашего прибытия.

Перегрузка припасов не заняла много времени, тягая коробки, я с удивлением обнаружил, что забыл о боли в плече и переговариваясь с коллегами не заметил, как наш транспорт был забит практически под завязку. Обратная дорога прошла спокойно и даже уныло, что ли, я даже задремал. По приезду в часть нас отправили в столовую, а разгрузкой и сортировкой занялись солдатики, видимо командование не доверяло ополченцам, поэтому и не пускало их в святая святых – продсклад. На ужин нам выдали пюре с консервированной сайрой и чай. Быстро вкинув в себя хавчик, я потопал на выход, где мне один из офицеров торжественно вру-

чил аж три талончика.

- Вот, держи. – Сказал он, протягивая отпечатанные на принтере бумажки размером с банковскую карту, на каждой из которых было набито «Продуктовый талон. Дает право на один полноценный прием пищи.» и стояла синяя печать с гербом. – Это тебе на следующие сутки: завтрак, обед и ужин.

- А потом? – Не удержался я от напрашивающегося вопроса.

- А чтобы есть потом, нужно завтра поработать! – Наставительно поднял он палец.

- Как у вас тут все хитро устроено! – Восхитился я. – Как потопашь – так и полопашь! Молодцы, че!

- Давай проходи, народ не задерживай. – Вмешался солдатик, приставленный к офицеру. – В третьей казарме вам место выделили, покажешь дневальному свои талоны, он тебя пропустит и койку определит. Все, проходи, проходи.

Вот и пошел я искать себе ночлег. Казарма была помечена большой яркой цифрой, не промахнешься. Солдат у входа глянул на мои талоны и пропустил внутрь, там меня принял сержант и отвел в кубрик, где уже храпели такие же разношерстные квартиранты.

- Давай только без фокусов, - предупредил меня он.

- Какие еще фокусы? – Я уставился на этого юмориста в погонах.

- Обычные, называется таинственное исчезновение вещей

и предметов. – Объяснил он мне. – Не надо шариться по чужим вещам, ясно?

- А, ну да, ясно. – Согласился я с ним.

- Упал, уснул, поднялся и ушел – все! Никаких лишних телодвижений и все счастливы: ты отдохнул, остальные не нервничают, я спокойно сдал наряд. Договорились? – Разжевал мне служивый.

- Конечно договорились! – А что тут спорить, я и сам такого же мнения.

Прошел к указанной кровати, снял рюкзак, запихнув его под нее, снял верхнюю одежду и лег ею же и укрывшись. В самой казарме было не то, чтобы совсем холодно, но в трусах не походишь, а одеял на всех не хватало, в основном их распределили женщинам и детям. Улегшись поудобнее, я наконец выдохнул и стараясь не думать о том, как этот день у меня начинался, постарался уснуть побыстрее.

Следующие дни тянулись один однообразнее другого: подъем, завтрак, сбор, распределение и поездка к очередной точке, погрузка и доставка в часть, обед, снова катание и наконец ужин и отбой. В основном это были припасы, но иногда разведка находила гражданских, которых мы также транспортировали к воякам. Каптерщик разок уточнил у меня есть ли жалобы и предложения по поводу обмундирования, но самостоятельно осмотрев мою одежду сделал вывод, что нет. Я не стал спорить, потому что, глядя, как бедолаги солдатики кутаются в форму от Юдашкина, сразу отрекся от

мысли занять и себе такую. С другой стороны, я сам еще не определился, останусь здесь или нет, всего вещей моих то, что на мне и сменка в рюкзаке, набирать сверх это значит увеличить багаж, а тащить все это потом пешком по сугробам то еще удовольствие, поэтому нагребать ненужного барахла глупо. Разок даже организовали баню, но я не пошел. Учитывая, что со своими вещами я практически не расставался, никто в моем рюкзаке пошариться еще не успел, а значит и не в курсе сколько там ништяков, вот я и решил не соблазнять людей на нехорошие поступки. Я единственно, ходя в туалет, обтирался влажными салфетками, а то мне хватало ароматов в казарме, не стоило добавлять к ним еще и свой непередаваемый.

Как-то наша колонна пересеклась с мародерами. Без лишних телодвижений старший офицер сопровождения приказал открывать огонь на поражение, конкурентов никто не любит, тем более вояки. Солдатики посыпались из КАМАЗов и постреливая, используя складки местности, стали передвигаться в сторону противника, охватывая его разреженной цепью. Те сначала что-то кричали явно бодрое и воодушевляющее, потом кто-то завыл, видимо ранили, кто-то заорал, наверное, от страха и часть мародеров бросив и награбленное и своих раненых и более морально устойчивых товарищей, ломанула в отступление. Солдаты с офицером отправились следом, а наш сержант приказал идти к брошенному хабару и закидывать трофеи в кузов. Я вместе с остальными

подобрались к оставленным мародерами баулам и коробкам. Стрельба укатилась уже далеко от нас и сами выстрелы звучали все реже, но страх получить пулю никуда не делся, поэтому шли почти на присядках, вздрагивая и замирая от различного шума. Это был внутренний двор большого жилого комплекса, заставленный брошенными легковушками. У одной из стен стояла грузовая Газель, ребятки, видимо, прочесали квартиры и выгребли все мало-мальски пригодное, а мы как раз к погрузке и подоспели. Наша колонна зашла со стороны основного и единственного въезда, поэтому отступающим мародерам пришлось уходить через первый этаж, учитывая, что там были магазины, не думаю, что с этим могли возникнуть сложности. Я подошел к брошенной поклаже и за одной из коробок увидел лежащего мужика, тот натужно хрипел и прожигал во мне дырки своим ненавидящим взглядом. Потом он потянулся рукой и приподнял пистолет, стараясь направить на меня. Перспектива получить отверстие, не предусмотренное природой, меня не прельщала, поэтому я уже отработанным движением с подшагом ткнул острием своего самодельного копья, с которым не расставался, в район между шеей и подбородком. Раненый дернулся, рука его упала, и он сам затих. Выдернул копье, оттер наконечник об снег и поднял оброненный «ствол». Я не разбираюсь в пистолетах, отличить один от другого не смогу, но принцип их устройства представляю, нащупал защелку, отжал-придавил и оп! магазин извлек. Не густо, всего три патрона. Передер-

нул затвор и выпал еще один патрончик. Я его конечно же поднял, вставил в магазин, а тот уже обратно в пистолет. Нащупал предохранитель и перевел флажок. Тут ко мне подошел сержант, которому я без всяких эмоций спокойно передал найденное оружие.

- А ты копейщик, я смотрю, даже не дернулся. Это уже не первый твой убитый, так? – Посмотрел на меня очень внимательным взглядом военный, убирая пистолет в карман.

- От многих знаний – многие печали. – Процитировал я народную мудрость. – Ни к чему тебе эти самые знания.

- Ладно. – Он хмыкнул. – Но, что ствол сам отдал – молодец! Я майору так и скажу.

Я лишь пожал плечами и взяв мешок с какой-то хренью, поволок его к своему КАМАЗу. Что там внутри пусть разбираются специально назначенные люди, а мое дело маленькое: бери и тащи. Сержант перетряс оставшихся убитых мародеров, мы перетаскали хабар, а тут и остальные вернулись. Что характерно хмурые: двоих пацанят тащили на руках, раз сами идти не могут, значит неслабо им перепало.

- Вы закончили с погрузкой, сержант Иванов? Грузимся и возвращаемся в часть! – Сходу стал командовать старший офицер.

- Так точно, товарищ майор! – Вытянулся военный. – Есть! По машинам!

Вернулись раньше положенного, но свои талоны на следующий день я получил. А солдатиков раненых подлатали.

Оказывается, они предложили главному мародеру сдаваться, тот вроде бы согласился, бросил автомат, в котором, к слову, патроны закончились, а потом в последний момент выхватил пистолет из-за пояса и выстрелил в обоих. Наш майор не стал церемониться и расстрелял несостоявшегося Махно без суда и следствия.

* * *

Еще несколько дней спустя нам опять попались мародеры. На этот раз мы были далеко от нашей воинской части, практически с противоположной стороны бухты. Все это время к нам стекались сами или мы специально выезжали и собирали выживших людей. Полицейские, пожарники и даже иногда охранники практически сходу и добровольно присоединялись к основному составу, получали форму и оружие. Пообщавшись с ополченцами, я понял, что подобному контингенту было западло становится носильщиками или рабочими, поэтому сразу заявляли о своем статусе, своих способностях, а подкрепляли все это «важной» информацией: где, что и сколько еще можно найти, и пополнить бездонные армейские склады. Вот от одного такого новообращенного штаб получил архиважную инфу, подробностей нам конечно никто не говорил, но стартанули мы быстро. Настолько быстро, что к нашему КАМАЗу добавили только один УАЗик сопровождения, к нам шестерым носильщикам пятеро солдат и лейтенант, вот и весь состав группы. К чему была такая спешка, хрен его знает, но ведь поговорку «поспесишь – ма-

родеров насмешишь» не на пустом месте придумали.

Опять это был какой-то изолированный двор, такой же, как и у нас тентованный КАМАЗ, только тягали они ящики из подвала, а потому бежать им было некуда – в том же подвале и засели. Наши «сапоги» конечно грамотно их обложили, носа не высунуть, вот только те и не спешат нос свой высовывать, так постреливают нехотя, как, впрочем, и наши. Патовая ситуация. Мы из КАМАЗа выбрались, отошли в сторонку и сели по над стеночкой, с таким расчетом, чтобы даже пуля, которая дура, даже рикошетом к нам наведаться не могла.

- Ну, теперь эта канитель надолго затянется. – Завозмущался кряхтя дед, доставая и прикуривая сигарету. Его кстати звали Сидорович, пришлось мне таки перезнакомиться с ними, работаем же вместе, как-никак.

- Почему так решил? – Спросил его давешний пессимист, он же Паша.

- Ну так сам посуди, - дед затянулся и не спеша выдохнул. – Наши внутрь не полезут? Не полезут. Гранаты тоже кидать не станут, иначе нахрена ехали, если все там осколками перебьют? Во-о-от! А те тоже не дураки, зачем им лезть под пули? Парочку оставят бдить, а остальные будут сидеть себе в тепле, да консервы трескать.

- Так-то да, только нам то что с этого? – Не унимался Паша. – Талончики за дело раздают, нахалюву только депутат у нас питается с секретаршей своей.

- Дадут тебе твои талоны, не ссы. Мы же не виноваты, что тут такое дело, что засада здесь оказалась? Нет, не виноваты, а значит выдадут нам и талоны и хавчик по ним.

- Как у тебя дед, все ровно да гладко получается. – Вмешался в разговор еще один из грузчиков-носильщиков, Геннадий. – Планировалось загрузиться, прибыть на базу и на обед идти, а теперь мы тут застряли неизвестно на сколько и будет ли у нас тот самый обед непонятно.

- А ты копейщик, чего молчишь? – Пессимист Паша посмотрел на меня.

- А что тут можно добавить? – Вопросом на вопрос ответил ему я. – Мы ополченцы народ подневольный, сказали ехать – едем, сказали грузить – грузим. Сейчас наш лейтенант молчит, вот и мы молча посидим, а как придумает что, я думаю, что тогда он нас обязательно оповестит.

- Ну так-то да, согласен. – Паша прислонился к стене и насупился. Да и мне как-то некомфортно было, ситуация складывалась скверная: сколько там мародеров неизвестно, есть ли у них подкрепление, которое может подойти со стороны улицы тоже неизвестно, а наших солдатиков мало. Из оружия только холодняк, да и то, в основном короткое пырково-дробительное, не считая моего копья.

- Так мужики, я, пожалуй, прогуляюсь и осмотрюсь, а то как-то муторно мне на душе сидеть тут, очково мне, что ли. – Я поднялся и обвел товарищей взглядом, а то мало ли у кого совет там какой появится, ну или замечание. Нет, все мол-

чали, ну и ладно. Только дед, затаившись, показал большой палец.

Так же на полусогнутых и по над стеночкой я прошлепал ко въезду во двор. Лейтенант с солдатиками держали осаду подземелья, он периодически пытался выдавать фразы и лозунги от которых у мародеров должно было проклюнуться где-то глубоко внутри маленькое семечко совести, если те его еще в начальной школе на пирожок не поменяли, конечно же. В ответ запертые в подвале бандиты отвечали матерными и свинцовыми аргументами, основной посыл был «это наша поляна» вы здесь мимо проходили, вот и идите. Короче не договорятся они, просто тянут время и все.

За прошедшие дни снегопад прекратился, выпавший снег слежался и наст был довольно плотный, если идти спокойно и переносить вес с одной ноги на другую равномерно, то вероятность провалиться была крайне низкая. Что там под этим почти метровым слоем снега оставалось только догадываться, потому что ветер тоже внес свой вклад в формирование пейзажа. Я выглянул на улицу и сразу обратил внимание на следы колес: мы и мародеры приехали с разных сторон, значит они обосновались в той стороне, что противоположна нашей воинской части. На нашей стороне центр силы и притяжения – вояки, а что же стало центром там? Раз у них есть оружие, то вывод напрашивается один, точнее два: ОПГ или менты. Раз наше командование подорвалось обчистить эту точку после вливания в наши дружные ряды новичков,

доставленных буквально перед обедом, значит один из них был либо засланным, либо обиженным. В первом случае это явно засада, тогда почему уже полчаса как продолжается перестрелка и никто к нам не пожаловал. Во втором случае немного проще: обиженный слил подельников, но все равно должны быть последствия. Так рассуждая и осмысливая сложившуюся ситуацию, я перешел на ту сторону дороги, оглядываясь и прислушиваясь. С этой стороны улиц первый этаж многоэтажки выпирал вперед, а припаркованный на углу дома внедорожник, занесенный по самую крышу снегом, служил мне своеобразной лестницей. Осторожно ступая по хрустящему насту, я сначала влез на крышу автомобиля, а потом с него на крышу магазинов. Меня привлекло одно не заборанное решеткой окно на втором этаже, оно уже было нараспашку, но судя по количеству снега внутри и отсутствию следов снаружи, отворили его уже достаточно давно.

Покряхтев, я пролез через подоконник и оказался в квартире. Это была кухня, пол был заметен снегом и внутри был конечно же бардак. Выставив впереди себя копье, я пошел обследовать помещения. Про себя отметил, что изредка доносившиеся выстрелы со двора противоположного дома представляли собой несерьезные хлопки, сказывалось расстояние и экранирование домов и снежных наносов. Зачем меня понесло в эту квартиру? На этот вопрос у меня самого нет ответа, просто сидеть и ждать с моря погоды было выше моих сил. Сглотнув от напряжения, я выглянул за угол и

естественно, никого там не обнаружил. Глупо было бы ожидать, что кто-то стал бы здесь оставаться, не закрывая окно. Обход всех трех комнат не занял много времени, мне уже все стало предельно ясно: люди, живущие здесь, несколько дней ожидали помощи или прояснения ситуации, но после отключения коммунальных услуг, когда не стало ни воды, ни света, ни тепла, собрались уходить, но раз к тому времени дверь в подъезд изрядно замело, им ничего другого не осталось, как сваливать через окно. Элементарно, Ватсон. Вы просто гений сыска. Вам пять баллов и ваше очко уходит в зрительный зал.

Поживиться тут было особо нечем, разве что я нашел в бельевом шкафу себе сменные носки и трусы, последние очень внимательно осмотрел, я конечно за последние дни всякого разного насмотрелся, да и мылся нормально уже давно, но вот элементарную брезгливость никто не отменял. Мне своего говна хватает, чужого не надо. Сразу же убрал обновки в свой рюкзак. Потом отправился в коридор, решил осмотреть соседние квартиры. На втором этаже все двери были закрыты, на третьем тоже, а вот на четвертом одна оказалась не заперта. Когда я в нее проник, понял причину: на засраной кухне стоял диванный уголок у стола, заваленного бутылками из-под водки, полупустыми банками с разными соленьями, консервами, корками хлеба и прочими уже не съестными припасами, а на самом диванчике прикорнул уже поси-невший труп. Духан конечно стоял первостатейный, поэто-

му я машинально протянул руку к оконной раме и распахнул форточку. В которую тут же ворвались выстрелы и крики. Выглянув в проем форточки, так как само окно было покрыто инеем, я увидел два джипа у въезда во двор и с десятков бойцов, постреливая, бегущих внутрь двора. Мля, затарился трусами и профукал подмогу подвальной стражи. Бросился со всех ног вниз, а уже перелезая в окно на крышу магазинов и четче услышав звуки стрельбы, сам себя тормознул. Это я что, Рэмбо недоделанный, решил в одного против десятка стволов переть с одной заточенной арматуриной? Ну хорошо, великолепным копьем ручной работы, но что это меняет? С другой стороны, сейчас у меня есть эффект неожиданности, я могу ударить в спину первого, завладеть его оружием и перестрелять остальных, не ожидающих, что их засаде устроили контрзасаду. Гениально, вперед!

Пока перебегал через дорогу, подумал про мужиков, что остались под стеночкой, заметили их или нет, постреляли или просто в плен взяли. Судя по тому, что выстрелы не прекращались, наших солдатиков сходу перестрелять не смогли, молодец лейтеха, грамотно пацанов распределил. Так, вот и внедорожники, водителей не оставили, уже хорошо, а то бы заперся такой урод внутри и как потом его выковыривать? А ведь он, сволочь такая еще и сигналить своим будет, а вдруг даже вооружен будет, так что все идет по плану. Первый стоял за углом и сжимая в руке пистолет пару раз пытался выглянуть, но каждый раз отскакивал – очкует мужик, пони-

маю, сам такой. Вот он в третий раз попробовал повернуться и высунуть несколько миллиметров своего глаза за пределы стены, во дворе бахнуло несколько выстрелов и ссыкун снова отпрянул от угла, практически распластавшись спиной по стене. Я был уже рядом, когда он снова заполнил шкалу героизма, сжал булки и выдохнув открыл глаза. Тут он меня и заметил. Немая сцена: тип, прижавшийся к стене, как будто на краю пропасти стоит, а там ветер – свистит мама не горюй, и я, у которого время действия эликсира невидимости закончилось и проявился прям перед носом стража. «Ой», сказал я тихо и с такой силой ткнул этого героя в мое любимое место, что буквально поднял его по стене на всю длину древка копья. Хорошо, что пистолет у него был на предохранителе и он не смог в меня выстрелить, потому что вцепился в него с невероятной силой, а второй рукой ухватился за древко и хотел вытащить наконечник из своего горла. Плохая была идея поднимать его над собой: из разрезанного горла ударили струи крови, орошая снег вокруг, его дерганья и судороги поспособствовали тому, что лезвие наконечника перепилило мягкие ткани гортани и труп рухнул на меня сверху, как раз, когда я зажмурился от попавшей в глаза крови. Ладно, будет мне уроком на будущее. Скинув с себя тело бандита, я вытащил припасенный предусмотрительно платочек и протер им свои зенки, сам выглянул за угол и убедился, что в мою сторону никто не бежит. Быстренько привел себя в порядок, подобрал пистолет, выдернув его из немеющих пальцев, на-

шел в карманах несколько снаряженных магазинов. Держа в левой пистолет, а в правой копьё, взвесил все за и против. Я не амбидекстер, но если я с правой из пистолета не стрелял, то не вижу особой разницы взять его в левую, в отличие от копья, которое я не собирался бросать, а управлять им мне привычной правой. Выдохнул и резко шагнул за угол, невольно сам себе ухмыльнулся: только что глумился над человеком, боявшимся идти вперед, а самого себя пришлось уговаривать, вот жеж натура человеческая.

Вид открылся мне конечно неприятный: мужики лежали по над стеной, без движения, под одним явно растекалась лужа крови, на дорожке остывали двое нападавших, видимо они стали шмалять по грузчикам, и солдатики воспользовались их глупостью. Еще один из подкрепления лежал, скрючившись за сугробом и стонал, зажмурился и сжав зубы. Я конечно же не мог пройти мимо страждущего и из всего своего человеколюбия ему помог. Выдергивая копьё из трупа осознал, что мне с каждым разом это дается все проще, и обращение с оружием и убийство себе подобных. Итого четверо, осталось шесть. У жмуrow на дорожке были классические ружья, а раненый был пустой, поэтому я пока без трофеев. Идем дальше. Обойдя еще несколько сугробов, в которые превратились оставленные когда-то легковушки во дворе, я вышел к позиции еще двоих клоунов, решивших, что теперь весь город будет у них под каблуком, ну может не лично у них, но в любом случае, они станут типа наверху

пищевой цепочки. У одного был укороченный ментовской калаш, из которого он периодически выпускал патрон-другой, а второй терпеливо ждал, прильнув к прицелу вертикалки. Очень спорное решение, ведь от них до спрятавшихся военных было метров пятьдесят, если не больше. Не знаю, какой там разброс у плевалки или ружья, но для меня эта дистанция казалась огромной. Немного поразмыслил, помялся, вспоминая считалочку, чтобы определить, кого валить первым: один опасен очередью, второй, смотря какая начинка у патронов, кучностью или пробивной способностью. Мои меньшевания подошли к концу, когда у калаша тупо закончились патроны и он откинулся на бок, меняя магазин. Я не стал тупить и шагнув к стрелку с вертикалкой ткнул его в основание шеи. Хрен его знает, на что я рассчитывал, но я не прогадал: копьё уверенно погрузилось в плоть, заставив мародера забиться в конвульсиях напрочь забыв о том куда он там целился. Выдергивая свое оружие из раны противника, я перевел свой взгляд на второго, который остолбенел в буквальном смысле и не двигался, а ведь я не Гарри Поттер, заклинаний не знаю. Стоило мне выдернуть копьё, как ошарашенный мужик стал судорожно искать каким концом вставлять рожок, я же не стал ждать пока он справится, ткнул его в горло. По крайней мере я попытался, но он все испортил, сволочь, прижал подбородок к груди. Как итог, я рассек ему кожу на бороде, даже пробил воротник бушлата, но не убил с одного удара, видимо прошел повышенный резист,

кто его знает. Короче говоря, мне пришлось его просто за-
тыкать своим копьём. Бил я уже просто куда придется и бил
до тех пор, пока он не затих. Убедившись, что я справился,
попенял себе немного за то, что уверовал в свою суперспо-
собность, затем только осмотрелся и успокоился, что все еще
сохраняется режим неожиданности для оставшихся четырех
мародеров. После этого присел рядом с трупами и оцениваю-
ще посмотрел на калаш и вертикалку. Риторический вопрос:
а оно мне надо? Скольких там я уже завалил своим копьём, а
ну да, все решила маскировка и скрытность, ведь были же и
другие, убитые мачете и топором. Блин, Катя... Воспомина-
ние это? блин совсем не к месту... Растер снегом лицо при-
водя мысли в порядок. Все, нахрен стволы, теперь бы добить
оставшихся и все, мы в дамках.

Прислушался и осмотрелся в поисках оставшихся против-
ников. Один оказался слева и трое справа. Да, дилемма. Куда
не пойдешь – везде вилы. Монетку подкидывать не стал, пошел
в правую сторону. Тут сугробы замели что-то напоминаю-
щее детскую площадку, мест спрятаться было много, оттого
мне пришлось особенно тщательно подкрадываться. Дополни-
тельной мотивацией были мои сраные союзники, которые
могли просто выпустить очередь в силуэт и все, мой же кон-
тур не подсвечен для них, что я свой, а урон проходит на
100%. Приблизительно нарисовав картину боя, кто и где за-
сел, я пробирался к крайнему справа, оставлять всех врагов
по одну сторону – идеальный вариант. Стоило мне к нему по-

добраться, как в нашу уже почти семейную обстановку вмешались склочные соседи: раздались гортанные выкрики, рычание, очередь из автомата, визг и скулеж, ну все, приплыли. Я замер, сжав копые и стараясь не шевелить даже шеей, лишь глазами косясь по сторонам и выискивая признаки надвигающейся опасности. Даже сглотнув слюну я услышал эхо, как она провалилась в пустой желудок.

А потом все завертелось с неимоверной скоростью: опять эти лохматые дикари в шкурах и с дубинками налетели на всех участников сабантуя, досталось всем и вашим, и нашим. Стрелки в кого-то даже попали, но было непонятно, почувствовал этот кто-то нанесенный ему урон или нет. Я понял, что задержался в этот раз в гостях, да, можете назвать меня трусом, ссыклом, ну и далее по списку, в любом случае, в этой ситуации, я принял решение сваливать. Метнувшись к стене дома справа, я, прикрываясь сугробами, проскользнул к выходу со двора. хватило пары быстрых взглядов, чтобы оценить обстановку: Дикарей было пару десятков, животных вокруг них почти столько же, а это значит, что у нас, ладно, у меня никаких шансов. В самом деле, если даже пули их не берут... ведь не берут же?! Убедившись, что в мою сторону никто не смотрит, а вход никто не перекрыл, я со всех сил побежал напрямик через дорогу к разведанной ранее квартире с открытым окном на втором этаже. План был прост, как швейцарские часы: оборона в узком пространстве – идеальный вариант, еще бы пулемет мне, вообще был бы

ништяк.

О том, что мое позорное бегство тактическое отступление заметили, меня оповестило улюлюканье и рык с собачьим лаем. Даже оборачиваться не стал, просто припустил бежать еще сильнее. Мне оставалось каких-то пару метров, когда я получил удар в спину, снесший меня с ног. Я не спортсмен, но подспудно ожидая чего-то подобного, сжался и получив толчок, перекувыркнулся через себя, вставая и разворачиваясь я нанес удар копьём наотмашь, как алебардой и попал, что характерно. Самый резвый кошак-переросток получил по своей наглой морде и не смог выдержать подобного унижения. Не знаю, что я ему там повредил, но он, отпрянув, промяукал, что-то обидное, типа «мы с тобой еще встретимся» или «ходи теперь и оглядывайся» убежал в сторону. Следующим меня настигал пес, но дистанция была достаточная, чтобы я успел заскочить на внедорожник и крышу, побежав к окну. Я уже практически был внутри, когда челюсти сомкнулись на моем боку. Рывок назад сбил меня с ног, но спасло в очередной раз копьё, которое я успел просунуть в окно вместе с правой рукой и ногой, а теперь поставив его поперек, создал себе упор. Ухватившись обоими руками за древко, я смог втянуть себя внутрь, тварь порвала мне куртку и одну из лямок рюкзака, поэтому, когда я влез внутрь кухни, я скинул целую лямку и развернулся к собаке-мутанту лицом, поднимая копьё перед собой. Ха, ситуация повторилась, решил было я, нанизав преследовавшего меня монстра, про-

скочившего оконную раму в едином прыжке, но тварь снесла меня вместе с копьём и отбросила практически до входной двери. Меня опять спасло мое копьё, вставшее в этот раз поперек дверного проема и псина, кинувшаяся следом, за малым чуть не располосила сама себя. Думаете это ее остановило – нет! Два рывка и два отскока, а на третий мой волшебный инструмент частично выскользнул из тела монстра, который проскочив дверной проем сбил меня с ног и попытался прокусить мне шею. Поскольку псина стояла на моей левой руке, а правой я пытался вытащить нож из-за спины, мне ничего другого не оставалось, как подставить под укус левое плечо, в которое монстр и вцепился. Боль была адской, слезы брызнули из глаз практически мгновенно, я наверно даже заорал, не помню. В какой-то момент я осознал, что треплющая меня тварь, приподняла меня над полом, что помогло мне вытащить-таки нож из чехла и с невероятным усилием вогнать его в район уха злобной псины. Что мне помогло, не знаю, но хватило одного сильного удара и монстр покачнувшись, потом выпустил мое многострадальное плечо, ну или то, что от него осталось, хрипло порычал мне в лицо, забрызгивая его слюной и кровью, наконец дернулся и упал, конечно же придавив меня своей многотонной тушей. Я еле смог сделать глубокий вдох, потом выдох и закрыв глаза отключился. Где-то на уровне бреда я расслышал стрельбу и вроде как даже взрыв, но это не точно.

Глава 6.

Опять пришел в себя, как в прорубь нырнул: резко и, что самое главное, очень отчетливо. Сразу осознал, где я и что со мной. Блин, да, наверное, даже пульс не ускорился. Холодный рассудок и все такое, епт. А потом пришел облом: сил, чтобы в одном порыве скинуть тварь и освободиться у меня попросту не хватало. Да и места для маневров было недостаточно, оказывается мы лежали в дверном проеме, поэтому дверной короб не позволял ни скинуть песеля в сторону, ни выползти из-под него. В квартире стояла тишина, с улицы тоже не доносились никакие зловещие звуки, так я и лежал. Задремал, потом подхватился, понапрягался, поелозил, выдохся и опять отдыхать. В очередной раз, когда мое сознание прояснилось, я понял, что на улице уже ночь, сколько прошло времени, хрен знает, но разбудили меня новые ужасные звуки, доносившиеся снизу. Прямо мурашки пошли по телу, а потом меня осенило – это рычал мой голодный желудок. Я почти в голос заржал, а потом приуныл. До рюкзака не дотянуться, в карманах тоже искать нечего, что же мне делать? Я еще немного помучался, пытаюсь освободиться, а потом стал со психу долбить накрывшую меня тушу. В какой-то момент моя рука попала во что-то влажное и склизкое. Пошарив пальцами, я изучил заинтересовавшее меня место. Оказывается, мое копьё нехило так пробило грудь песика, а сам

он оперевшись в дверной косяк расхреначил себе грудную клетку лучше, чем хирурги делают при операциях. Короче говоря, брешь была такая, что рука пролезет спокойно. Чем я и воспользовался, принявшись шарить по мокрым и уже остывшим внутренностям. Что я там искал, я сам не знаю, но пальцы уверенно обследовали содержимое, протискиваясь между плотных тканей и разрывая разные пленки. Наконец я нащупал его. Сердце песика переростка было размером со свиное, еле смог обхватить, но ухватив его, я уже не выпускал из цепких пальцев, пока не смог вытащить свой трофей наружу, разрывая плеву и сосуды. С влажным шлепком оторвались последние вены или там артерии, уже не важно. Важно то, что, подняв сердце над своим ртом, я выдавил его содержимое и принялся заглатывать солоноватые сгустки уже свернувшейся крови. Мой желудок ликовал, я радовался добытой пище и уже даже не важно, что это такое было. Когда кровь, скопившаяся внутри закончилась, я облизал сердце со всех сторон, но был все еще голоден, поэтому вздохнув по сильнее, впился зубами в свежее мясо. Приходилось елозить зубами туда-сюда, чтобы перепилить мышцы, откусывать старался по маленькому кусочку, жевал очень долго, хотя организм требовал заглатывать практически целиком. Сколько продолжался прием пищи даже не берусь судить, но дожевав последний кусочек, я облизал руку и блаженно закрыл глаза. Сон пришел мгновенно. Мне снилась Катя и наше с ней времяпрепровождение. Я был сыт, я любил и был

любим – это ли не счастье?!

Когда я открыл глаза, в комнате было уже светло. Я понял, что идеально выспался.

- С добрым утром, мой лохматый мертвый не друг! – Проговорил я, затем немного потянулся разминая затекшие мышцы, а потом сжав зубы, принялся перекидывать через себя лежащую на мне тушу. Я подхватывал песика за шерсть, приподнимал и тащил себе за голову, потом отпускал. Протолкнуть удавалось сантиметров по пять-десять, но процесс шел и это не могло не радовать. Когда я уже решил, что устал и мне требуется отдых, я вдруг обратил внимание, что протаскиваемая надо мной туша поравнялась своей паховой областью с моим лицом. Я резко передумал отдыхать и откуда только силы взялись, протащил лохматого уродя сразу сантиметров на тридцать, ну а уж вывернуться из-под задних лап и хвоста вообще не составило особого труда.

- Да! Я сделал это! Я снова свободен! – Проорал я шепотом. Хотя я и был безумно счастлив, мне удалось выбраться, но и здравый смысл никуда не девался. Первым делом выглянул в окно: джипов не было, а вот несколько мертвецов остались лежать. Было несколько дикарей, легко отличимых по своим накидкам из шкур, штук пять лохматых комков шерсти, да и мой давешний ссыкун остался лежать на углу дома. На этом свою разведку я пока прекратил. Нашел рюкзак и достал бутылку с водой, облом вышел, вода замерзла. Пришлось вылезти из окна на улицу и зачерпнуть снега най-

денной на кухне кружкой. Растопил во рту и немного напил-ся. Так, теперь дилемма, что делать дальше. Мысли были са-мые разные: от примитивного поесть, попить и привести се-бя в порядок, до спуститься и исследовать внутренний двор дома, там могут быть трофеи, припасы, раненые товарищи, живые мародеры, ну и так далее. Нашел в рюкзаке пачку пе-чений и, закинув в рот одну, принялся себя осматривать. В первую очередь меня интересовало состояние левого плеча, рука двигалась без каких бы то ни было неудобств и диском-форта, а значит с ее функционалом все в порядке. Но я же помню, как мне в плечо вцепился песель, как дербанил, да и куртка распотрошена и в крови. Разделся и обследовал свое тело: шрамы есть, как на правой руке, так и на левой, такие старые некрасивые шрамы. Выглядят так, как будто возраст у них от силы года три-четыре. Прикольно получается, у ме-ня теперь усиленная регенерация. Само собой, результат по-едания сердца или крови мутанта, тут не нужно докторской степени, чтобы определить очевидную причинно-следствен-ную связь. Единственный вопрос: теперь эта способность у меня на постоянном уровне или каждый раз получив ране-ние, нужно искать песика и потрошить бедолагу, чтобы вос-становиться? Хотелось разобраться в вопросе, но не хоте-лось себя калечить. С другой стороны, мне никто не мешает, подопытный вот лежит и с учетом погоды за окном, вполне себе способен подождать немного, пока я решусь и пущу се-бе кровь. Но это потом, сейчас вниз!

Быстро привел себя в порядок, хорошо, что влажные салфетки пропитаны спиртосодержащим составом и не превратились в наждачную бумагу. Оттерев кровь и грязь с лица, тела и рук, одел чистое белье, похвалив себя, как вовремя разжился новыми комплектами. Потом нашел в комодке нитки с иголками и восстановил целостность своего рюкзака и его лямки. Вместо своего разодранного тулупа нашел в шкафу хозяйское пальтишко, возможно, что не по сезону, но в теплой рубашке и свитере под ним, мне было достаточно комфортно. Теперь я был готов спускаться, взяв в руку неизменное копье и повесив за спину мачете.

Осмотр места битвы начал с первого трупа дикаря: тип выглядел классическим неандертальцем, по крайней мере таким, каким их рисуют в научных книгах, лохматыми и внешностью гориллы. Примитивные одежды и обувачка из шкур разных животных, деревянная дубинка и костяной нож. Как подобное существо могло пробить портал в наш мир и навести здесь столько шороху? Если только это не инструмент, просто послушные и исполнительные работники, а во главе стоит фигура гораздо умнее, талантливее и с конкретной целью. На его теле было несколько шрамов, характерных для пулевого ранения, старых шрамов, прям, как у меня. Умер наш дикарь от черепно-мозговой травмы: снесло ему половину черепа и скорее всего выстрелом из крупного калибра. А еще на шее у него, на кожаном шнурке, висел интересный камушек, грани которого красиво перелива-

лись, отражая свет. Эта поделка не соответствовала уровню развития неандертальца, по крайней мере очень сильно контрастировала на фоне шмоток и оружия, а значит была подарком того самого теневого кукловода. Я хоть и не сорока, подбирать яркие безделушки, но тут не смог устоять и забрал цацку себе, на всякий случай, не повесив ее также на шею, а спрятав в кармане. А вот животинки вокруг были спокойненько себе убиты огнестрелом. Выходит, их кровь способна регенерировать тело, пока оно еще дышит, но не более, с того света не вытянет. Ладно, и то хлеб. Еще у двух питекантропов нашел амулеты из того же кристалла, больше ничего, что заслуживало бы внимания. Во дворе трупов было в разы больше: как людей, так и не людей. Обнадеживало, что у стеночки, где лежали дед с мужиками, уже никого не было, только несколько кровавых лужиц, а это значит, что приехавшие вояки забрали всех и остается немаленький шанс, что кто-то еще выжил. К распотрошенному подвалу я подходил очень осторожно, сжимая в левой руке пистолет, а в правой копье. Все мои предосторожности были излишни: все, что я нашел – это мертвецов мародеров и хлам, оставшийся от увезенного добра. Я парень не гордый, мне хватит и одной-двух баночек консервов или там вскрытого пакетика с макаронками, короче, хоть че-нить съедобное. Осмотревшись по сторонам, я все-таки полез вниз. Пошарившись по пустым полкам, я стал счастливым обладателем горки крупы, рассыпанной и брезгливо не собранной, нескольких мя-

тых и простреленных жестяных банок, хоть жижа и вытекла, но гуща осталась, буханочки хлеба, зафутболенной под стеллаж, несколько ящиков уже перемерзших овощей и пары початых бутылок минералки. Валяющиеся тут же тела бандитов я также проверил, но ничего, что представляло бы ценность в этом изменившемся мире, не нашел. Все найденное добро завернул в куртку убитого в голову мародера, кровь лишь слегка испачкала воротник. Уже выбираясь наверх нос к носу столкнулся с человеком в черном балахоне, тот что-то пробурчал от неожиданности и я, как-то на автомате, долбанул его пяткой копыя по голове. Тип в балахоне отлетел к лестнице и затих. Бросив баул проверил его состояние, скинул с головы капюшон: череп, заросший длинным свалаявшимся сальным волосом, оказался цел. Проверил что там у него под рясой, так, мелкий ножичек и котомка со всякой мелочевкой: огарок свечи, камешки с насечками, мешочек с солью, еще какая-то слабо поддающаяся опознанию хрень. А вот на шее висел уже знакомый мне кулончик, отправил его к братьям. Не стал особо мудрствовать, перевернул монашка или кто он там такой, связал ему за спиной руки ремнем мертвого мародера и взвалив неожиданно легкое тело к себе на плечо, подобрал баул с копьем, отправился на уже облюбованный мной второй этаж в практически теперь уже мою квартиру.

Разобрать газовую конфорку и смастырить из нее примитивный очаг труда особого не составило. Уже через час на

огне, разведенном из разломанной мебели, стояла кастрюля в которой варилось собачье мясо с найденной крупой, овощами и зеленью, нашел еще и хозяйские приправы, добавил по вкусу вместе с солью. На сковороде томились на медленном огне особо жирные кусочки, приправленные соевым соусом, томатиком, медом, куркумой и итальянскими травами, попробовав, добавил еще и найденными здесь же на кухне кунжутными семенами. Ух, красота. Не терпелось уже пожрать по-человечески, слюной прям изглотался весь. Устроить пожар я не опасался, а дым и пар втягивался в вытяжку. Когда я уже налил себе в тарелку наваристый бульон и крошил в него черствый хлеб, найденный в подвале, заворачался монашек, скинутый мною в угол комнаты. Я специально сел так, чтобы видеть его, поэтому не стал отвлекаться от предстоящего приема пищи. Докрошив хлеб распределил его ложкой по тарелке и наконец зачерпнул горячее вкусное варево. Подул немного и с осторожностью закинул в рот. М-м-м! Блаженство. Тип в рясе смог наконец сесть, опершись о стену спиной и посмотрел на меня. Я неторопливо зачерпывал бульон, дул и отправлял в рот, аппетитно чавкая и причмокивая. Продолжая есть, я одним глазом следил за действиями своего пленника. Тот так и сидел, молча прожигая во мне дыры своим взглядом из-под шапки волос, закрывших лицо. Наконец с первым было покончено, пленник молчал, тянуть дальше не было смысла и я положил себе кусочки томленого в соусе мяса. Вот когда я стал есть одурающе

ароматное мясо, он не выдержал и поерзав заговорил.

- Мне тоже дай пожрать, второй день не ел.

- Ты кто такой? – Спросил я, прожевав и проглотив, но не спеша ему угодать.

- Посвященный. – Он это так произнес, как будто мне все это должно было все объяснить.

- Подробности будут?

- Меня посвятили Чернобогу. Теперь я служу ему.

- И? Не вынуждай меня вытягивать из тебя подробности.

- Жрец Остромысл однажды нашел древний артефакт и смог провести ритуал, благодаря которому оказался в ином мире, хотел то он богатства и славы, а вышло все, как всегда. Служил он одному богу, но на воззвания о помощи ему откликнулся только Чернобог. С тех пор он живет в том мире, но раз в двадцать лет строит портал и пополняет ряды рабов и служителей своего... кх-м, кх-м, нашего бога. Подчиняется ему племя дикарей, тупые, но верные. С их помощью Остромысл и производит жатву.

- И много надо ему народа? А то столько времени уже прошло, а портал все еще активен? – Уточнил я продолжая жевать мясо.

- Чернобог изначально не требовал человеческих жертвоприношений, но Остромысл подсадил его на них, как на наркотик и поэтому с каждым разом жертв требуется все больше и больше. Славян больше нет, никто не верит ни в Навь ни в Правь, старые боги потеряли свои силы, а тут такая воз-

возможность вновь обрести могущество, короче, они договорились. Великий жрец поставляет богу кровь и служителей, а тот дарует ему силу, молодость и власть. — Пленный служитель культа замолчал и уставился на кастрюлю с супом.

- Че это ты со мной разоткровенничался? — Я поднялся и дал ему кусочек мяса, тот не заставил себя упрашивать, быстро прожевал и проглотил.

- Я жить хочу, как и где уже не важно, главное жить, понимаешь? Когда меня к алтарю притащили и распяли, чтобы кровь пустить, думал все, отбегался, а потом слышу, что жрец вроде как бы по-русски что-то там про бога и про жертву говорит, Чернобогом его назвал, ну и завопил я тогда: «Чернобог, служить тебе буду!». Жрец тогда свой свинокол опустил, поморщился, а потом приказал своим меня отпустить. Так я с тех пор и служу ему.

- Вот как оказывается. — Я был несколько шокирован такими подробностями, но чувствовал, что человек говорит правду, а потому решил его отпустить и развязал веревку.

- Пожрать дашь? — Тот не успел руки размять, а уже вытаращил на меня свои буркала.

- Дяденька, пусти переночевать... Ешь. — Снисходительно разрешил ему и протянул тарелку с ложкой. Он тут же нацерпал гущи себе в тарелку и принялся забрасывать варево в рот, обжигаясь, обливаясь, охая и ахая, но поглощая пищу.

- Да не спеши ты так, еще подавишься, я же разрешил, забирать уже не буду.

- Мне вернуться нужно будет иначе кара меня постигнет.
– Стал объяснять мне посвященный, продолжая жевать, но уже не так жадно. – Жрец отпускает нас на разведку или проверить куда пропали его загонщики. Они же верные, но тупые, поэтому постоянно во что-то влипают. Вот и эти пропали, а я пошел их искать. А они тут мертвые уже. Теперь вернуться нужно и доложить. Остромысл опять будет недоволен. Наказать меня может. Чем раньше вернусь, тем меньше накажет.

- Как давно ты с ним?

- Это третий мой портал, как посвященного.

- В смысле третий, ты что уже шестьдесят лет там прожил?

- Восемьдесят, ты забыл про первый раз, когда я стал служить Чернобогу.

- А выглядишь лет на сорок, не больше, а побрить и постричь, так вообще больше тридцати не дашь. – Удивился я.

- А мне и было тридцать семь, когда это произошло, с тех пор и не изменился я. Это благодать и проклятье одновременно: став служителем, ты живешь вечно, но навечно же обрекаешь себя на рабство и единственный выход смерть, но мне страшно умирать, свободы хочется, а нет ее.

- М-да, даже не знаю, что тебе сказать, попал ты конечно. Слушай, а принудительно портал этот закрыть можно? До того, как всех перережут на нем.

- Конечно можно. – Фыркнул культист. – Портал держится на ритуале, а ритуал на артефактах и крови, сломай что-

то и все закроется. Каждый день великий жрец Остромысл приносит в жертву нескольких людей только для поддержания портала активным, но алчный бог все еще не насытился кровью, поэтому жрец в ярости.

- Ага, теперь все понятно! – Я наконец понял, что можно предпринять, думаю вояки должны со мной согласиться.

Когда культист доел, я собрал свои вещи и выйдя на дорогу, мы с ним попрощались.

- Ты же понимаешь, что если попадешься мне во время рейда при моих товарищах, то я могу тебя убить? – Спросил я, когда уже сделал шаг в сторону воинской части.

- Понимаю, конечно. – Легко согласился служитель темных сил. – Я сам подневольный, поэтому и понимаю. В аналогичной ситуации у меня самого не будет иного выбора, как попытаться всеми доступными способами убить тебя. Но, если опять встретимся без свидетелей...

- Ну, да, только если без свидетелей. – Хмыкнул я, махнул ему рукой и пошел по дороге.

- Стой, парень! – Снова услышал окрик посвященного. – А ты случайно кулон мой не брал? На шее у меня висел ага-товый камень.

- Брал. – Немного подумав, я все же ответил честно. – Что-то ценное? Дорогое? Память?

- Этот камень мне вручил жрец, в нем заключена частичка силы Чернобога. – Культист помялся немного и продолжил. – Я не знаю наверняка, но, возможно, моя вечная молодость

связана именно с ним. Остромысл вешает агаты всем своим слугам, предварительно вымочив их в крови жертв, зарезанных на алтаре. А может он просто следит за мной с его помощью, в любом случае, без него мне нельзя возвращаться: в простую потерю он не поверит. Вернешь? – И с такой надеждой посмотрел мне в глаза, что я сдался.

- Держи. – Вытянул амулет, безошибочно определив именно его владельца, потому что остальные были тусклыми, а этот как будто сиял изнутри. Да и на ощупь был теплее остальных, найденных на телах неандертальцев.

- Спасибо! – Судорожно закивал мужик, надевая кулон дрожащими руками обратно на шею. Что-то он конечно приврал, о чем-то недоговорил, но в целом с ним было все ясно. Кто я такой, чтобы судить другого человека и как бы сам поступил на его месте: кричал бы «Режьте, суки, хрен вам сдамся!»? Сомневаюсь. Жить-то хочется.

- Ладно, прощай, посвященный. – На этот раз уже не пришлось оборачиваться.

Глава 7.

Дорога к части заняла несколько часов, даже пришлось сделать привал и перекусить. Шел я по проторенным дорогам, в сугробы не лез, старался внимательно осматриваться и прислушиваться, но кроме заснеженных пейзажей и хруста наста под ногами ничего постороннего не привлекало моего внимания. Была у меня глупая мысль облазить какие-нибудь привлекательные строения на предмет хабара, но я поспешил сам себя убедить, что в принципе сейчас ни в чем не нуждаюсь, а вернувшись в часть все равно придется поделиться, наверное.

Удивляясь, что так никого и не встретил, я ближе к вечеру добрался до воинской части, где встретили меня... противоречиво. Во-первых, меня сразу не узнали, одет-то я был теперь в пальтишко, поэтому устроили допрос с пристрастием; во-вторых, когда узнали, кто я и откуда, пристрастие увеличилось кратно, да так, что поволокли в отдельные апартаменты и заперли там, предварительно отобрав все нажитое честным и не очень путем. Одно радует, жрать принесли по расписанию.

А перед отбоем ко мне прибыл майор и потребовал доклад по форме: кто, где, как и при каких обстоятельствах. Скрывать мне было нечего, рассказал все как есть, даже шрамы показал и агатовый камень, снятый с трупа лохматого

неандертальца. Офицер сидел и слушал меня молча, не перебивал, толи я складно пел, толи он уже все давно для себя решил, а я тут так, фоном соловьем разливаюсь.

- Ну ясно, хорошо. – Проговорил он, когда я замолчал, закончив свой рассказ. – В принципе все складно получается, все сходится. Кроме одного! Вы почему, товарищ боец, врага отпустили, более того, накормили его?

- Да какой он враг! – Я аж разулыбался, вот что за натура такая у этих вояк: я ему про съеденное сердце и зажившие раны, а он про отпущенного врага, профдеформация, не иначе. – Вы бы видели его, тля худосочная, не человек уже, он того жреца боится, но еще сильнее боится потеряться и остаться без подпитки этой их магией. Там такой комплекс у него в голове, закачаешься, разгребать начнешь – на две докторских материала психиатру хватит.

- А вы выходит в теме? – Уточнил военный, чем смутил меня.

- Да не, это я так, к слову. Короче говоря, я получил от него ценную информацию, потому и отпустил, раз он сам, без давления мне все рассказал.

- Значит советует атаковать и разрушить алтарь, да?

- Ага, нарушим там что-то, он и сломается, портал закроется, и вся эта свистопляска закончится.

- Но ведь это же может быть явная ловушка! – Вмешался еще один офицер, который все это время стоял за открытой дверью и все слышал, а тут вошел. – Товарищ майор, мы

не можем вот так, без разведки, на основании слов этого... этого подсадного бросить все силы, а может враг наши силы выманит, а сам на нашу часть нападет?

- Вы же слышали, товарищ капитан, что жрец каждый день убивает по несколько человек для поддержания действия портала? – Уточнил майор у прибывшего офицера.

- Так точно, слышал, но у меня нет оснований верить ему.

- А у меня есть! – С нажимом сказал майор. – Мои бойцы несколько раз пытались пробиться к этому самому portalу и все без толку, их эти животные чувят издали и нападают всей кодой. А тут информация из первых рук, к тому же она подтверждает предыдущие выкладки.

- Значит штурм? – Спросил капитан и сглотнул. Он прямо на глазах поник.

- Это решать полковнику Макаренко, я всего лишь предоставляю рапорт. – Он поднялся и посмотрел на меня. – Ну что же товарищ ополченец. Я доложу командованию части, решение по вашему вопросу будет принято и в зависимости от решения последуют соответствующие действия. Вы лично готовы отправиться и выполнить эту задачу? Используя полученную информацию сломать алтарь и прекратить убийства мирного населения?

- Так точно, товарищ майор! – Гаркнул я и вытянулся по стойке смирно.

- Молодец, боец! – Хмыкнул офицер и вышел вместе с подчиненным, а дверь ко мне закрыли. Чем я и воспользо-

вался, улегшись спать.

* * *

- Граждане! – Снова с утра разорвался мой давешний знакомец. - Я, депутат законодательного собрания, господин Цветков Павел Александрович, от лица Правительства Российской Федерации, от лица нашего с вами президента, от лица Законодательного собрания нашего с вами Краснодарского края, от лица жителей города Новороссийска, призываю сплотиться для важного и решительного шага. Командование утвердило план по уничтожению оплота противника, разработало методы противодействия захватчикам, мы с вами сегодня должны отправиться в бой и победить! Настало время жестко ответить, граждане! Ни шагу назад, вместе и сообщая только вперед! К победе, граждане!

Меня выпустили перед завтраком, успел умыться и опраться, поесть и вышел на плац, где собирались все ополченцы. Своих не увидел, а выискивать кого не стал, если кто живой остался, может и свидимся.

К ополченцам подошел очередной военный и приказал всем проследовать в актовый зал. Шебурша и толкаясь, бойцы последнего шанса отправились внутрь.

Когда основная масса расселась по креслам и гомон стал стихать, на сцену поднялся офицер в форме полковника.

- Товарищи бойцы! – Поставленным командным голосом проорал он и заткнулись последние любители помолоть языком. – Ситуация сложилась критическая: против-

ник, представляющий собой дикарей, вооруженных примитивным оружием и сопровождаемый огромными зверями, нас теснит. Да, вынужден признать, что современное оружие оказалось почти бессильно против этих неандертальцев. Наносимые им ранения не приносят ожидаемого результата. Толи они уносят своих мертвецов с собой, толи их вообще пули не берут, но даже думать о подобном не хочется. Их мотивы нам не понятны, на контакт они не идут, но ясно одно – они наш враг! Все гражданские, попавшие к ним в руки, были похищены, предварительно, их отводят к сухогрузу, вмерзшему в море, но, к сожалению, посланная нами разведка не принесла стоящих результатов: дважды бойцы погибали в полном составе, а из третьего рейда вернулась лишь треть. Информация, которую они принесли противоречива и вызывает лишь дополнительные вопросы. Как это не печально и не грустно осознавать, и признавать, но мы столкнулись с проблемой, которую пока что не в состоянии решить. Сейчас нам ясно одно: противник похищает наших соотечественников и оттаскивает их к кораблю, что там дальше происходит не получилось выяснить, но, тот луч, что светит с контейнеров в небо, пульсирует, когда дикари приводят очередных пленных. Задача, что стоит перед нами сейчас – это массированным слаженным ударом пробиться к сухогрузу, в идеале захватить его и уничтожить сопротивление, как альтернатива, выяснить судьбу наших сограждан, по возможности спасти их из плена. У нас не так много ору-

жия и патронов, но мы выделим достаточный минимум каждому бойцу. Сейчас вас поделят на отделения и пройдете в оружейку, потом собираемся на плацу и вперед, медлить не стоит. Обломав о нас зубы, эти твари тащат людей из города, минуя нашу часть. Сил полицейских не хватает чтобы полноценно оказывать сопротивление противнику, хотя там уже вряд ли кто-то в состоянии оказать это самое сопротивление.

- Видать совсем их прижало, раз нам вот так просто готовы стволы выдать. – Выразил общую мысль один из сидящих недалеко от меня и по голосу я узнал Деда.

- А куда ты денешься? – Спросил его другой мужик, сидящий рядом. – Вокруг творится форменный алес, вариантов выжить не так уж и много. Мороз, отсутствие тепла и хавки, да еще и эти дикари с их тварями, сегодня вояки отобьются, завтра еще патронов хватит, а через неделю уже нечем и нечем будет сопротивляться. Так что надо идти сейчас, пока есть и силы, и оружие.

- Ну, так-то ты складно выводишь, а ежели не сдюжим, там и останемся, так? – Пожурил он мужичка и тот смутился, на том разговоры и смолкли.

- Так, внимание! – К нашему ряду подошел лейтенант, когда первые уже были освобождены. – Вы сидите в тринадцатом ряду, значит будете тринадцатым отделением. Сейчас организованно, друг за другом встаем и идем за мной в оружейку. Шагом марш!

Мужики поднимались и протискивались на выход, в кори-

доре нас построили по трое и дружной толпой поперли дальше. У оружейной комнаты все было еще проще: трем желающим выдали по пулемету, остальным обычные «калаши», старые, как те самые мамонты, ну, хоть без ржавчины и то хорошо. Потом, уже построившись на улице, нам снова донесли боевую задачу, солдатики прошлись с ящиком перед строем и выдали каждому по три снаряженных магазина к оружию.

- Выданного вам количества патронов вполне хватит, чтобы в массе своей осуществить порученную вам задачу! – Ответил на возмущенные выкрики полковник. – Если сосредоточите огонь на противнике, а не друг на друге, то сможете перебить всех врагов. С вами выдвигается сводная рота, у них будет дополнительный боекомплект, радиостанция для связи и несколько фельдшеров для оказания первой помощи. Не вижу смысла дальнейшего ожидания неизвестно чего, а потому... Рота! Слушай мою команду! – Он набрал в грудь воздуха, а бойцы вытянулись, осознавая важность момента. – Выдвинуться к предполагаемому месту нахождения противника, произвести необходимую разведку на месте, выявленную живую силу противника уничтожить, произвести поиск выживших и пленных сограждан, освободить их, буде таковые найдутся, оказать им в случае необходимости первую медицинскую помощь, закрепиться на месте и доложить об этом мне. Выполнять!

- Отделение! – Заорал наш лейтенант. – Направо! Шагом

марш!

От всей этой нелепой ситуации хотелось смеяться и плакать: натуральный сброд, укутанный кто во что горазд, вооруженный практически самопалами по три патрона в руки, без подготовки и экипировки шел штурмовать позиции дикарей. Копье мое мне вернули, как и мачете в рюкзаке и топорик, который был теперь спрятан под пальто за ремнем. Честно говоря, на него я надеялся гораздо больше, чем на выданный автомат. А еще меня смущал контингент, который вооружили. Нет, ну так конечно все правильно, в нашей ситуации — это, наверное, самое верное решение, но все равно, подобный выбор вызывал недоумение и это если как-то вкратце и цензурно выразаться.

Спустя где-то полчаса мы из колонны рассыпались редкой шеренгой, сквозь падающий снег и полумрак тяжело было рассмотреть что-то впереди, ориентиром служил смутный светящийся столб, уходящий в небо, как доложили вернувшиеся разведчики, он как раз из сухогруза и выбивался. Лейтенант распорядился зарядить оружие, но оставить на предохранителе, по его внешнему виду сразу становилось ясно, что нас он опасается гораздо больше, чем тех дикарей. Проткнут его копьем или так схватят неизвестно, может и сможет выкарабкаться, а вот если ему «ополченец» очередь в бочину выпустит, то тут уже без вариантов.

– Вроде рычание слышу. – Донеслось со стороны говорливого мужичка.

– Значит, мы уже близко. – Поддержал его дед.

– Отставить разговорчики. – Шикнул на них лейтенант. – Внимательней смотрите, чтобы своих не пострелять!

Вдруг где-то слева, в стороне, раздался рык, а потом разнеслась заполошная стрельба.

– В атаку! – Заорал истерично лейтенант и, передернув затвор автомата, устремился вперед, сразу пропадая в падающем снегу.

Вот идиот, подумалось мне, сам же боялся, чтобы свои не выстрелили и ломанул, подставляя спину. Я же присел на одно колено, всматриваясь вперед и по сторонам: крики и вопли доносились теперь отовсюду, а также мне казалось, что и пули летят прямо над головой. Оценив опасность такого выживания, я на полусогнутых побрел следом за своим командиром, будь он неладен. Как-то так вышло, что ко мне в кильватер и так же на полусогнутых пристроились и дед, и мужичок. Сколько шло следом за ними, я уже не видел, мое внимание было сконцентрировано впереди. Я голос не подавал, одет был иначе, возможно они меня и не помнят, но сам я не стал им напоминать кто я такой и откуда.

Мы продвинулись метров на сто, когда из сумрака на нас вывалилось несколько дикарей. Я сразу же присел пониже и, вскинув автомат, выстрелил в орущего лохмача, сжимающего дубинку в отставленной руке. Прямо как в армии на стрельбах: произнес про себя «двадцать два» и отпустил спусковой крючок. Две пули влетели прямо в раззявленный рот и опро-

кинули бегущего неандертальца в снег через голову. Красиво пошел! Я удовлетворенно стал осматриваться, наблюдая, как мои товарищи высаживают патроны в еще несколько образин с дубинами и копьями. Как-то мы легко отбились. Никто даже по-крупному испугаться не успел, по крайней мере, об этом мы узнаем только когда вернемся в расположение. Если вернемся. Так, не хер каркать. Когда вернемся! Пошли дальше, я махнул рукой и остальные скорее всего пошли следом. Я не чувствовал себя командиром, но мужикам нужен был пример, а мне им быть не в лом. Даже нравится, чего уж там. Прошли еще немного, когда натолкнулись на тело лейтенанта, которого дербанил пес, сопоставимый размерами и статью с тем, что подрал мне плечо. Не задумываясь ни на секунду, я вскинул автомат и, поймав в прицел башку уродской твари, выстрелил в нее. А вот тут я струхнул, так как пары пуль не хватило, пришлось еще несколько раз выпускать короткие очереди, пока туша не завалилась на бок и не засучила ногами. Подойдя ближе, осмотрел труп лейтенанта, а то, что он труп, видно было сразу: человек обычно без половины лица не живет, бывали прецеденты, конечно, но не в нашем конкретном случае. У него я забрал запасные магазины и пистолет с дополнительной обоймой. Труп собаки изучал более обстоятельно, хотел понять, почему она сразу не сдохла. Оказывается, что кости черепа пули не смогли пробить! Так, только кожу ободрали и все. А вот те, что угодили в грудь, нанесли уже гораздо более ошутимый урон, это

нужно запомнить, на будущее. Которое у меня обязательно будет!

– Хренассе, собачонка! – Изумился дед, подошедший ко мне. – Что, отбегался наш командир? – Он мотнул головой в сторону трупa лейтенанта.

– Сам же видишь! – Почему-то огрызнулся я и осмотрелся. Вокруг была натуральная вакханалия, что за слово не знаю, но звучит как будто к месту. Шум, гам, крики, вопли, рычание, стрельба и глухие удары, чавканье и всплески, хруст снега и звуки волочения – доносилось со всех темных сторон, иногда можно было разглядеть вспышки от выстрелов.

– Ну что, прем дальше? – К нам подобрался еще несколько мужиков, в их позах читалась неуверенность и откровенный страх: обступив нас с дедом, они сидели на кортах в пол-оборота к нам, нервно оглядываясь и поводя стволами из стороны в сторону. – Чего тут рассиживаться?

– Конечно прем! – Почти уверенно ответил я и сглотнул вязкую слюну. Я все-таки не Рэмбо, очко у меня сжалось до уровня игольного ушка. Страх свой показывать не хотелось, поэтому, повернувшись в сторону танкера, на полусогнутых почапал вперед.

Мы продвинулись метров на сто, не больше, когда я осознал, что шум боя остался позади. Осознание этого придало мне уверенности, и я с облегчением поднялся на ноги, идти практически на присядках было с непривычки в напряг, бо-

лела и спина, и ноги.

- Цепью, мужики, цепью расходитесь! – Проговорил я оглянувшись. Все, кто пошел следом, шли практически гуськом за мной. – Сейчас может вторая линия ихней обороны будет, вы тогда что, в спину мне шмалять станете?

- Копейщик дело говорит, расходимся! – Поддержал меня дед и сам отошел на пару метров в сторону.

Когда все растянулись, я молча покивал и пошел дальше, по хрусту наста под ногами понял, что и остальные идут, это обнадеживало. Вдруг сзади раздались взрывы, целая серия. Я невольно вжал голову в плечи, но, благодаря вспышке, разглядел темный силуэт корабля, просматриваемый чуть в стороне справа.

- Вон он, нашли! – Выдохнул дед и глядя на меня повернул в сторону цели нашей вылазки.

Когда контур танкера уже был отлично обрисован, рядом с ним проявились и фигурки его защитников. Стоило им разглядеть нас, как раздался длинный и протяжный гудок, тональность звука, как будто в рог дуют. После этого на нас снова бросились животные и дикари.

- Вали их мужики! – Истерично завизжал один из моих товарищей и сумрак вокруг озарился вспышками выстрелов. Я сам присев на одно колено, вскинул автомат и выцелив приближающуюся фигуру, открыл огонь. Стрельба была, как в тире: мишени движутся на нас, успевай только прицел переводить с одной на другую и жать на спусковой крючок.

чок. Какие-то фигуры падали, какие-то смещались в сторону, но часть приближалась. Сухо щелкнул боек – патроны закончились. Я стал судорожно менять магазин, руки непроизвольно тряслись, вроде мозг мой спокоен, смирился с ситуацией, соображаю здраво, а вот адреналин в крови заставлял мышцы сокращаться. Вдруг мой периферический взгляд поймал движение справа, повернув голову я успел заметить, как огромный кошак в длинном прыжке сбил с ног одного из ополченцев, практически как шар для боулинга по кегле влупил: был человек и вжух, уже он где-то там. Вставив наконец магазин, я передернул затвор и тут снова поймал взглядом движение слева: огромное копьё с широким наконечником пролетело мимо с гулом рассекая воздух, оно воткнулось в другого ополченца. Удар был такой силы, что мужика практически сложило пополам: руки и ноги его хлопнули по древку копья, пробившему грудь, а тело унесло инерцией во мглу, скрыв от взгляда. Содрогнувшись всем телом, я перевел взгляд вперед, снова выискивая цели и ведя по ним огонь. Стрелял, пока хватало патронов, магазины менял еще пару раз.

Это последний, мысленно провел ревизию я, вставляя магазин. Но и противник в принципе закончился, так, кое где еще было какое-то оживленное движение, но это скорее добивание или выплескивание на поверженного врага накопившейся злости и страха.

- Живой, копейщик? – Спросил дед, который так же, как

и я прекратил стрелять, но не опуская автомат оглядывался в поисках потенциальной мишени.

- Живой, дед, живой. — Я выдохнул и поднялся на обе ноги. — Да и что мне сделается!

- Ну, ну. Молодец! — Он оглянулся. — А вот и военные.

Действительно, стоило затихнуть стрельбе, как стали подтягиваться вояки. По голосу я узнал майора, который отдавал приказы, солдатики окружали танкер, беря его в плотное кольцо. С удивлением расслышал еще один голос, оказывается майора сопровождал наш депутат, естественно вместе с неразлучными телохранителями и секретаршей, вот ведь бессмертные, блин.

План военных был простым, как пять копеек — штурм! Старший офицер в этот раз распорядился отправить вперед специальную штурмовую группу, увешанную с ног до головы оружием, бронниками, касками и прочей требухой. Пока они готовились, мы, ополченцы отдыхали. Штурмовики должны были захватить первый и самый сложный плацдарм — палубу корабля, влезать предполагалось туда по веревкам, веревочным и самопальным лестницам, связанным из палок и обрывков ткани, сделанных самими дикарями. Единственное преимущество военных, на что делали ставку — это гранаты. Предполагалось, что штурмовики, подобравшись ближе к краю, забросают противника подарочками, а потом уже добавят из всех стволов. Когда подготовка была завершена, майор отдал приказ и отобранные бойцы побежали к кораб-

лю.

Конечно же их ждали: сверху, под крики и улюлюканье, полетели камни, копья и дротики, какие-то даже попадали. Один неудачник бежал и зачем-то посмотрел вверх, вместо того, чтобы, используя каску наоборот, максимально прикрыть себя от снарядов противника, получил метровый дрын в лицо. Он упал и задергался, смотреть, как кончается человек было жутко, я перевел взгляд в сторону. Мы изредка постреливали, стараясь попасть по высывающимся головам, но попадали очень редко, сказывалась высота, полумрак и идущий снег.

Бойцы подобрались к корпусу корабля и принялись карабкаться по спущенным снастям наверх. Дикари не стали ни перерезать, ни втягивать веревки и лестницы наверх. Наоборот, с воодушевлением и интересом они ожидали первых, кто доберется к ним. Логика была проста: то им приходилось где-то искать, хватать и тащить сюда жертв для алтаря, а тут надо же сами приперлись, какие молодцы! Когда первым штурмовикам оставалось пару метров до верха, они постарались закрепиться и принялись швырять навесом гранаты наверх. Тут меня посетила гениальная мысль, а что будет, если вдруг такую гранату отобьют? Накаркал! Стоящие внизу и ждущие своей очереди бойцы разорались и бросились врассыпную, падая на снег. Раздались взрывы наверху, разбрасывая орущих и завывающих дикарей и их животных. Один взрыв прогремел внизу: кого-то просто оглушило, а кого-то

ранило, но печальнее было для двоих бойцов, висевших на веревках, толи их задели осколки снизу, толи взрывом вверху перебило крепеж, так или иначе, оба сорвались с высоты и шмякнулись об смороженный снег.

- Вперед! – Отдал очередной приказ майор и лейтенанты принялись дублировать его, подталкивая ополченцев к кораблю. Я побежал со всеми. Когда пришла моя очередь карабкаться наверх, на палубе уже была относительная тишина, плацдарм был захвачен. А когда я уже сам поднялся наверх, то и на контейнерах стрельба прекратилась. Да, зрелище тут было не из приятных: кругом лежали тела лохматых мертвецов вперемишку с заиндевевшими трупами принесенных в жертву, стены палубы и контейнеров были посечены пулями и осколками и заляпаны кровью и прочим содержимым человеческих тушек. Не смотря на уже прошедший нами ад, все равно кого-то еще вырвало. Каким бы циничным не становился солдат, а все равно иногда и его можно чем-то удивить.

Майор тоже не поленился подняться к нам. Тут же потребовал доклад и капитан, командовавший штурмовиками доложил, что практически все сопротивлявшиеся дикари уничтожены, вместе с ними убили и служителей культа, оказавшихся наверху у алтаря, но один сам просился в плен, кричал о важной информации, его связали и доставили к командиру. Этим культистом оказался мой знакомец, который сходу попросил не убивать его и принялся рассказывать, что вели-

кий жрец сбежал в портал, куда он предварительно затолкал всех имевшихся в наличии пленных. Сил у него сопротивляться не осталось: мы перебили почти всех дикарей, поэтому самый оптимальный вариант – отправится следом за ним, а наш добровольный пленный не менее добровольно укажет дорогу, главное пообещать отпустить его по окончании спасательной операции.

- Я считаю, что это ловушка! – Завел свою шарманку капитан, что был с майором в моей камере.

- Да какая ловушка, они просто сбежали, нужно добавить! – Отреагировал штурмовик.

- Отставить разговорчики! – Повысил голос майор и посмотрел в мою сторону. – Твой подопечный?

- Так точно, товарищ майор, мой. – Ну а что тут скрывать.

- Что сам думаешь? – Спросил и прищурился, смотрит и ждет.

- Надо догонять, товарищ майор.

- С собой его возьмешь. – Махнул он головой на культиста. – Покажет вам где там и что. С тобой пойдут еще четверо, не больше. Задача: произвести разведку, обнаружить противника, найти где держат пленных, вернуться с докладом. На все про все у вас не больше четырех часов. Задача ясна?

- Так точно, товарищ майор! Разрешите выполнять? – Гаркнул я. Тут и так было ясно, что в жопу он своих бойцов не пошлет, по крайней мере первым эшелоном точно.

- Выполняйте, товарищ боец. – Повернувшись к своему помощнику продолжил. – Давай капитан, обеспечить здесь охрану-оборону, раненых в санчасть, мертвых проверить всех, и наших и дикарей, я отбываю в часть, ты здесь за старшего. По возвращении группы – доклад по форме.

- Есть, товарищ майор! – Козырнул капитан и уже сам начал отдавать ценнейшие указания уже порядком задолбавшимся людям.

Я же повернулся, увидел несколько знакомых лиц, махнул им, мол, пошли со мной и полез наверх контейнеров. Там передохнули, дожидаясь пока нам не назначат еще добровольцев, чтобы доукомплектовать рейдовую разведывательную группу. Алтарь был старым каменным, весь в потеках крови, на боках какие-то вязи, символы или руны, не знаю, я в этом не силен. Смотря на него содрогнулся и спрятал руку в карман, а там нащупал агатовый камень на кожаном шнурке. Вытащил, посмотрел на его тусклый отблеск граней, вспомнил слова посвященного и, действуя по какому-то наитию, провел камнем по алтарю, собирая им не спешащую сворачиваться кровь. Не смотря ни на мороз, ни на срок, когда ее выпустили из чьего-то организма, кровь была достаточно жидкой, она обволокла камешек и он впитал ее силу, сам засветился, а сухая часть осыпалась на пол. Не выдавая своего изумления, я сжал амулет в кулаке и отвернулся к своим бойцам. Тут как раз подняли и культиста.

- Первым пойдешь? – Спросил его.

- Как хочешь, друг. Мне разницы нет, это дело привычное.
– Пожал он плечами. Вообще его спокойствие меня немного настораживало. Пойдет первым и предупредит своих, пойду я и отхвачу в любом случае, эх, ладно. Приказ есть приказ.
– За мной пойдешь. Я нырну, потом его толкайте и следом уже сами.

Мужики, выделенные мне в сопровождение, хмуро покивали, что тут еще добавить. Отставить мандраж, яйца в кулак и вперед. Сделав глубокий вдох, я шагнул сквозь бликующую мягкую пленку портала. Свет в глазах померк и тело свело судорогой.

Глава 8.

Я вывалился в открытое пространство, упав на пол, как мешок с говном. Одно хорошо, что при падении не напрягался, а потому отделался лишь испугом. Вдохнул воздух, почувствовав целую гамму различных запахов и их оттенков: пыль, плесень, старый вонючий пот, кровь, блевота, гнилые овощи и мясо. Наконец и зрение прояснилось: я был в пещере, искусственно отделанной, местами на стенах виделись отчетливые следы кайла, по периметру горели факела, света было достаточно, чтобы осмотреться, у стен стояли шкафы и столы, было несколько подсвечников. Ко мне шел один из культистов, сжимая в руках веревку, вязать что ли собрался?

Тут через портал шагнул мой знакомец и, не испытывая ни капли дискомфорта, обратился к своим сопартийцам.

– Быстрее сюда, братья! Они добрались до портала и шлют сюда группу. Их нужно перехватить. – Он замахал руками, отчаянно жестикулируя, сразу стало ясно, что пытается реабилитироваться.

К portalу подтянулись другие послушники, а через мгновение из него вывалились остальные недоразведчики. Как и я они притворялись мешками с перегноем, падая безучастными куклами на пол. Пока их вязали, ни один даже глаз не открыл. Сил у меня было совсем немного, так, чуть голову повернуть, да пальцы вроде слушались. Посмотрел на руку, в

которой был зажат кулон, тот светился, может это из-за него я хотя бы в сознании? Постарался затолкать его под рукав. Вовремя – меня подхватили, завели руки за спину и спеленали, как младенца. Потом куда-то потащили, уронив пару раз головой об пол. Второй удар был критичнее первого, и я отрубился.

* * *

Снова пришел в себя, блин, прям калейдоскоп какой-то. Я лежал на земляном утоптанном полу. Повернувшись разглядел в полумраке лежащие вокруг тела других людей. Пошевелился сам, подвигал руками: тело нормально меня слушалось, руки были развязаны, вещей моих не было, забрали рюкзак и оружие. Только кулончик остался под рукавом. Я приподнял голову и осмотрелся: это был отнорок в пещере, перегороженный железной решеткой, размером где-то метра три на все пятнадцать, если не больше и сейчас весь пол устлала тела. По размеренному дыханию основной массы и трелям басовитого храпа стало ясно, что люди спят. Возможно, это последствия перехода через портал, возможно влияние местной атмосферы, хотя я не берусь судить о составе воздуха, но то, что из-за скученности народа, он не благоухает фиалками это факт. Напротив нашей решетки через широкий коридор пещеры, освещенный все теми же факелами, наблюдал такой же аппендицит, заполненный людьми и изолировавшим их ограждением. Дергаться не стал, привлекать к себе внимание не хотелось. Лежал, приходил в себя,

анализировал свое состояние и положение, в которое угодил. Майор конечно тот еще стратег: вы идите на разведку и потом доложите и времени вам четыре часа. Он с самого начала знал, что это идиотизм, лезть в пасть к зверю, но должен был попробовать и своими солдатами жертвовать не стал, сволочь. Хотя, на его месте. Я бы, наверное, тоже также поступил. Ладно, хрен с ним. Ни на майора, ни на посвященного я не злился, каждый из них использовал ситуацию в свою пользу, а то, что я полез вперед, так это я сам себе виноват. В конце концов еще ничего плохого и не случилось. Пошарил по карманам и нашел спрятанные конфетки, закинул одну в рот и с блаженством ее разжевал. Улегшись поудобнее, так, как только можно было в данной ситуации, я решил не тратить время напрасно и задремал.

Проснулся от бубнежа, это остальные сокамерники стали приходить в себя и просыпаться, естественно, начиная мотать нервы себе и накручивая окружающих: «где мы?» «что мы?» «как мы?» и все в таком духе. Поднялся с пола и пройдя к решетке, осмотрелся внимательнее. Таких камер в стене напротив было много, я разглядел пять решеток и во всех торчали руки людей. В середине решетки была дверь, петли были приварены, а на широких дужках висел огромный замок. Поскольку каждый проснувшийся считал своим долгом лично осмотреться где он оказался, то к решетке продолжалось паломничество все то время, как люди приходили в себя. На первый взгляд нас здесь было человек под пять-

десять, но, из-за постоянной движухи туда-сюда, произвести нормальный подсчет не представлялось возможным. Я плюнул и пройдя к стене, сел там опершись о нее спиной.

Какое-то время спустя к нашему узилищу подошла процессия: несколько послушников в сопровождении пары десятков дикарей и нескольких их животных.

– Я сейчас открою решетку, и вы по одному станете выходить наружу. – Он говорил спокойно, уверенно и достаточно громко. Люди прислушивались к его словам, а потому позамирили на месте! – Никаких резких движений и дерганий руками и ногами. Поднимите руку – вам ее сломают, дернете ногой – вам ее сломают, побежите – пес догонит и перекусит шею, они к этому обучены, повторять не буду. Всегда найдется парочка идиотов, которые служат примером остальным. Хорошим наглядным примером!

Дополнительных стимулов не требовалось, плененные человечки потопали на выход. Кто бы мог подумать, что, провалившись сквозь портал я окажусь в какой-то тёмной пещере, окружённый такими же растерянными людьми, подталкиваемый варварами на выход к свету. На что рассчитывал? На панику и массовое бегство, на морально сломленных культистов? Типичная логика современного человека. Освещение было только от факелов, горевших у каждой решетки, ну и плюс далёкий свет в конце тоннеля, к которому собственно всех и выгоняли. На выходе была сортировка, нас внимательно осматривали, ощупывали и разгоняли по раз-

ным кучкам. Каковы были критерии отбора в ту или иную кучку я понятия не имел. Да собственно сейчас до этого было мало дела. Я, как и большинство пленников, сморщившись от яркого солнечного света, пытался осмотреться и понять где находимся, и что вокруг происходит. А по окружающей обстановке информации было очень мало. Мы находились на какой-то горе, до вершины, правда, было ещё далеко, ну и что было под нами тоже было смутно. Это было плато, заваленное снегом, вокруг стояли клетки с крышей, покрытой грубо пиленными досками и наваленными сверху ветками. В клетках находились люди, много людей, основная масса была более истощённая и запуганная, видимо старожилы этого места.

В какой-то момент дикари решили, что отобрали достаточно в группу в которой находился я, поэтому, толкали нас в отдельную клетку. Только тут я осмотрелся и понял, что собрали в основном крепких мужиков, а всех хлюпиков или толстышей отволокли в другие клетки, как женщин и детей, тех вообще отдельно. Сразу же в нашей компании обнаружился лидер, который принялся в пол голоса раздавать приказания: кто и что будет делать, при каких обстоятельствах и в какой последовательности.

– Слушай сюда пацан, – сказал он мне. – Нам надо будет прорываться, поэтому, первым делом завладеешь каким-нибудь оружием. Ты понял меня? – Уставился он. «Понял», слегка кивнул головой, включать сейчас бычку из сопротив-

латься этому амбалу было бессмысленно, мы все изолированы, пока предпринять ничего нельзя, поэтому спорить сейчас глупо.

Я решил подождать дальнейшего развития событий, а там уже принять окончательное решение. Но, на данный момент, я не собирался следовать за этой толпой придурков. Вероятность, что они смогут выбраться, пока минимальна, а попасть в замес из-за глупых действий я не хотел.

Когда с сортировкой всех вновь прибывших закончили из толпы варваров вышел жрец. Ну, по крайней мере, таким я его себе и представлял. Все представители этой жреческой культуры выглядели соответствующе: балахон, ну или какая-то ряса с капюшоном, что-то типа того, подвязана на поясе канатом или веревкой. Он шёл мимо клеток и внимательно осматривал сидящих там, стоящих, трясущихся от страха или холода людей, по каким-то видимым только одному ему причинам, он выбрал трёх и их тут же вытащили из клеток. Кто-то попытался упираться, за что получил копьем по почкам и его поволокли силой, что с ними было дальше неизвестно, потому что утащили их в другую пещерку. А их, этих отнорков, было рядом несколько штук. Вообще, на данный момент, я даже не представлял, как смогу выбраться из этой ситуации, но бунт и попытка силового избавления от пленения я видел плохой альтернативой попытаться вскрыть замки первой же ночью и осуществить этот с меньшим количеством свидетелей и участников.

Амбал же не терял время зря, уговаривая и убеждая других пленников в правильности своего решения. Основной упор он делал на то, что в данный момент были самые лучшие варианты: они пока ещё сильны, у них есть запал бодрости и время пленения никого не сломило, по крайней мере из их клетки, крепких здоровых мужиков. Но вот вопрос, достаточно ли их для того, чтобы осуществить этот самый прорыв и выбраться, неизвестно. Вот и оставалось мне только смотреть, анализировать и думать. Время шло и в какой-то момент опять появился монах, отдал какие-то распоряжения и люди в шкурах принялись опять за сортировку. Они выбрали всех женщин по симпатичнее, насколько я мог судить, по крайней мере старух не трогали. А вот маленьких детей оставили вместе с ними. Затем их всех вывели, связали им каждой руки, а потом всех привязали к длинной веревке и, в конце концов, поволокли их куда-то вниз. Какое-то время я присматривался к лицам пленённых женщин, надеясь среди них увидеть знакомые черты. Но не судьба: все они были либо заплаканными, с размазанными косметикой по лицу, либо это была сажа и грязь, в любом случае я так и не смог узнать ни одну из них. Тем не менее, надежда, что я смогу найти здесь кого-то из девчонок по-прежнему грела мне душу. Пока не было никаких активных действий, я прижался к дальней стенке, сел, сжавшись в комок и задремал.

Сколько я спал не знаю, но тут меня растолкал сосед. Опять там был жрец и раздавал указания.

– Приготовились, – проговорил амбал. – Сейчас, как откроют клетку, прорываемся! Каждый понял, что будет делать?

Все согласно загалдели, я тоже кивнул, встав и растерев заспанное лицо. А потом я осмотрелся и понял, что наша клетка осталась последней наполненной людьми, остальные были уже пустыми. Ко входу в нашу тюрьму подошло человек двадцать дикарей, в основном вооружённых копьями, но у кого-то были и дубинки. Открывать они не спешили, ждали. Наконец появился жрец, который что-то бухнул старшему, поорал на своих подчиненных, наконец один из них метнулся и стал отпирать нашу клетку. Все сжались в комки, нервы на пределе, вот он решающий шаг, обратной дороги уже не будет. Я хоть и не согласен с ними, но я в меньшинстве, поэтому вынужден следовать в кильватере большинства, тут без вариантов. Получится – хорошо, нет, что же, будем решать проблемы по мере их поступления. Засов был простой и в то же время достаточно сложный, чтобы его можно было открыть изнутри, послушник с ним справился и почти распахнул дверцу, когда от входа в основную пещеру раздались голоса. Выбежал еще один и что-то увлеченно проговорил начальнику, тот мгновенно изменился в лице, отдал несколько приказов, и наш послушник быстро замкнул нашу решетку. Я нервно выдохнул, напряжение было просто осязаемым, остальные стали неуверенно переглядываться, а амбал с чувством выматерился.

Большая часть дикарей побежали обратно в пещеру. Уже в сумерках стали приводить новых пленников, и я с удивлением узнал среди них депутата и его свиту. Их троих завели к нам, а секретаршу в освободившуюся клетку. Как тут же просветил нас государственный деятель, оказывается один из тех, кто должен был меня сопровождать, видимо, продался захватчикам, так как он вернулся через портал и рассказал военным, что противник в страхе бежит, что пленные сидят по клеткам и у него не получилось их освободить, нужно, дескать, инструмент и помощь. Естественно, майор распорядился готовить команду для эвакуации, снабдив ее необходимым инвентарем, а вот депутат решил, что это его звездный час и помчал освобождать электорат. Облом конечно вышел феерический. Слушая откровения этого деятеля, я прям посочувствовал ему, немного, самую малость, буквально ровно столько, сколько мне совесть позволила, посопереживать отдельно взятому человеку, попавшему в беду. Основное же чувство, меня переполнявшее – было злорадство, так тебе суке и надо. Рейтинг он захотел себе поднять, сволочь хитрожолая!

Вспомнилась одна из предыдущих предвыборных компаний в Государственную Думу. Там один из кандидатов, не скрывая, в своей агитационной программе так и написал: я уже не первый раз избираюсь в депутаты, ничего дельного предложить вам не могу, врать не буду, но ничего другого делать не умею, поэтому меня и выбирайте. Изощренный са-

мопиар, мать его!

Сторонники амбала, как и он сам прям прониклись беде потерпевшего. Тут же рассказали ему о своих грандиозных планах и неудавшейся попытке. Естественно, что этот государственный деятель, пользуясь своим самопровозглашенным правом, тут же обозначил себя лидером человеческого сопротивления, амбала, за проявленное рвение и инициативу, наградил должностью генерала, со всеми вытекающими... ну еще нескольких, по мелочи, раскидал по кабинету министров, обозначив, что пока это временная должность, а там он посмотрит, как они себя проявят. Я уже практически в голос ржал, во люди дают!

Когда уже вся эта неутомонная толпа прекратила изгаляться в словоблудии, как и чем они изничтожат всех захватчиков, в камере наступила тишина. Отдохнув днем, я сейчас сидел в полумраке нашей пещерной клетки и наблюдал за движением охраны. Посты сменились еще пару часов назад и до сих пор движений не наблюдалось. Разводящий послушник, приведший последний раз часовых, уже тогда был навеселе, а сейчас, скорее всего, уже дрых. Дрыхла и наша охрана, храп стоял и внутри нашей пещеры. На первый взгляд, кроме меня вообще никто не бодрствовал. Значит пора!

Добраться до ворот и ни на кого не наступить нетривиальная задача, но я справился. Затем началось самое сложное: определить замок и вскрыть его. Тяжелый, старый, амбарный с явными признаками частого использования, вскрыть

его я вознамерился, когда еще сидя у стены, нашел там среди разного хлама предыдущих постояльцев, старый лифчик. Вынув из чашек косточки из стальной проволоки, я изогнул их под разными углами и принялся эмпирическим путем искать себе путь на свободу. Замок сопротивлялся недолго и сдался уже где-то через полчаса. Я победно выдохнул и скинув замок стал открывать решетку.

Конечно же она заскрипела, мне следовало подумать об этом заранее, но увы мне, наивному мальчику. Тут же, лежащие рядом пленники зашевелились и поднялся шквал вопросов и началась движуха. Я уже практически не таясь, чтобы не тратить время зря, отворил калитку и выскочил наружу. К моему негодованию от поднятого шума сокамерников добавилось удивление от безалаберности охраны, тот самым наглым образом спал. Я поспешил к нему и сходу, не оставляя себе время подумать, подхватил его дубинку и со всего размаха саданул тому по голове. Раздался гулкий удар и тело дикаря сверзилось со стула, на котором сидело, на пол. А в коридоре, уже не скрываясь, командовал амбал, ему поддакивал депутат, пытающийся параллельно выяснить, кто отворил решетку, и чтобы еще и его секретаршу выпустили. Я скромно умолчал о своей роли, спрятав отмычки в карман пальто.

Когда нас, провалившихся в портал принимали с этой стороны и пеленали, все наши шмотки стаскивали в отдельную пещерку с собственной решеткой. Я успел это рассмот-

реть до бесславного погружения в беспамятство. Туда-то я теперь и торопился, ведь там меня ждало мое любимое копьё! Скрываться и идти на носочках смысла не было: вырвавшиеся пленники своим гомоном и топотом должны были уже перебудить всех и вся, поэтому я только ускорился, стараясь не ошибиться с выбором направления среди кучи разных ответвлений и отнорков пещеры. Всех попадающихся мне спящих охранников я на всякий случай гладил по головушке своей дубинкой, останутся они после этого живыми или нет, мне сейчас было не важно, главное успеть прибыть к складу до общей тревоги, если такая вообще будет. Наконец мне повезло – я выбежал в грот, где и находился портал. А вот тут меня ждали, хотя, скорее не меня, а тех, кто мог бы проникнуть через портал. Тем не менее, здесь в ожидании бодрствовали четверо послушников и четверо дикарей. Практически без остановки я побежал к ближайшему неандертальцу с копьем и нанес ему удар в голову до того, как он правильно среагирует на появившуюся угрозу в моем лице. Варвар начал падать, а я швырнул дубинку в лицо следующего, вцепившись в оружие падающего оглушенного. Двое оставшихся дикарей сорвались в мою сторону, а за моей спиной нарисовалось сразу пятеро сокамерников, успевших подобрать оружие оглушенных мной ранее охранников. Я сместился к стене, где была решетка склада, уступая возможность подраться с дикарями моим союзникам. Те попарно набросились на лохмачей, а пятый, хитрая сволочь, про-

скочил к portalу и исчез на той стороне. Послушники переглянулись и сговариваясь, сломали удерживающие контуры и нарушая целостность пентаграммы. Портал со вспышкой и хлопком схлопнулся и прекратил свое существование. Мля-я-я-я!!! Я со злости насадил первого на копье, а потом, когда он, соскользнув с лезвия, упал на пол, направился ко второму.

– Если ты убьешь нас, то навсегда останешься здесь! – Вскричал бледный служитель культа. – Не убивай нас, и мы восстановим портал!

– А нахрена вы вообще его сломали? – Мои сокамерники уже разделались с дикарями и окружили послушников.

– А как бы мы с вами смогли торговаться? – В его словах была логика, не поспоришь.

– Ладно, руки за спину, не рыпайтесь, ща старший появится и разберется. – Начал командовать один из бывших пленников, а я устремился к решетке.

Тут такой же замок висел, как и на нашей, с этой стороны открывать было значительно легче, так что справился я гораздо быстрее. Отворив дверь, скользнул внутрь и принялся осматривать собранное здесь имущество. Чего тут только не было: куча баулов с вещами, чемоданы, рюкзаки и сумки, холодное и огнестрельное оружие на столах и по над стенкой, стояло и лежало целыми кучами. Наша партия была одной из последних, поэтому свой рюкзак я нашел относительно быстро, а мое самодельное копье и мачете вообще лежали на

самом верху. Рюкзак был с закрытым клапаном, возможно, что его не успели распотрошить, отлично. Не успел я повесить лямки рюкзака себе на плечи, как на склад ввалились остальные сокамерники.

– Оба-на, наше имущество! – Оповестил всех радостный возглас одного из них. – Слышь, зема, а ты че тут барахлом нашим затариваешься? Это общак, зема, так что клади вещи на место!

– Это мои вещи, зема. – Я сказал спокойно, но копье опустил в направлении борзого и говорливого. – Чужого мне не надо, а свое я не отдам, это ясно?

– Ну, ну. Какие мы дерзкие, а? – Болтун огляделся на двоих ища поддержки. – Ты че, в себе уверен?

– Уверен, не переживай. – Я сделал шаг в его сторону, и он попятился, копье смотрело ему в район груди. – Я уже достаточно заколол всяких борзых, которые посягали на мое.

– Спокойней мужик, спокойней, мы же типа союзники, мы же на одной стороне. – Болтун пятился на выход и сопровождающие его тоже ретировались.

– Вот, вот, ключевое слово «типа». Не надо делать резких движений, дайте мне выйти.

– Ага, иди. – Тот как-то уж слишком покладисто согласился, я напрягся и ждал подвоха.

Выйдя из склада, я медленно осмотрелся, продолжая держать первых трех в поле зрения. Прибыли еще несколько, они неуверенно мялись в стороне, менее инициативные, про-

сто стадный инстинкт, значит, для меня не проблема. Стоило мне свернуть в сторону выхода, как борзый маякнул своим подельникам и те кинулись ко мне. Честно, я не хотел крови, но не стал жалеть идиотов: первого уже проверенным способом ткнул резко под подбородок, выдернул копье и с шагом в сторону, наотмашь рубанул второго по горлу. Оба упали, а балабол замер с открытым ртом.

– Ты че, мля творишь, сук... – Договорить я ему не дал, не люблю, когда меня оскорбляют, да еще и безосновательно. Выдернув копье из горла борзого ублюдка, обтер лезвие о его плечо и развернулся к остальным.

– Кто-то еще хочет предъявить мне, что я не вправе забрать свои вещи из вскрытого мною же склада? – Все стояли молча. Тот, на которого я посмотрел, резко замотал головой, вот и правильно. Не знаю, подумал так или вслух сказал, но уверенной походкой отправился на выход. С этим контингентом мне не по пути, а в планах еще найти, куда увели женщин, вдруг найду своих девчонок.

Депутат с амбалом развернулись на полную катушку: смогли освободить еще нескольких заключенных, открыв или сломав замки, вооружились кто чем и толпой отправились на выход. Я смог смешаться с толпой, свидетели моей разборки с борзым заключенным предпочли самостоятельно вооружиться и хапануть хабар, чем бежать с докладом к старшим, поэтому о моей оппозиции никто так и не узнал, а вообще жертв побега хватало: не везде дикари дрыхли, не

каждый землянин был мастером владения оружием. На выходе из основной пещеры нас уже ждали, но, благодаря вооружившимся огнестрелом повстанцам, шансы нас остановить упали до нуля. Послушники так вообще разбежались практически сразу же, как поняли, что нам удалось вскрыть оружейку.

Когда с охраной пещер было покончено, депутат толкнул речь в своем репертуаре: «мы лучшие, мы всех порвем, оружие у нас, пленные послушники починят портал, нужно только освободить плененных ранее людей и мы все торжественно вернемся домой»! Пока же, раз до рассвета еще есть время, всем можно наконец поесть из запасов дикарей и отдохнуть. Выделенные люди раздали бывшим пленникам хавчик, надо ли упоминать, что сам депутат, амбал и тройка их приближенных ели самое лучшее, запивая пищу алкоголем, короче говоря – всем сестрам по серьгам. Поев выделенным пайком, я отлучился в сторону, типа по нужде, а сам, обойдя выставленных часовых, пошел по дороге к склону горы. Там внизу в окружении огоньков, просматривались контуры целого поселения.

Глава 9.

О чем я думал, идя вниз? О своей роли во всем этом пиз... коллапсе. Я смог убедить военного проникнуть внутрь и закрыть портал, хотя все-таки меня к этому подтолкнул тот, самый первый послушник или как там его, посвященный. Короче говоря, меня тупо использовали. Причем все и каждый в свою пользу. Ладно, я в принципе, не в обиде. По крайней мере, не в данной ситуации. Резюмируем: я жив, здоров, у меня есть оружие, мое оружие, кстати, есть рюкзак с моими же запасами, а значит все не так уж и хреново, прорвемся!

Моя цель сейчас банальна: найти пленных и освободить, по крайней мере попытаться это сделать. Почему без остальных – это же элементарно, если там мои девчонки, то я должен быть на коне и впереди всех, потому что иначе, а я уверен, что при ином раскладе Юля просто поприветствует меня, как знакомого ранее, Галя начнет охаживать амбала, а на Надю сразу настроиться сам депутат. Остается только Оля, но нужна ли будет она мне после всего этого?

Опять мой мозг занят херней. Стоит переключиться, срочно.

На вершине горы лежит снежная шапка, тут, пониже только воздух прохладный, а там, внизу, вполне возможно, что уже достаточно тепло, чтобы возделывать поля и выращивать культурные растения. Шел я под гору легко, путь мой

занял практически всю ночь. Спустился и осмотрелся, крепкий частокол высотой больше двух метров, просто так не залезешь, ворота есть, но они закрыты. Пошел по периметру забора, решил для себя, что проведу рекогносцировку.

Ожидаемо, что ничего интересного я не обнаружил, разве что с противоположной стороны точно такие же закрытые ворота. Единственный плюс – я выяснил габариты этого селения. Точнее примерное время моего обхода равнялось чуть больше получаса, это значило, что длина окружности около двух с половиной километров, а значит радиус поселения метров четырехста. Неплохие такие габариты. Территория, окружающая поселение была грамотно зачищена от частокола метров на пятьдесят и больше, идти мне приходилось по самому краю, чтобы не попасться. Обойдя вокруг, я понял, что никаких часовых у частокола нет, а потому подкрался прямо под него и стал искать варианты перебраться через ограждение на территорию поселения.

Это время называли час волка, что-то типа того, время перед рассветом. Я брел и смотрел на возвышающийся частокол, никаких вариантов перебраться я не видел, уже почти отчаялся, когда вдруг обнаружил маленький овражек. Оказывается, местные регулярно выплескивали свое дерьмо в канавку, откуда оно под естественным уклоном текло дальше, упиралось в частокол и естественно, подмывало его, так, год за годом, в этом месте образовался небольшой овражек, по дну которого текли отходы жизнедеятельности местного

населения. Края заросли травой, пахло отвратительно, поэтому и никто не стремился сюда залезть и убедиться, что частокол по-прежнему цел и опасности прорыва не представляет. Да собственно и частокол то стоял за счет скрепления каждого отдельного ствола между друг другом, иначе бы подмытые бревна давно бы свалились.

Проверив диаметр полученного проема, я полез внутрь. Старался в принципе носом не дышать, эта вонь была просто непередаваемая. Как выдержал, не знаю, пролез на одних морально-волевых.

Благодаря полученному амбре, собаки местные меня игнорировали, видимо считали за своего. Так или иначе, но я без проблем проник на территорию села и крадучись отправился исследовать окрестности. Нужно было хотя бы найти подходящее место, чтобы затаиться на день и осмотреться. Жилые дома старался избегать, а вот всякие там ангары и сараи я старался осмотреть более внимательно. Так я нашел сенник. Двухэтажная постройка, обшитая горбылями, снаружи не разглядишь, кто там внутри, а внутри наоборот, все в округе видно, красота, одним словом. Я забрался в середину и улегшись поудобнее задремал, мне нужен был отдых.

Проснулся от криков и гомона, народ в селе собрался в кучу в районе центральных ворот и галдел, обсуждая какую-то новость. Я понял, о чем там речь, как только услышал звуки выстрелов из калашникова. Все ясно, наша освободительная братия подтянулась. Я рассматривал людей внизу и поражал-

ся, оказывается дикарей среди них были единицы, да и те выполняли в основном охранные функции. Остальной народ был вполне себе стандартного вида. Попадались и пленники из моего времени, я определил их по классическим шмоткам и тому, что они здесь были в качестве рабов, что ли. Ими помыкали все подряд, а сами мои современники боялись голову от земли поднять, на крики и оскорбления не отвечали. На общем фоне выделялись послушники или посвященные местного божества. Они старались направить человеческое рвение в нужное им русло, а именно – отбиться от напавших на них чужаков.

Тем временем из-за частокола постреливали и покрикивали, отсюда туда стреляли из луков, бросали дротики и камни, иногда матерились. Кого-то ранили, кого-то даже убили, пара дам были очень недовольны по этому поводу. Среди напавших и осаждающих тоже были потери, судя по крикам и матерщине.

Осматривая доступные мне дома и участки, я выделил отдельно стоящее здание, непрезентабельного вида, но там была большая движуха моих современников, вполне возможно, что там их и держат. Отлично, у меня появилась цель на эту ночь.

Дождавшись, пока стихнет шум из-за стен и внутри, я аккуратно слез с сеновала и отправился к постройкам, выбранным днем. Не скажу, что путь мой прошел гладко: взбаламученные нападением местные проявляли бдительность, по-

этому по селу ходили усиленные патрули, на один из таких я и нарвался. Меня спасла реакция и неожиданность, я все-таки ожидал нападения, а они нет. Их было трое и шли они уступом, они бы может и прошли мимо, но спрятался я в тени в последний момент, первый шел по над дальней от меня стеной, второй по центру, а последний ближе ко мне, он то меня и разглядел. Как только я понял, что раскрыт, тут же ткнул глазастого под подбородок, чтобы не заорал, заодно и оттолкнул его в сторону. Потом вытащил из-за пояса топор и метнул его в спину первого, а на второго бросился с мачете. Он был очень удивлен, когда в спине друга вырос топор, повернулся ко мне, как будто хотел спросить «ты это видел?», ну а я без лишних слов полоснул его по горлу, отстраняясь в сторону, чтобы меня кровью не заляпало, мне дерьма вчерашнего вполне хватило.

С мертвецами особо мудрить не стал, одного я бы еще куда пристроил, но троих — очень долго, поэтому, пошарив по карманам, оттащил их в ближайший темный закуток и отправился дальше. Все трое были обычными людьми, только заросшими, кожаные куртки, штаны из мешковины, у каждого на поясе дубинка с металлическим оголовьем и короткое копье, метра полтора всего, ах да, самое интересное, у двоих через плечо висели котомки с хавчиком, так что, если что пойдет не так, я еще смогу пару дней перекантоваться.

Я просто мастер диверсант восьмидесятого уровня: еще два патруля, встретившиеся мне на пути, прошли мимо и не

смогли меня разглядеть. Хотя предыдущий успех мне прям подзуживал устроить тут вальпургиеву ночь. Типа я ужас, летящий на крыльях ночи. С трудом удалось голосу разума достучаться до мозга, пьяного от адреналина, порывающегося делать необдуманные, но прикольные вещи. Мне просто везло, ведь если бы патрули ходили с собаками, то меня бы давно уже раскрыли и гоняли по селу, пока не поймают.

Искомый домик обнаружился, как и охрана, бдившая рядом с запертыми дверями. Потратил еще немного времени и обошел дом по периметру. Нашел единственный вариант – окно на уровне второго этажа, напротив крыша соседнего дома, так что есть возможность перебраться, будем пробовать. Я конечно не человек-паук, но залезть на крышу смог, даже шума много не издавал, разве что кряхтением и хеканьем, но это допустимо. Забраться я забрался, а вот тут новая дилемма: это снизу казалось, что расстояние плевое, а фактически больше двух метров выходит, епт. Еще и ставни-то закрытые, за подоконник я может и зацеплюсь, а дальше как? Мля-я-я. А все так хорошо начиналось. Сел на крыше и достал хавчик из первой котомки. Чисто на автомате, развернул сверточек и отрезав себе кусочек сала, принялся его жевать. Потом добавил хлебушка, затем луковичку, там нашелся и сырочек.

Сижу, увлеченно жую, так, что даже по сторонам смотреть перестал, так меня процесс увлек. Тут раздались крики с той стороны, откуда я пришел. Ясно, тела обнаружили, теперь

должен быть большой кипишь и шмон. Заметят меня тут или нет? Решил не рисковать, вздохнув, закинул в рот последний кусочек, остальное убрал обратно в котомку и перебрался прямо к дымовой трубе, она была теплая, прислонился к ней спиной и сытый, и довольный задремал.

Проснулся от толчка, встрепенулся и осмотрелся, был уже день. В открытом окне стояла девушка и готовилась швырнуть в меня каким-то мелким предметом. Я показал ей кулак, и она резко опустила руку. Протер глаза и потянулся, надо же и поспал и не спалился. В селе было оживленно, осаждающие и осажденные опять гомонили, перекрикивались и переругивались, короче жизнь продолжается. Я поднялся и на полусогнутых пошел в сторону окна, там еще раз внимательно осмотрелся, чтобы не светиться и наконец перевел взгляд на разбудившую меня землянку.

- Ну привет, красавица. – Ляпнул я, потому что, девушка действительно была довольно красива: аккуратная шапочка, с выбивающимися из-под нее длинными красно-рыжими кудрями, опускающимися до самых плеч, большие глаза, обрамленные длинными ресницами, маленький носик и пухлые губки, на ней была плотная курточка с выпирающей вперед частью, а значит и там природа наделила богатством немалым, остальное от меня прятал подоконник.

- Ты кто такой и что тут делаешь? – Спросила она, стараясь не орать.

- Твой спаситель, красавица. – Меня прям поперло.

- Ты дурак? – Ее большие глаза стали еще больше. – На наш город напали враги из другого мира! Как ты собрался меня спасти от них?

- Э... - Вот тут я подвис. – А ты сама, ты из этого мира?

- Так ты не местный? – Она всплеснула руками и закрыла ладошкой рот. – Ты с ними?

- Так, спокойно. – Я сам выдвинул пустые руки вперед, мне только истерики здесь не хватало. – Я не с ними, ясно? Я сам по себе. Так ты кто такая будешь?

- Я Рогнеда, дочь конунга Ингвара. Меня похитили по приказу Остромысла, первожреца Чернобога и теперь пытаются сторговаться с моим отцом за мой выкуп. – Девушка шмыгнула носом, давно видать тут откисает.

- А ты одна здесь? Я просто вчера днем тут столько народу видел, что характерно, не местных совсем, где они?

- А, ты про других пленников? Да, их держат в разных местах, тут на первом этаже обитает пара десятков, ты собираешься и их освободить? – Заинтересованно она посмотрела мне в глаза.

- Мы могли бы выбраться только с тобой вдвоем, есть тут одна лазейка, но, боюсь, тебе она не понравится. Да и я сам, пожалуй, воздержусь от такого выбора. Оставим как запасной вариант, на самый черный пречерный день. – Стал я рассуждать. – Поэтому нужно подбить пленников на бунт, чтобы изнутри открыть ворота и впустить осаждающих внутрь.

- Ты же сказал, что ты не с ними, ты солгал мне?

- Нет, нет! Но они не станут нам вредить, по крайней мере сразу, а потом мы сразу сдрысьнем! – Уверенно покивал головой, но она как будто почувствовала фальшь.

- Ты сам скрываешься от них или от какой-то части из осаждающих, ты в чем-то провинился? Что ты сделал? Скажи мне сразу, может быть попытка выбраться отсюда с твоей помощью приведет меня в еще более худшие условия, чем здесь.

- Ладно, расскажу, чего бы не рассказать. – Я вдохнул и выдохнул. – Я убил там нескольких, когда забирал свои вещи из склада. Они мне не хотели отдавать мое, понимаешь?

- Ты убивал воинов из своего племени? – Ужаснулась Рогнеда.

- Да как тебе объяснить, блин. Не мое это племя, ну, точнее народ-то мой, а вот эта конкретная группа лиц, они явно иного склада, чем я. Мы сотрудничали, делали общее дело, но разошлись во мнениях, как нам быть дальше, понимаешь? – Я видел, что она ни хрена не поняла, но девушка покивала утвердительно.

- Хорошо, что нужно от меня? – Спросила и тут же дернулась. – Ах, да, ты поклянешься, что вернешь меня отцу!

- Ладно, к отцу, так к отцу. – И, видя ее напряженный взгляд, добавил. – Клянусь!

Даже руку поднял, ладонью в ее сторону. Отлично, взвалил на себя еще одну проблему, идиот. Теперь нужно гораздо внимательнее и грамотнее обдумать дальнейшие планы. То,

что амбал и депутат не перестанут осаждать село, это наверняка, ведь портал сдох, а тут единственный вариант хоть как-то устроиться, опять же пленники земляне тоже здесь, но как долго продлится осада, смогут они что-то стоящее предпринять или нет? Современные люди, выросшие в теплице, навряд ли станут лезть на стены в самоубийственную атаку, да и те, что имеют какой-никакой опыт, тоже на дурака не попрут умирать. Я допускаю, что балабол депутат смог засрать им головы, но хватит ли его харизмы, когда первый серьезный штурм умоет этих земных горожан кровью с головы до ног, пойдут ли они на второй и последующие? Сильно сомневаюсь, в пещерах может и есть какой-то запас продовольствия и оружия, помет они год так смогут сидеть под воротами. А если сами селяне решат, что устали тут сидеть, решат, что сил у них хватит разбить неприятеля, что же тогда? В любом случае, мне придется сначала встретиться с пленными.

- Ты поклялся и уже сомневаешься? – Устала ждать от меня реакции красавица.

- Нет, не сомневаюсь, думаю о дальнейших шагах. Я через твою комнату могу попасть в дом?

- Нет, она заперта снаружи. Мне приносят пищу три раза в день, тогда и отпирают.

- Сколько их?

- Двое. Но воин только один, он отпирает и ждет за дверью, а второй раб, его задача принести еду и поменять отхо-

жее ведро.

- Ясно, тогда двигайся, буду к тебе перебираться. – Она отошла в сторону, а я, собрав свои вещички, разогнался и прыгнул внутрь распахнутого окна. Удачно приземлился, лбом в стену противоположную, но лучше так. – Завтрак уже был? Обед скоро?

- Ты голоден? – Удивилась она.

- Когда ждать тюремщиков твоих? – Снисходительно стал объяснять я ей свой план. – Они придут, дверь отпрут, я накинусь, и мы свободны, ясно?

- Ясно. Чего уж тут не ясного-то? – Хмыкнула она и такое миленькое у нее личико стало, эти ямочки на щечках, румянец... бли-ин, опять я влюбился, идиот.

Ждали мы несколько часов, за это время Рогнеда рассказала мне об ее племени, его устройстве и быте. Жили они внизу, в долине, пасли скот, возделывали землю, растили детей, шили себе одежду, плели мебель, одним словом жили не тужили. Тут, как всегда это бывает, появились у них соседи беспокойные, которые сами ни хрена не делают, а лишь стараются отжать результаты труда у более трудолюбивых. Начался конфликт и теперь длится эта вялотекущая война уже несколько десятков поколений, то одни на других нападут, окрестности пограбят пожгут, людей в полон уведут, то другие соберутся и идут давать сдачи первым, освобождать пленников и возвращать украденное добро, так и живут. На мой логичный вопрос, почему не собрались один раз всей

массой и не вломили своим врагам так, чтобы уже никто и никогда не смел даже подумать о том, чтобы позариться на чужое имущество, девушка ответила, что тогда боги отвернутся от них, потому что каждая тварь имеет право на жизнь, а люди не вправе лишать ее той самой жизни. Логика, ау, где ты? Вот в очередной раз захватчики и набросились на пограничье, а там как раз была она, дочка вождя, по каким-то своим делам приезжала, конечно же совершенно случайно, ага, я прям сразу поверил ей. Нет, в ее племени не может быть ни предателей, ни шпионов, о чем я таком говорю, такого просто быть не может.

Вот так, болтая обо всякой местной фигне, я понемногу выводывал местные обычаи, правила и законы. Похитители требовали за дочку от бати в качестве выкупа целую гору всякого добра, но, как сказала сама похищенная, ничего неподъемного не было, ровно в тех пределах, что накопились на складах и амбарах, столько, сколько хватит и зиму пережить и весной засеять. Ага и опять ни разу не случайные знания, конечно же это проявление божественного вмешательства. Хотя мой скептицизм немного резало наличие портала и мое перемещение в иную реальность, мороз в середине июля и раны мои, заживающие, как на собаке. Я, кстати, лишь мельком пробежался по своему миру, не стал рассказывать особо впечатлительной девушке о моем мироустройстве, так, в общих чертах поведал и все.

Продолжали бы мы и дальше так сидеть и трюндеть, как

вдруг за дверью раздался лязг отпираемого замка и отодвигаемого засова. Вот он, мой звездный час, сейчас или я их всех и сразу в ферзи или они меня и ... и все...

Глава 10.

Пока снаружи ковырялись с запором, я встал за дверью, так, чтобы вошедший не смог разглядеть меня сразу, дверь-то открывалась вовнутрь. По вошедшему сразу было видно, что он слуга или еще какой обязанный: согнутая спина, опущенная голова, на вытянутых руках нес поднос с пищей. По моей просьбе, Рогнеда Ингваровна схватила слугу за руку и потребовала себе нормальной пищи, суть ее действий сводилась к тому, чтобы вынудить вмешаться охранника, оставшегося в коридоре. Девушка разошлась не на шутку, Станиславский бы поверил, как, в конце концов и поверил охранник, который с гневными криками прошел мимо меня, намереваясь освободить верещащего слугу и закончить этот прием пищи. Стоило мужику пройти мимо меня и подставить мне спину, как я, не медля ни секунды, воткнул ему копье в основание черепа, фатально так ткнул, ему хватило. Все бы ничего, но инерция движения закинула умирающее тело на все еще блажившего слугу, по-прежнему сжимавшего поднос двумя руками. Верткая дочь конунга успела отпустить руку бедолаги и отскочить в сторону, как оба повалились на стену, рассыпая и разбрызгивая содержимое обеда княжны.

- Ты меня понимаешь? – Спросил я слугу, выпроставшегося из-под трупа охранника и со страхом смотрящего на окровавленное острие моего копья. – Сколько тут еще охраны?

- А-а-а... Э-эхе. – Толи стонал, толи ныл слуга, вроде взрослый мужик, но, видимо, его нехило так сломали.

- Ты говорить можешь или нет? – С нажимом повторил я.
– Убеди меня, что ты не бесполезен для меня.

- Могу... Понимаю... Не убивай... Все скажу, все. – Выкарабкиваясь и вставая на четвереньки заблеял несчастный, глаза которого ни секунды не стояли на месте, видать того, кукуха поехала.

- Выглянь за дверь, проверь, что там все нормально? – Приказал я Рогнеде, не меняя интонаций и она, лишь зыркнув на меня недовольно, прошла к открытой двери. – Говори, не вынуждай меня повторять дважды, тебе это не понравится. – Добавил я жесткости в голос.

- Двое на улице, еще двое на кухне, охраняют склад и следят за порядком, это все, что в этом здании. – Выговорился слуга.

- Ясно, как много пленников, как давно они здесь живут? – Продолжил допрос я.

- В коридоре никого нет, все спокойно. – Сухо отчиталась княжна, я лишь кивнул ей, не отрывая взгляда от слуги, с того станется поднять шум, ради своих хозяев. Подобное поведение вроде называют «Стокгольмский синдром», если не ошибаюсь.

- Пленники живут в трех из четырех комнат первого этажа, в четвертой кухня, склад и столовая. Там стоят двухъярусные лежаки, рассчитанные на сорок человек в каждой

комнате, но столько сразу там никогда не было, людей приставляют к разным работам, иногда посменно. – Докладывал допрашиваемый, уже значительно успокоившийся. – Большая часть здесь уже давно, это дети пленников с предыдущих порталных вылазок, сами пленники, а тех, что привели недавно держат отдельно, они по перву сильно очень бунят, народ мутят и работать отказываются, иногда портят инструменты и материалы.

- Где их держат? Почему вещи их среди местных встречаются?

- Они распределены по разным местам, кто для какой работы годным признан был, туда и приставили, опять же, детей и женщин отдельно от мужчин содержат. А вещи, их раздают кому по мере необходимости.

- Сам то ты кто и откуда? – Уже убрав копье в сторону, спокойно поинтересовался я, план поднять бунт считай провалился, по крайней мере «А».

- Я служу при старейшине нашем, мой отец и его отец служили старейшинам нашего поселения. – При этих словах он практически выпрямился и подбородок задрал.

- Твой статус какой? – Меня стало это все утомлять уже, перспективы быстро найти наших, освободить и свалить, растаяли, а альтернатива не хотела вырисовываться.

- Статус?

- Ты свободный человек или раб? – Практически рыча, выдал я.

- Конечно свободный, только обязанность у меня такая почетная, что не каждому доверять можно... - Продолжил набивать себе цену услужливый идиот.

- Ясно. – Перебил его я и спросил. – Где мужчин держат с последней партии знаешь?

- Знаю.

- Покажешь?

- Покажу. Конечно же. – Он сглотнул, видимо понял уже, что практически бесполезен мне и требовалось срочно придумать, как убедить меня не убивать его.

- Только вот я рисковать не буду, поэтому повернись и руки за спиной сложи. – Тот смиренно вздохнув, подчинился. Я снял с него пояс и связал ему руки за спиной, потом подумав, еще и рот завязал, сняв такой же тряпочный пояс с убитого охранника. У которого за этим самым поясом был спрятан кожаный мешочек, в котором я нашел с десятков медных монет и несколько серебряных. Тут же вспомнил за трех, убитых ранее, охранников, у тех тоже были такие пояса, но раз я их не снимал, то и монет не нашел, эх. Еще нож у него был красивый, в чехле с инкрустацией, тоже забрал.

- Так, сейчас стоите тут и ждете меня. – Я посмотрел на княжну. – Будет выделяться, дашь ему по печени, ясно?

Та закивала, принимая от меня копьё охранника, а я пошел в коридор, здесь помощи не будет, эти люди и так счастливы своей долей, понимания я у них не найду.

Двух жлобов, что терлись возле кухни я исключил из пер-

воочередных задач: во-первых, они стояли вместе; во-вторых, там помимо них терлось столько левого народа, что паника поднялась бы сразу; в-третьих, лично они мне выход не загораживали, в отличие от двух, стерегущих двери с улицы. Пришлось возвращаться.

- Есть другой выход из здания? – Спросил слугу, сняв с его рта повязку.

- Есть, как же не быть то ему? Припасы в склад при кухне через него носят. – Живенько доложил исполнительный товарищ.

- Хорошо, а его кто-то охраняет?

- Нет, с улицы никого. Изнутри должны, но они чаще рядом с самой кухней трутся, чтобы с поварами значит словами перекидываться.

- Сейчас идем вместе вниз, ты впереди, я за тобой, дернешься – сдохнешь, ясно? – Начал я раздавать указания, попутно раздевая убитого мною охранника и переоблачаясь в его верхнюю одежду: кожаную куртку с наклейками, кожаными наручами, с тремя продольными полосами из говеного железа – на них было много вмятин и края были выщерблены, плащ из толстой мешковины с капюшоном, кровь пришлось срочно вытирать, поножи снимать не стал – труп опорожнил содержимое мочевого пузыря и брезгливость перевесила осторожность.

- А я? – Спросила заволновавшаяся Рогнеда.

- Здесь пока останешься, вдруг нас попытаются схватить,

один я смогу отбиться и уйти, а вот с тобой не получится, еще и подставлю тебя, оно тебе надо? – Попробовал я объяснить ей на пальцах всю бесперспективность ее участия, но увы, она была непреклонна.

- Я иду с тобой! Семен. – Так на меня взглянула, что я передумал спорить.

- Ладно, идем, накинь на голову капюшон, может и не узнают тебя сходу. – Сдался я.

Руки я слуге не развязывал и так сойдет. Вместе спустились вниз, потом аккуратно прошли по коридору до торцевой двери, где оказался обычный запор в виде щеколды, я ее скинул и выглянул на улицу. Люди перемещались туда-сюда, но прямо на нас никто не смотрел. Ладно, была не была, вперед.

Слуга вел нас по улицам, а мы шлепали следом за ним, не отставая и не отсвечивая лицами. Потом он отошел к стене одного из домов и замер.

- Чего встал? – шикнул я на него.

- Пришли, господин. Вон там, видишь воинов, охраняющих вход? – Он показал мне подбородком в сторону здания, похожего на то, в котором я их подобрал. – Там и содержат часть пленников из последней партии.

- Мужчины? – Уточнил я.

- Да.

- Хорошо. В него как можно попасть, минуя основной вход?

- Только если через окна второго этажа с той стороны, так же, как и попал в тот дом. – Слуга заметно приободрился, даже подкалывать меня стал, сволочь.

- Ясно, значит, придется делать финт ушами. – Резюмировал я.

- Что делать?

- При чем здесь уши? – Всполошились мои сопровождающие.

- Спокойно, скоро все поймете, пошли вон в тот закуток, там все объясню.

Мы перебрались в тупичок между двух соседних зданий, где я объяснил свой план.

- Я сейчас вернусь обратно и устрою там пожар, охрана поднимет тревогу, даже если эти двое останутся здесь, мне будет проще разобраться с ними. – Перевел взгляд на девушку, отдавая ей нож убитого охранника. – Ты сможешь дожидаться меня здесь и посторожить нашего товарища?

- Конечно смогу! – Тут, видимо, глупых вопросов не возникло.

Обратный путь не занял много времени, пока шли, я заминал приметные ориентиры, все ожидал подляны от пленного слуги, но обошлось. Двери никто не запер, значит, пропажу до сих пор не обнаружили, что очень странно. Как-то вылетело из головы уточнить у говорливого раба его распорядок дня. Поднялся на второй этаж, пару раз пересекся с другими людьми, но они на меня не смотрели, старались

вообще глаза все время в пол направлять, отличная маскировка! Толкнул в дверь темницы княжны, там только труп непотревоженный, вот и славненько. Достал из кармана зажигалку и сбросив под стену все шкуры и тряпки с лежанки, подпалил с нескольких краев. Окно оставил открытым, доступ воздуха не позволит пожару потухнуть.

Сделав свое грязное дело, поспешил свалить поскорее, пока ветер без камней. Я уже отошел на сотню метров, когда идущие навстречу мне люди засуетились: «Пожар!», «Дом горит!», «Враги пробрались в село!». Оглянулся и убедился, хорошо горит. В небо поднимался толстый и густой столб серо-белого дыма. Стараясь не привлекать к себе внимание, как человек активно прущий против течения, я шел, держась стороны улицы и приближался к тупичку, где оставил княжну.

Придя на место, я убедился, что Рогнеда на месте и слуга, и оба охранника тоже на месте.

- Итак, раз они никуда не ушли, значит вступает в силу план «Б». – Сказал я и отмахнулся на невысказанный вопрос моих сопровождающих. – Смотри за ним внимательно, я пошел.

В голове проносились варианты, как грамотно разыграть эту партию: напасть сходу, но могу промахнуться или не добить с одного удара, тогда против меня будет двое; разыграть сцену «я ваша смена», результат будет тот же; запаниковать, типа враги внутри, защищайте город, может сработать.

Я ускорился, практически переходя на бег, когда добрался до нужного крыльца.

- Враг уже за стенами, все на защиту поселка! – Прокричал я им, делая вид, будто собираюсь бежать дальше и оповещать остальных.

- Что? Ты сам-то, кто такой? – Один из них попытался перегородить мне дорогу.

- Я с западной стены, там подтащили лестницы и штурмуют стены! – Попробовал обойти я неожиданное препятствие.

- Стой сказал! – Первый уже не скрывал своей злости и властного голоса. – Ты кто таков будешь?

- Я же уже все объяснил. – Я остановился и сделал вид, будто не могу отдышаться, наклонился и упер руки в колени, при этом, как бы просто так удобнее, копьё мое направилось на огородившего мне дорогу. Второй по-прежнему стоял возле охраняемых дверей.

- Да ни хрена ты не ... - Он приближался, и моя покорность снизила уровень его подозрительности, а потому глупец уже не угрожал мне своим оружием, а просто нес его. Выпрямляясь, я сделал маленький под шаг и ударил врага прямо в выпирающий кадык, слегка провернув острие внутри раны, а затем развернувшись, отправил топор в полет во второго. Он хоть и ждал подсознательно какой-то подставы от меня, но все равно среагировал поздно: топор летел в грудь, а присевший для рывка стражник подставил ему лоб. Удар вышел неаккуратный, лезвие лишь вскользь задело го-

лову, основной удар был нанесен щекой, скорее обидный, чем болезненный. Не теряя времени, я побежал ко второму, занося копьё для удара, тот на одних рефлексх подскочил и извернулся, уворачиваясь и пытаясь ударить в ответ. Вся моя хваленая техника работы с копьём – полное говно, дилетант и сраный самоучка. Я еле успевал отбивать выпады оппонента, на большее меня уже не хватало, а сам он, стараясь экономить силы, даже говорить не пытался, так мы и плясали вокруг друг друга, не в состоянии добиться хоть какого-нибудь результата. Меня спасала выносливость и ловкость, а противник уже начинал уставать: половина его лица была в крови, текло уже и по плечу, и по телу. В какой-то момент он приостановился, чтобы сделать глубокий вдох и вытереть кровь, полностью залившую глаз, я воспользовался ситуацией и, не прекращая предыдущего маневра уклонения, махнул в его сторону как мечом. Он попытался защититься своим копьём, подняв его вертикально, но мой коварный удар перебил ему пальцы, а как только он выронил свое оружие, я вогнал острие своего копьё ему прямо в яремную ямку. Бедолага побулькал немного, выпуская слюни и кровь изо рта, схватив наконечник левой рукой и пытаясь его извлечь, но я держал крепко. Когда силы его оставили, и он стал заваливаться, то я, наоборот, резко выдернул и отпрянул в сторону.

Только теперь я осмотрелся, понимая, что наша драка могла привлечь много лишнего внимания, на мое счастье, никого вокруг не наблюдалось. Помахал рукой призывая

княжну со слугой, подобрал свой топорик, заглянул в лица мертвецов, следовало убедиться, что уже не поднимутся. Потом, подхватив их за ворота, отволоч по одному за угол дома. Там уже приноровившись на предыдущих, быстренько обыскал, забирая себе кошель с монетами, кожаный пояс с большой бляхой и дорогими ножнами, который сразу же одел себе.

- Неужели у тебя есть на это время? – Брезгливо одернула меня подошедшая княжна.

- На трофеи всегда должно быть время! – Авторитетно заявил я, забирая и котомки у обоих воинов, потрошить их на глазах у этой важной курицы не стал, да и действительно, времени в обрез.

Мы поднялись на крыльцо и отперли двери. Рогнеду и слугу оставил у входа – сторожить, а сам пошел в дом. Внутри было несколько комнат, запертых на такие же щеколды. Я принялся открывать их по одной и проверять кого там держат. В помещениях были такие же лежаки, на них обреченно лежали люди, мое появление не вызвало у них оживления, скорее немой вопрос, какого хрена опять.

- Ну что земляки, по дому соскучились? – Задал я вопрос, по внешнему виду определив время и эпоху, из которой они сюда попали.

- Ты кто такой? – Спросил меня здоровяк, он понял, что я не местный охранник, пинать и бить не буду, а значит можно включить лидера.

- Член диверсионно-разведывательной группы, прибыл разведать диспозицию противника, найти слабые точки в обороне, обнаружить пленных, попытаться их освободить и склонить к сотрудничеству. – Отчитался я, придурковато улыбаясь, я почему-то был уверен, что теперь у нас все получится.

- Слышь, член, а как ты собираешься нас склонять? – Продолжил хамить мне здоровяк, почувствовав уверенность и поддержку подтягивающихся к нам мужиков, которых здесь было почти четыре десятка.

- С помощью рук и какой-то матери! – Ответил и поудобнее перехватил свое оружие двумя руками. – С помощью длинных рук, да и язык моей матери очень острый. – Я недвусмысленно показал глазами на залитое кровью копьё и красный от крови наконечник.

- Че, прям резать нас будешь? – Хмыкнул здоровяк.

- Нахрена? – Тут уже я удивился.

- Ну, чтобы заставить. – Продолжил рассуждать тот.

- Ты че мужик, больной? Я сюда пробрался вас из плена вытащить, организовать вооруженное восстание, епт. – Меня стало понемногу потряхивать от накатывающей злости. – Там за забором, собралось несколько сотен жителей Новороссийска, военные и ополчение, мы пришли спасать своих сограждан, но прямой штурм принесет много жертв, чтобы их избежать, нам с вами нужно ударить в спину, ясно?

- Ясно, чего же не ясного. – Он осмотрел окружающих нас

мужиков. – Только вот у тебя оружие есть, а у нас его нет. Делись давай или ты хочешь, чтобы мы с кулаками на копья шли? Внешних от лишних жертв хочешь сберечь за наш счет? – Толпа согласно загудела.

- Свое оружие я добыл в бою, с трупов снял, которых лично упокоил. Делиться ни с кем не буду и не собирался изначально. – Меня понесло, но я не стал останавливаться. – Не хотите нам помогать, оставайтесь на хрен тут, становитесь их слугами и рабами, вытирайте им жопы, убирайте за ними говно, ссыкливые ублюдки. Я лично возвращаюсь обратно и передам руководству, что здесь уже не осталось сограждан, ради которых вообще стоит затевать штурм.

Сплюнул на пол, развернулся и быстро пошел на выход.

- Да погоди ты, мужик, мы все поняли. Стой! Остановись! Да дай сказать! – Неслось мне в спину, но я был настолько зол, что было уже плевать. Здесь были только мужики, а я хотел найти, где держат женщин.

- Где держат женщин, знаешь? – Задал я вопрос слуге, стояло мне с ними поравняться.

- Знаю, конечно. – Согласно покивал тот. Расправа над стражниками поумерила его пыл, видимо ставку он делал не на меня.

Я толкнул его в спину и махнул головой княжне, чтобы следовала за мной. Не успели спуститься с крыльца, как на нем показались заключенные.

- Да погоди, мужик, объясни нам хоть, в какую сторону

двигаться. — Догнал меня тот, что был рядом со здоровяком, но лишь слушал, не встречая.

- Вон дым видишь? — Тот согласно закивал головой. — Отлично, это я поджег такую же тюрьму, как и ваша, но там все слуги, выросшие здесь или из старых, не захотели бунтовать, ну и хрен с ними. Главное, что туда сейчас поперло большинство, тушить пожар, значит вам туда соваться не стоит. Тут за углом лежит два трупа охранников ваших, их оружие и доспехи можете взять себе, будет с чего начать.

- Так а сам ты куда? — Уточнил он у меня.

- Тут в бараке одни мужики, нужно еще и женщин наших найти с детьми, вот местного языка взял, должен отвести туда, где их держат. — Видя здравомыслящего человека я прям разоткровенничался с ним.

- Ага, ясно, я тогда позову пару мужиков и с тобой двинем, поможем если что. — Он тут же обратился к нескольким выбравшимся на улицу освобожденным пленникам, объясняя им что да как. Несколько уже освобождали трупы от доспехов и оружия.

Я не стал больше ждать, такая масса народа одним своим существованием привлекала внимание и оглашала окрестности шумом, как на базаре. Люди склонны очень быстро перестраиваться и забывать где они находятся и почему. Мы не успели скрыться за поворотом улицы, как нас догнали четверо с говорившим во главе, я лишь махнул головой, мол видел вас, догоняйте, побежал дальше. Между тем пожар раз-

бушевался и осаждающие, принявшие его за помощь изнутри, усилили натиск снаружи: крики и выстрелы стали доноситься чаще.

- Мы почти на месте. – Задышающийся от бега слуга остановился. На нашу пеструю бегущую толпу почти никто не обратил внимание, в это время половина была на стенах, а вторая тушила пожары. – Вон тот дом.

- Ясно. Рогнеда, действуем по старому сценарию. – Распорядился я, но на немой вопрос спасенных мужиков пояснил. – Я сейчас иду к дверям, вы ждете тут, если там есть охрана – я ее валю, если нет, то открываю засов и зову вас, ясно?

- Все ясно. – Согласился он и посмотрел на стальных, те закивали, стараясь восстановить дыхание.

Стражи у дверей не было, но меня это не сильно смущало. Добрался до крыльца и убедился, что запор заперт, уже что-то. Оглянулся, и махнул остальным, чтобы приближались, сам же открыл защелку на двери и бегло осмотревшись прошел во внутрь. Расположение комнат как по лекалу, те же и там же, только контингент иной: в первой женщины и девушки, во второй мамочки с детками, а в третьей подростки, зачем так разделили, непонятно, но это и не важно. Я все двери пораскрывал и внимательно осмотрел лица пленниц, увы, ни одного знакомого так и не нашел.

- Так, дамы, слушаем меня внимательно. Сейчас наши мужики штурмуют стены снаружи, а изнутри я освободил пленных, они должны им помочь и поддержать, чем закончится

штурм, я не знаю, но главное, чтобы с вами ничего не случилось. В поселке начался пожар, он от вас относительно далеко, но всякое может случиться. – Попробовал я вкратце обрисовать перспективы.

- Что нам делать?

- А ты кто?

- Куда нам идти? – Посыпались классические вопросы, стоило мне замолчать.

- Маша, Маша ты тут? – Вбежал в дом мой добровольный последователь, теперь я понял, что им двигало.

- Миша? Ты нашел меня? – Одна из женщин растолкала подруг и выбралась к нам на вы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.